

Отпусти меня,
удача!

Annotation

С детства родители говорили мне не ходить в лес. Тем более не ходить в него с кем-то. Откуда же мне было знать, что они волновались не за меня, а за тех несчастных, что окажутся в лесу вместе со мной?!

Отпусти меня, Удача!

Глава 1: Бесконечная тупость любви

Меня зовут Мирт, я живу в одной деревеньке на самой окраине королевства и сейчас я чрезвычайно влюблён. Я понимаю, что я не должен испытывать этих странных чувств, я понимаю, что не должно моё сердце преисполняться радостью, а в следующий миг уже грустить... Но я не могу ничего поделать, все мои мысли только о ней и это противно... это глупо... но это так, и не могу я ничего с этим поделать, как бы не пытался, мне хочется подойти и сказать ей, что я люблю её... люблю по-настоящему, без капли лжи и обмана.

И сейчас я собираюсь это сделать, в этот самый момент...

А может завтра? Всё-таки никуда она не денется, в одной же деревне живём...

А что если ей кто-нибудь другой признается в любви, и она согласится? Что я тогда делать буду? Анариэль может и согласиться, всё-таки она ведь не знает о моих чувствах... и на меня она, кажется, почти не смотрит, а шанс, что ей признается кто-нибудь другой очень велик.

Я видел, как Джокеус подбивал к ней клинья... а она так ему мило улыбалась...

Чёрт! Больше медлить нельзя, если не сейчас, то, когда же ещё?! Надо, обязательно надо попробовать, обязательно сейчас, или я всё упущу, а что будет если она выберет его? Я же буду страдать при виде этой парочки я же буду сам себя ненавидеть, а братишка будет смеяться надо мной, только он знает, что я чувствую по отношению к ней, сам догадался мелкий засранец и спросил меня ночью, когда мы собирались ложиться спать, в тот момент моё сердечко было максимально уязвимо и все мысли были только о ней, так что я всё ему разболтал, а он сказал решиться и признаться ей во всём, сказал, что так появится шанс, что она может по дурасти свое растеряться и согласиться со мной встречаться... мелкий засранец... но кажется он прав!

Я стою сейчас за старенькой избушкой посреди деревни, прямо у центральной площади, где располагается самый большой колодец в деревне, Анариэль сейчас стоит там и разговаривает с какой-то бабушкой... такая заботливая, наверное спрашивает как у бабушки здоровье, и чем можно помочь... всё-таки Анариэль такая добрая... ох, совсем я ей не пара, ох ну совсем... но а вдруг растеряется?

Всё-таки признаться в любви, это всё равно, что контракт: если она согласится, то у меня будет шанс, можно будет на всю деревню рассказать, что она встречается со мной и тогда она не сможет сразу меня бросить, но всё-таки... как же это чертовски плохо и мерзко... но так у меня хотя бы появится шанс... стоп, но ведь если она согласится, тогда я буду зависим от неё, ведь получается, что яобнажаю перед ней буквально свою душу, и милости выпрашиваю, чтобы она была со мной... если она согласится, то и впредь, что бы она не попросила, я буду как собачка идти и делать всё что она попросит, при этом радостно виляя хвостиком... но чёрт возьми, я же буду этому даже рад!

Эти чувства точно не нормальны, не приворожила ли она меня? Да нее... нафиг я ей нужен, за ней же столько мальчиков бегают, вот Джокеус, например... а-а-а-а-а... всё, я больше не могу, либо сейчас, либо никогда!

Вперёд, Мирт! Ты храбрый! Ты мужчина! Пошёл и признался!

Да... так и сделаю...

— Э-э-э... Анариэль... Привет!

— Э-м... Привет... Мирт, кажется?

О боже... она знает моё имя!

— Да! Тут такое дело... ну-у...

— Эм... не мог бы ты поторопиться? У меня есть ещё дела...и просто некогда с тобой говорить, ты уж извини...

Анариэль разворачивается и собирается уйти, но разве я могу это допустить?! Нет, не могу, ведь во второй раз у меня решимости не хватит!!!

Я схватил её за руку и сразу об этом пожалел... она развернулась ко мне... глаза сверкают, словно она вот-вот набросится на меня и собственноручно задушит! И я опешил на миг и этого мига хватило, чтобы она вырвала из моей ладони свою руку...

Она смотрит на меня так, словно вот-вот ударит, и я вдруг начинаю понимать, что совершенно не знаю эту девушку и стоило бы с ней хотя бы немного познакомиться и пообщаться прежде, чем признаваться в любви...

— Чего. Тебе. ОТ МЕНЯ. Надо?! — не говорит, а шипит она...

Моя внутренняя чуйка кричит, буквально визжит внутри меня: чтобы я бежал отсюда как можно скорее, и при этом не оглядывался и вовсе про этот случай забыл, как про нелепый кошмар... но Анариэль так красива, когда злится... боже, я не могу оторвать взгляда от её горящих пламенем глаз...

— Я люблю тебя, Анариэль!!! — выпалил я, и ноги сами собой приготовились бежать...

Боже, что я творю?!!!

— Чего?! — Анариэль удивилась не меньше моего.

— Ну... ты мне нравишься...и не хочешь ли ты... ну...

— Встретаться с тобой? Я?! Ты что... дурак? Я же совершенно не знаю тебя... я вообще впервые с тобой разговариваю и то, что я тебе нравлюсь... мне это конечно льстит... но я не верю тебе!

— Что?! Но я на самом деле люблю тебя, если хочешь я могу доказать! Что угодно... только скажи, и я всё сделаю, ведь я на самом деле люблю тебя!!!

Анариэль улыбнулась, и я должен был бы заметить странность её улыбки, но я всё благополучно прозевал и странность её улыбки пролетела сквозь мой разум, оставив там лишь один крошечный след подозрения...

Анариэль впервые мне улыбнулась, и я был этому до безумия рад!

прошла неделя

За это время я только чем не занимался: я рубил дрова, таскал воду, мыл полы, я дарил Анариэль ягоды и цветы, я не оставлял её ни на миг, каждую секунду пытаюсь доказать свою любовь... И кажется у меня что-то начинает получаться, ведь Анариэль становится всё мрачнее, и она в последнее время всё чаще молчит, принимая от меня подарки и всё меньше заставляет меня работать по её дому... мне кажется, или я вот-вот завою её маленькое сердечко?! Ха-ха-ха... да я просто самец... хе-хе...

— Нам нужно поговорить, Анариэль!

Я встретил её у того же колодца, в центре деревни, когда она пришла за водой... Почему-то в последнее время она перестала просить меня таскать воду и занялась этим сама... как странно... да в общем-то неважно...

Я специально дожидался её у этого колодца несколько часов, всё ждал пока она придёт, и вот я встретил её и время разговора пришло!

— Анариэль... милая... — я сказал это, и она словно на миг передёрнулась... может

мне показалось?

— Так вот... милая Анариэль... — снова передёрнулась? Наверное, у меня просто богатая фантазия.

— Мне кажется я уже достаточно доказал свои чувства и мне хотелось бы... чтобы ты приняла мою любовь и... давай уже начнём встречать Анариэль!!!

Анариэль словно на миг побледнела и малость задумалась...

— Нет... я... — но вот лицо её вновь просветлело и даже складочка на лбу разгладилась... она даже заулыбалась, что-то увидев за моей спиной. Я обернулся и увидел, что в нашу сторону направляется Джокеус... этот уродец... шествует так медленно, мерзкой походкой вразвалочку... идёт прямо к нам...

Какого хрена ему надо, да ещё и в такой момент?!

— Ёу, всем здрасьте! Как делишки?

Подошёл ко мне вплотную и руку свою противную мне на плечо положил и Анариэль примерзко улыбнулся...

Разве можно это вообще терпеть? А Анариэль вся покраснела... стоит и тоже ему улыбается... Надо бы ей напомнить о нашем разговоре!

— Анариэль! Так что же ты решила? — я руку Джокеуса с плеча сбросил, а он даже и не заметил, лишь смотрит на Анариэль удивлённо... а потом на меня взгляд свой перевёл.

— Э-э-э... а о чём это вы тут ребятки беседуете?

Ребятки?! Мы же с тобой погодки!!! Нам всем тут по пятнадцать вообще-то, вонючий гоблин!

— Мирт хочет, чтобы я стала его девушкой...

Офигеть?! Зачем ты ему об этом говоришь Анариэль... О, чёрт!

Джокеус заржал, да так, что даже за живот схватился, стоит и обхохотывается...

— Ну понимаешь-ли... ха-ха-ха... ох... понимаешь-ли Мирт... дружище...

Ага, как же. В гробу я такого друга видал!

— Понимаешь ли, Мирт... тут такое дело. Вообще-то Анариэль мне тоже нравится, и я тоже хочу, чтобы она стала моей девушкой... это значит, что у нас с тобой возникли определённые разногласия... смекаешь?

— И что? — я смотрю с вызовом, сдаваться я не собираюсь... пусть он выше и сильнее, пусть и приходится мне смотреть на него снизу-вверх, но я люблю эту девушку, и вот так вот просто от своих чувств отказываться не собираюсь!

Я даже сжался слегка... приготовился к удару, так сказать. Ну а вдруг? От этого гоблина всего можно ожидать....

— А то... мой, мелкий... ДРУГ... что нам нужно испытать мужество друг друга, чтобы понять, кто из нас достойнее, ты же согласен с этим, а? Мне кажется, что эта красавица заслуживает лучшего!

Анариэль от такого комплимента даже вся вспыхнула. Ох, чёрт! Неужели ей нравится Джокеус? Чёрт! Но я всё равно буду бороться за неё и тогда она поймёт, насколько же я лучше этого болвана!!!

— Да, я согласен! Так что же ты предлагаешь?

— Я предлагаю нам с тобой отправиться в тихий лес... и тот, кто зайдёт дальше, не испугается и не убежит, тот и окажется более достойным, а?!

— Но старшие запретили детям ходить ту...

— А ты разве дитя? Неужели ты испугался, а Мирт? Ну тогда уж извини... кажется мы

все понимаем, кто здесь более достойный, он приблизился к Анариэль и положил ей руки на талию... а она словно и не возражает вовсе. Ну уж нет!

— А на руки убрал, паскуда такая!!!

— Чего ты сейчас сказал?!

Джокеус угрожающе повернулся ко мне и руки с талии Анариэль, пусть и нехотя, но всё-таки опустил. Скотина!

— Я сказал, что согласен с твоим предложением. Когда ты хочешь пойти в лес?

— Ха... вот значит как... ну хорошо... щенок, не думай, что я забуду оскорбление!

— Я не боюсь тебя, Джокеус!

— Ну хорошо-хорошо, завтра рано утром, пока старики ещё спят, тогда и выйдем. Идёт?

Он протянул мне руку, и я пожал эту здоровенную лапу, а он стиснул мою ладонь так, что я чуть не вскричал от боли... но вовремя сумел сдержаться... после этого рукопожатия рука у меня стала вся красная и даже пульсирует как-то странно.

Ублюдок!!!

утром, на следующий день

Он сказал, что это будет испытание для нас двоих, но почему-то здесь его приятели... так значит Джокеус даже слово своё сдержать не в состоянии! Гоблин...

— Почему они здесь? — я рукой указываю в сторону двух парней, они приятели Джокеуса, и по какой-то странной причине, в тихий лес они отправились вместе с нами. Так почему же?

— Они пойдут с нами на всякий случай, никто же не знает почему старики не отпускают нас в этот лес, может нам потребуется помощь, если, допустим, волки нападут.

— Волки?!

— Да не бойсь ты так, Мирт! Волки не нападают на большое скопление народа, чего же ты сразу побледнел, а? — говорит один из парней, по имени Комуро, он самый противный гад во всей деревне, и хитрый как шакал... он второй человек во всём мире, которого я жутко ненавижу! Почему именно второй? Так Джокеус на первом месте, оттуда его никому не сместить.

— На самом деле, не волнуйся, Мирт. Я не более твоего хочу тащиться в эту глушь, но тогда удастся выяснить, от чего такого нас оберегают родичи, — вставил своё слово второй парень, по имени Вехутан... я вообще впервые вижу, как он говорит, обычно всегда молчаливый он стоит где-то в стороне и слушает взрослых, а тут вдруг решил послушаться. Удивительно, ведь он сын старосты и такое непослушание... и хмурый он совсем какой-то. Может с отцом поссорился?

Ладно, мне то что с этим делать? Если бы пошёл только Комуро, то я бы плюнул на всю эту затею... этот парень лучший друг Джокеуса и выслужиться перед ним Комуро был бы только рад, так что хреновая идея была бы, но с нами Вехутан... значит всё не так уж и плохо, пусть этот паренёк и хмурый, да и странный какой-то, но точно надёжный!

— Хорошо... пойдёмте...

через два часа, где-то на самом краю тихого леса

— Стоп, думаю мы отошли достаточно далеко... — говорит Джокеус, резко остановившись и обернувшись ко мне, ведь я иду за ним следом.

— Ты что, уже сдаёшься? — с подозрением спрашиваю я.

Всё-таки это странно, ведь причин для паник совсем нет, кругом лишь деревья да высокая трава, нам по пояс. Нет в этом лесу никаких страшных штук... правда мы не так уж и далеко зашли, может всё дело в том, что ожидает нас впереди?!

— Ты что, совсем мудака? — Джокеус неожиданно схватил меня за рубаху, притянул к себе и с размаху ударил лбом прямо мне по носу. Нос резко хрустнул, меня слегка оглушило, но острая боль быстро вернула назад в чувство и вот тогда-то я заорал...

— Заткнись! — Джокеус, поморщился и с силой оттолкнул меня. Я сумел сделать шаг назад, но ноги не послушались, и я запнулся, кубарем покотившись по земле.

— Батюшки... какой же ты слабак!

Я попробовал встать, но получилось хреново... вместо этого я смог лишь слегка приподняться на локтях и мутным взглядом оглядеться вокруг. Честно говоря, я с трудом понимаю, что сейчас происходит... Джокеус меня бьёт... Комуру стоит рядом с ним и мерзко лыбится... Падаль!

А Вехутан... он отошёл в сторону и старается не смотреть, но по его напряжённой спине я понимаю, что находится ему здесь точно неприятно... но мне от этого не легче...

Сраный ублюдок!

Он с Джокеусом заодно... видимо Джокеус подговорил этих двоих, чтобы они пошли с нами, сделав вид, что всё в порядке... а потом старикам наплетут, что я сам где-то запнулся и неудачно так упал... Комуру конечно никто не поверит, но вот Вехутану...

Ублюдки!!!

— Да ты ещё и тупой вдобавок... неужели не видишь, что Анариэль ты противен? Неужели не понимаешь, что ей на тебя абсолютно наплевать?! Ты так достал малышку, что она попросила меня с тобой поговорить! Как вообще можно быть таким придурком? А, Мирт, чего же ты молчишь? Или сломанного носа достаточно, чтобы ты навсегда заткнулся и отстал от Анариэль? А как же та любовь, про которую ты трепался на всю деревню?! Щенок, Кайла Дровосека... т-ц... только потому, что ты его сын, я не выпорол тебя посреди деревни!

А я молчу. Молчу и терплю, пока моя рука медленно спускается за пазуху и крепко сжимает рукоять охотничьего ножа.

Подарок отца.

Глава 2: Встреча со Зверем

Так вот... лежу я значит на земле. Достаяю нож из-за пазухи. И казалось, что это очень оригинальная и уникальная идея — наброситься на него с ножом и дать отпор... зарезать... но как всегда, план оказался весьма глупым и провальным. Стоило мне только встать, наброситься на него, как я сам вдруг осознал насколько наивна моя идея, ведь двигался я ужасно медленно и неуверенно, поэтому Джокеус без труда поймал мою руку, выкрутил мне запястье и нож свалился на землю, а я получил хороший, мощный удар в щёку. Да такой силы, что меня свалило на землю.

Я ощущаю, как болезненно ломить челюсть. В голове гудит страшно! Ах... я чувствую себя ужасно несчастным и при этом невероятно злобным.

А Джокеус смеётся, смеётся и его друг Комуру. Они ржут как угорелые и смотрят на меня с каким-то непонятным чувством, и ничего не говорят.

Джокеус смотрел на меня ещё какое-то время. Но ему стало вдруг, как будто тошно от всей этой ситуации, поэтому он сказал:

— Пойдёмте ребята... бросим это ничтожество здесь, всё-таки скоро проснутся родичи и не хотелось бы, чтобы они забеспокоились, узнав, что мы ушли сюда.

И они в трёх направились обратно в деревню, по той тропе, по которой мы шли сюда.

А я лежал. Смотрел им вслед, когда случилась одна непонятная и пугающая странность. Ко мне, из кустов, медленной походкой, вразвалочку, но очень величественно вышел здоровенный чёрный медведь. Он был просто огромным! Видом своим внушал **страх** и ничего более. У него были ярко-зелёные вдумчивые глаза.

Этот медведь подошёл ко мне, обнюхал, всмотрелся в мои глаза... сейчас, когда он был рядом, я ощущал от него идущий лесной дух... его влажное дыхание оставляло на моём лице капельки влаги.

А я сидел, не двигался, и думал, что же этот медведь сейчас сделает со мной.

Неужели пришла моя смерть?

Медведь отвернул от меня свою голову, и направился в ту сторону куда ушли Джокеус, Вехутан и Комуру.

Сначала он шёл медленно, не издавая почти никакого звука, но в какой-то момент он бросился вперёд, как чёрная молния, очень быстро, в одном огромном рывке... он набросился сзади на Джокеуса, повалил его, разрывая когтями спину парня, затем медведь перевернул его и вцепился в шею. Всё произошло настолько быстро, что Джокеус успел лишь издать один жалобный всхлип... он не успел даже закричать.

Комуру и Вехутан отскочили, не понимая, что вообще происходит, действуя на одних инстинктах, они смотрели на медведя и в их глаза отражался немой вопрос и потерянности.

Я так же сидел в стороне, и молча глядел на это.

А медведь, медленно, и вообще никуда не торопясь, сжал посильнее челюсти на горле Джокеуса.

Джокеус попробовал закричать, попытался сбросить медведя с себя, но попытка эта была настолько ничтожной, настолько жалкой... что я чуть не засмеялся. Станный то был позыв, но мне вдруг сделалось невероятно смешно.

Медведь резко поднял морду вверх, вырывая из шеи Джокеуса здоровенный шматок мяса. Джокеус перестал брыкаться. Перестал визжать и просить о помощи, он затих и лишь

кровь, пульсируя, вырывалась из его горла. Медведь преподал к этой ране и слизывал кровь своим длинным и тонким языком. На улице было весьма холодно, поэтому от раны на шее шёл едва видимый белый пар... настолько была горячей кровь...

В этот момент Вехутан и Комуро осознали всю опасность ситуации и совершенно чётко поняли, что им не светит ничего хорошего. Комуро сообразил первым. Он бросился вперёд, ни о чём не думая, не крича о помощи, не привлекая к себе внимание, он просто бросился со всех ног вперёд, тихо бормоча про себя:

— Твою мать... твою мать... твою мать...

Вехутан бросился следом за Комуро, что было большой ошибкой, ведь медведь тоже кинулся за Комуро... но раз Вехутан оказался ближе, то он сменил свою жертву. Медведь повалил Вехутана, стал бить в голову парнишки огромными лапами, когтями рассекая нежную плоть, безобразно царапая глаза... Вехутан завизжал, жалобно, противно... он не издал ни одного членораздельного звука, а вскоре и вовсе затих... может мощные лапы медведь проломил лицо Вехутана, а может и Вехутан просто не выдержал боли и отключился... но это сейчас уже и не важно, ведь медведь бросился за Комуро.

Зверь бежал со страшной скоростью. И хоть я и не видел Комуро, но... через пару минут, я услышал звук. Я услышал Крик. Яростные вопли. Это продолжалось целую вечность, когда в какой-то мимолётный миг на лес вдруг опустилась тишина.

Я вновь увидел медведя спустя какое-то время. Вся его морда была заляпана кровью, она блестела и лоснилась на солнце, была ужасно липкой и грязной и при этом казалось, что медведь... счастлив. Он подошёл к Вехутану, и не торопясь стал рассматривать его, ходить вокруг, обнюхивать. Затем он уткнулся носом в голову парня, тщательно обнюхал, удостоверяясь, что Вехутан не шевелится и не представляет опасности, а затем медведь откусил ему ухо...

Он хрустел ухом Вехутана, и смотрел на меня.

В этот миг я не думал вообще ни о чём. У меня не осталось ни паники, ни радости, ни злости. Я так же молча смотрел в глаза медведю. Огромные. Зелёные. Как и у меня.

Он так же смотрел на меня, когда доедал второе ухо Вехутана.

Трапеза медведя продолжалась долгие часы. И я не представляю сколько времени прошло, не знаю сколько я просидел недвижимый в лесу, но когда медведь наконец закончил и от Джокеуса и Вехутана почти ничего не осталось, лишь жалкие обглоданные трупы, и когда медведь наконец скрылся в кустах и больше не показался, уже смеркалось, небо потемнело и вот-вот должна была начаться ночь.

Я встал с земли. Одежда моя пропиталась чем-то вонючим и липким. Она прилипла к телу, и с каждым шагом ощущалась как что-то противное и чужеродное. А я шёл... шёл обратно в деревню, по-прежнему не думая вообще ни о чём, во мне ничего не осталось... ни страха, ни злости, ни радости. Я шёл в деревню, не мысля **ВООБЩЕ НИ О ЧЁМ** И единственное, на чём задерживалось моё внимание, единственное на чём я его заострял — это на дорогу. На то, как под моими ногами проминаются листья, как хрустят сухие ветки, на то, как я отвожу руками листву непослушных кустов, чтобы пройти дальше. Я обращал внимание даже на птиц, которые гугукали где-то надо мной, высоко в ветвях. Я обращал внимание на стрёкот насекомых, который не смолкал ни на секунду, но порой казалось, что его и вовсе нет, а в лесу царит тишина... но стоит лишь о нём вспомнить, как пожалуйста! Ты вновь начинаешь его слышать. И вот таким образом я добрался до деревни, и на самом

подходе к ней увидел толпу селян. Они зажигали факелы, и старшие мужчины ходили между ними, и о чём-то негромко говорили.

Я медленно подошёл к ним, и они заметили меня. Стали кричать. Бросились ко мне. Схватили, стали осматривать... поморщились от страшной вони, что шла от меня... да, запах этот отнюдь не приятен, он пропитал меня всего.

Они смотрели на меня и в их глазах играла тревога, ничем не прикрытая, не скрытая, а явная, как луна над нашими головами. И особенно заметной она была в глазах родителей Вехутана, Джокеуса и Комуро. Они кричали на меня. Они трясли меня. Они требовали чтобы я рассказал им сию же секунду где сейчас находятся их дети, и почему они не вышли из леса вместе со мной... Мне кажется, что они прекрасно понимают, что их дети... мертвы. Они прекрасно это понимают, но признать **это**... они пока боятся.

Все требовали от меня ответов. Требовали от меня, чтобы я указал им где сейчас Джокеус, Вехутан и Комуро... но всё что я смог в этот момент — это указать на лес и пробормотать:

— Они там... на нас напал медведь... они остались там...

В этот момент я возненавидел себя из-за ложной постановки слов... я сказал им, что их дети остались там, словно они сделали это сами, словно они по прихоти и молодой дурости своей решили заночевать в лесу. И своими словами, я только что дал родителям Вехутана, Джокеуса и Комуро... я невольно дал им надежду, что их дети живы.

Я видел эту надежду в их глазах, и когда они, вместе с отрядом селян, бросились в лес, я слышал вдалеке их гневные вопли:

— Этим дуракам достанется сегодня крепко, о-ох достанется!!!

За это мне стало невероятно стыдно.

Мои родители тоже были в толпе селян. Был там и мой отец. Когда все убежали в лес, они остались здесь, и подошли ко мне молча. Мой отец не был тревожен. Он не был зол. Он не плакал, он не возмущался, он... был серьёзен как никогда.

Отец подошёл ко мне совсем близко. Положил руку на плечо, и сказал:

— Пойдём домой... кажется тебе необходимо хорошенько помыться и сменить одежду...

Мать стояла рядом с отцом, и так же, как и он, была очень задумчива и спокойна.

Мы пошли домой, где меня встретил Себастьян и в отличие от родителей он был взволнован, он схватил меня за руку, передёрнулся от страшной вони, и спросил очень невинно, очень тревожно, глядя прямо мне в глаза:

— Что произошло? Почему ты весь... в крови, братик? Что ты делал там... в лесу?

Отец оттолкнул брата мягким, но твёрдым движением, и сказал:

— Пока отстань от него. Дай отдохнуть. А потом... если захочет... он всё тебе расскажет, а за одним **расскажет и нам**, — последние слова отец выговорил твёрдо, почти припечатав.

Я отправился в нашу с братом комнату. Стянул с себя липкую одежду. И улёгся на кровать. Укрылся одеялом. И постарался заснуть.

Удивительное дело, но сон пришёл ко мне сразу. Без промедлений. Без ночных терзаний. Он просто пришёл ко мне, стоило лишь захотеть, и я отключился мгновенно, больше не думая ни о чём, желая раствориться в этом сне... и больше не проснуться.

Глава 3: Они из тех, кто не бросит меня...

Спустия одну ужасно долгую неделю

— Я ненавижу тебя!!!

— Как странно... а ты мне нравишься, Анариэль...

— Что?! Да как ты только удумал... что я... с тобой?! После того, что было?! Вот скажи... как ты смог выжить? Почему зверь... только тебя не тронул?! Почему он умер... а ты сейчас стоишь тут, такой мудака и смотришь на меня и ещё в любви смеешь признаваться?!

— Нет... не в любви, ты мне просто нравишься... нравилась, любовь же что-то большее. А теперь уйди с дороги, я устал, был сложный день... я хочу домой.

— Тварь! Ты слышишь меня, Мирт? Ты тварь!!! Ты должен был сдохнуть... а ты вернулся...

А он нет. И какое мне дело теперь до твоего обожаемого Джокеуса? Он умер, и я не собираюсь горевать по нему и тем-более мучиться угрызениями совести за то, в чём нет и крупницы моей вины. Разве виноват я в том, что мне с рождения везёт как последнему демону...

Бреду домой, а из головы её образ не выходит. Она очень красива. У неё голубые глаза. Когда она радуется, они становятся как небо в солнечный и ясный день, такие синие-синие... манят и скрывают что-то недостижимое... когда она смотрела на Джокеуса у неё были именно такие глаза.

Когда она смотрит на меня, она похожа на ведьму и вместо недостижимого неба, там скрывается морская бездна и тьма.

Я знал, что она возненавидит меня, когда вернусь. Я знал это, но всё равно надеялся, что ошибаюсь.

Подхожу к дому. Вижу светлое пятно, которое выбегает из двери. Оно подбегает всё ближе и становится чётче. Это Себастьян. Братишка.

— Ну как на охоте? Сумел кого-то убить?

— Нет, убить никого не смог... никто не попался, в лесу до сих пор тишина... словно все звери притаились, наверное тот зверь до сих пор ошивается где-то вокруг...

— Зверь значит... Брат, а ты знаешь, что тебе никто не верит?! Никто бы не смог уйти от зверя, если бы он...

— ... если бы он самом деле пришёл, да? Послушай... — сажусь на корточки, чтобы быть с ним на равне... как это странно, ему уже вроде двенадцать, а ростом он чуть выше моего живота. Смотрю внимательно в его огромные глаза. Они карие, храбрые и зоркие... в отличие от моих, полу-слеповатых... — Себастьян, мне совершенно наплевать, что обо мне думают другие... но мне очень тошно, если во мне начинаешь сомневаться ты... Понимаешь?

— Да... но соседи ругались с матерью... а к отцу приходил староста... они тоже кричали, староста ушёл весь красный и дверь хлопнул так, что она чуть с петель не слетела...

— Ясно... это плохо. А что родители? Они до сих пор на моей стороне... или...

— Иди к ним и узнай... они ждут тебя.

— Хорошо... — снимаю тяжеленный корзину с плеча. — На вот, держи и отнеси домой. Себастьян приподнял крышку корзины и улыбнулся...

— Ты и в правду везучий братец... ты же вроде на охоту собирался...

— Да, но почему бы после неудачной охоты не пойти и не порыбачить, а?

— Действительно...

Себастьян убежал в дом, показывать матери мой улов. Я медленно шагаю следом, прислушиваясь к голосам.

— Мааам, смотри, что Мирт притащил!!!

— Ох... здорово, иди на кухню, почисти и разрежь её...

Как только я вошёл, мать стала смотреть лишь на меня, Себастьян ошивается рядом, стараясь привлечь хотя бы какое-то внимание к себе и моему улову... но мама смотрит лишь на меня... смотрит с грустью и сочувствием...

Прошло совсем немного времени, всего лишь неделя. Тела Джокеуса, Вехутана и Комуру не были найдены взрослыми в лесу. Вся деревня смотрит на меня косо, подозревая в убийстве, ведь все они видели, что я вернулся из леса в крови, хотя ран на мне не было.

Они все ненавидят меня. Считают убийцей. А я каждый день пропадаю в этом проклятом лесу, надеясь наткнуться на их пропавшие тела, или хотя бы на Зверя... я точно не справлюсь с ним, но так хотя бы сдохну и всё это наконец-то прекратится.

И сильнее всего меня тяготят не косые взгляды селян, а глаза родной матери, что полны сомнений...

— Что случилось, мам? — спрашиваю я.

— Пойдём к отцу, — говорит она, — нам нужно... поговорить.

Её глаза блеснули, она отвернулась, скрывая слёзы, и направилась в их с отцом комнату.

Там отец сидит у окна, свет падает на него, освещая серебряные пряди там, где раньше были волосы темнее вороньего крыла.

— Садись, — говорит отец и указывает на соседний стул.

В комнате больше нет стульев, поэтому мать садится на их с отцом общую кровать.

— Приходил староста... — начал отец.

— Я знаю, — оборвал я. — Чего он хотел?

— Что бы мы отдали тебя... на общий суд, завтра, вечером.

Они хотят убить меня. Нет, скорее хотят узнать правду. Куда же делись их дети? Кто их убил?! Они не поверят мне... ведь никаких останков не осталось... но скорее всего буду пытаться, пока не выяснят правду... ту правду, которой не существует, но которую они так жаждут услышать... а затем они обвинят меня во всех грехах и повесят на какой-нибудь ветке, да повыше, чтобы все видели...

— И что же вы решили, родители?

Боже... останьтесь на моей стороне! Я не справлюсь, если и вы встанете против меня...

Отец что-то прочёл в моём лице и его тяжёлый взгляд превратился в сочувствующий, и мне стало ещё тяжелее.

— Конечно, — говорит мать, — мы не бросим тебя!

— Тебе нужно бежать прочь из деревни, — говорит отец, — но тебя поймают... либо хищники сожрут по дороге...

— Либо бандиты глотку перережут, — вторит отцу мать.

— Поэтому вы решили... — я уставился на родителей, которые вмиг перестали казаться добрыми дядюшкой и тётечкой. Вместо этого они смотрят на меня кровожадно, наглядно

давая понять, что вообще ничего хорошего меня в будущем не ждёт. Я смотрю на них, и жду, когда они продолжат свою речь, ожидаю, так сказать, худшего, ведь мыслей у меня на этот счёт особо то и нет, напротив, такое чувство, словно в ловушку угодил.

— Я честно не знаю, что мне делать дальше... — прошептал я, не в силах больше терпеть. — Не тяните уже, ведь я вижу, что у вас есть какие-то мысли на этот счёт!

— Какой ты торопливый, однако... — говорит отец. — Неужели мы с матерью тебя так плохо воспитали?

— Нет...я...

— Не ругай его, Генрих! Мальчик просто расклеился, — мать встала с кровати, подошла ко мне и руку на плечо положила, всем своим видом давая понять, что дарует мне свою любовь и поддержку. Вот за что я её и люблю — она в любой непонятной херне всегда на моей стороне. Хотя я знаю, что она сомневается, я знаю, что она не верит мне... но защищает... и будет защищать до конца, потому что я её сын.

— Балуешь ты его... эх, ну да ладно, — отец внимательно посмотрел на меня. Не знаю, что он ищет в моих глазах, но выдержать его взгляд я не смог... такое неприятное чувство, словно другой человек заглядывает тебе прямо в душу, и пытается отыскать там какую-то грязь... хочешь, не хочешь, а взгляд отведёшь... такое можно выдержать, если только ты твёрдо веришь в себе... я же ощущаю всю свою бескрайнюю слабость... столько сомнений в душе, столько неуверенности и смятения...

Отец тоже увидел это и громко хмыкнул.

— Ты тот ещё слабака, сынок!

— Генрих... — в голосе матери столько недовольства, что его можно резать, а мне так стыдно... ведь чувствую я, что недовольна она не только потому что отец нагрубил мне, а потому, что он сказал правду, о которой она и сама думала, но не решалась сказать.

— Тихо, Клава, я не закончил!

Мать противно поморщилась. Кому понравится, когда его затыкают?

— Да, ты абсолютный слабак! Но ты и не должен быть сильным...

— Что?!

— Тут всё очень просто, сынок... для того, чтобы стать сильным, нужно встретить трудности на своём пути... а где тебе взять эти трудности, если всю твою жизнь мы с матерью заботились о тебе? Мы решали за тебя все твои проблемы, и ты вряд ли когда-нибудь раньше задумывался насколько слаб твой дух... до того момента, пока не столкнулся со Зверем... я до сих пор не понимаю, почему ты остался жив...

— Да я тоже не понимаю отец! Я уже устал это повторять... Я не знаю почему он не сожрал меня!!!

— Тише-тише... — мать погладила меня по плечу, в тщетной попытке успокоить.

— Я помню сын, — продолжает отец. — Ведь ты повторяешь это уже несколько дней, и я верю тебе... другое дело, что тебе совершенно не верят другие люди и их можно понять. Ты ушёл вместе со своими друзьями в лес, но вернулся только ты один. Ты сказал, что на вас напал зверь, но на тебе не было ни одной царапины, а в лесу не нашли никаких следов боя... только очень много крови, в которой кстати и был ты, словно тебя в неё макнули... и тут выводы напрашиваются сами собой! Именно поэтому тебе придётся защищаться, тебе придётся наконец-то стать сильным, сын!!! Мы не бросим тебя, не бросили до сих пор... я написал своему старому другу, он... что-то вроде волшебника, прикидывается великим магом, хотя на самом деле обладает лишь зачатком дара... он скорее просто шарлатан, но

ему можно доверять и его образ жизни — это вечные странствия, что наиболее подходит для тебя в этой хреновой ситуации.

— Неужели мне придётся уехать...

— А ты послушай до конца и не перебивай! Боже правый... весь в мать... в общем, завтра, рано утром он будет ждать тебя на тракте не далеко от деревни... подойдёшь туда, и он тебя встретит. Мы с матерью собрали для тебя кое-какие деньги... немного тёплых вещей, еды и надёжную флягу с водой... тебе придётся не легко первое время, но знай, что это куда безопаснее, чем оставаться здесь! Ты ведь понимаешь это?

— Понимаю, — ответил я. Ведь и вправду, пусть и не хочется покидать дом, но родители нашли единственный верный вариант... так на них и соседи перестанут недобро коситься, ведь я уйду и скоро обо мне забудут, и может в другом месте мне повезёт куда больше, чем здесь... эх, если бы не этот проклятый Зверь, то моя спокойная жизнь осталась бы прежней!

— Ага, вижу, что ты готов... — отец ободряюще кивнул мне, встал со стула и направился прочь из комнаты. Но прежде чем выйти, он остановился и сказал, не оборачиваясь:

— Если кто-то вздумает обидеть тебя, как-то нагрубить или не дай бог начнут угрожать... то смело можешь валить всё на меня и во всё горло кричать, что твой отец Генрих лесоруб, сейчас придёт и всем жопы надерёт, слышишь меня?!

— Ага...

Отец ушёл на работу, ведь он приходил домой лишь на время обеда. Мать ещё какое-то время посидела со мной. Она плакала, говорила какой я у неё уже больший и сильный... говорила, что ни смотря ни на что я справлюсь и выдержу любые невзгоды. Мне вдруг стало так неловко, так захотелось встать и уйти... но я остался, ибо не хотел и не собирался обижать матушку, которой сейчас и так нелегко, ведь я понимаю, что сейчас она пытается успокоить не меня, а себя. Она пытается как-то справиться с тем, что придётся отпустить меня...

Я сидел на месте, ждал пока она перестанет рыдать, и уйдёт на кухню, заниматься той рыбой, что я принёс.

***

К своему огромному стыду, я вдруг осознал, что мне совершенно нечем заняться. Я пришёл к банальному выводу, что сейчас проходят мои последние мгновения дома. Я не являюсь чрезвычайным оптимистом, поэтому здраво рассудил, что вряд ли я вернусь из своих странствий живым и вообще, совершенно непонятно — вернусь ли в принципе.

Больше меня не будут защищать и оберегать родители, а это значит, что придётся как-то выживать самому... в принципе, об этом мы только что беседовали с отцом и возвращаться к этой теме я считаю излишним.

Так вот, мне было невероятно, безобразно и невыразимо скучно... я слонялся по дому, от одной стены к другой, переходил из одной комнаты в другую, и нигде не мог найти себе какого-либо занятия.

Мне вдруг стало так одиноко... и это дело усугубилось тем, что я начал предполагать, что домой уже не вернусь, а последние мгновения здесь, среди родных и близких, будут иметь неприятный привкус скуки и печали...

Как это часто бывает, когда нуждаешься в человеческом тепле, помощи и поддержке,

приходит близкий человек, который отдаёт всего себя без остатка, лишь бы ты был счастлив... мне на помощь пришёл мой младший брат, юный Себастиан!

— Слушай, братишка... может прогуляемся до речки и искупнёмся, а? Ведь такая жара на улице, да и тебе, вроде как, больше нечем заняться... ну так что, пойдём, а? — Этот малый умел говорить со скоростью звука, и часто, для того чтобы разобраться в его щебетании, требовалось не мало практики и умения и ещё пару мгновений на раздумье, чтобы все слова маленького негодника соединились в голове во что-то логичное, цельное, и имеющее смысл.... когда до меня наконец-то дошло, что он хотел сказать, то Себастиан уже за руку меня тащил по направлению к речке... и боже мой, как же я был ему рад и признателен в этот момент... маленький братец, с которым мы часто ругаемся из-за своих мелких обид, в этот миг стал для меня настоящим героем!

Мой мозг отключился на время. Это похоже на автопилот. Тело двигается. Я куда-то иду, говорю с Себасом... но это и не я вовсе, а лишь моё тело.

Мысли же мои при этом витают где-то в совершенно другом месте. Я всё думаю, когда же мой братишка успел так вырасти... он уже такой большой, говорит так весело и необычно, спасает своего старшего брата от скуки и грусти... матери с отцом по дому помогает. Он кажется мне улучшенной версией меня же самого. Он такой, каким бы я мечтал быть! Он умный, весёлый, заботливый и добрый. Он такой какой есть, и таким он стал не благодаря мне, а скорее вопреки. Я часто сидел с ним пока он был совсем крохой, а после я часто маячил где-то рядом, в качестве плохого примера для подражания... и отец часто ссылался на меня, когда ему был срочно нужен пример, как не стоит себя вести. И тогда он говорил:

— Посмотри какой у тебя угрюмый брат, Себастьян! Он вечно ходит хмурый, с такой кислой рожей, что люди от него шарахаются... никогда не делай так, Себастьян, вместо этого лучше улыбайся! Широко и ярко! По-доброму улыбайся, чтобы люди видели твою улыбку, согревались от неё, как от солнечного света!!! Тогда они к тебе потянутся... Ты понимаешь меня, Себастьян?

— Ага...

Или.

— Посмотри, как много врёт твой брат, Себастьян! Он так сильно заврался, что никто уже не доверяет ему... да и он сам себе уже не доверяет!

— А как это, пап?

— Всё очень просто, Себастьян! Он так заврался, что и сам уже не знает, где правда, а где ложь... ах-ах-ах-ха...

— Ах-ах-ах-а...

— Гады такие... — громко возмутился я, а они на это лишь громче ухахатывались! Гады!

— Но знаешь, что Себастьян... — вдруг отсмеявшись говорил мой отец.

— Что? — Себастьян всегда внимательно слушал отца, всегда готовый постигать примудристы... которых, к слову, этот старикан никогда не говорил!

— На самом деле, Себастьян... наш Мирт делает всё это специально!

— Да ну?! Но зачем же ему это?!

— И вправду, зачем же мне это?! — злорадно спрашивал я.

— А всё для того, чтобы люди не говорили с ним! Всё для того, чтобы люди избегали

его! Ведь несмотря на весь свой грозный вид... твой братишка, Мирт, очень слаб внутри! Он так боится довериться людям, что решил их избегать, решил настроить весь белый свет против себя... ведь он, почему-то решил, что так ему будет лучше...

— Как грустно отец... — Себастьян состроил грустную гримасу, но в глазах его плясал счастливый огонёк.

— Но знаешь, что, Себастьян?!

— Что?

— Мы не позволим Мирту стать нелюдимым изгоем!!! Мы его ни за что не оставим! Мы не бросим его! И пусть он продолжает выпендриваться, и строить хмурые рожи... в ответ на это мы поступим хитре... мы как возьмём его и крепко-крепко... обнимем!!!

— Нееееет!!! Отстаньте от меня два извращенца!!!! Мама, спасааай! Они с ума сошли, вот честное слово!!!

Я вспоминал прошедшие деньки. И чем больше я вспоминал, тем больше уверялся в том, что мои родители всегда любили меня и выступали на моей стороне...

А тем временем ноги, под чутким руководством Себастьяна, привели меня к реке, где мутная, слегка серая вода, блестела на солнце, где шелестела от ветра сочная трава, и несколько скрюченных от старости деревьев, согбенно росли на берегу.

Глава 4: Здравьсте...

Я плаваю в воде, она холодная и бодрит, а телу настолько приятно, что я начинаю испытывать счастье. Никогда не любил долго плавать, но сейчас мне не хочется выходить из воды, пусть здесь и совершенно нечего делать. Я плаваю на спине, медленно вдыхая и выдыхая, не позволяя своему телу уйти на дно, пока мои мысли витают где-то далеко.

Слышу крик Себастьяна:

— Отпусти меня!

Слышу всплеск воды.

Это заставляет меня мгновенно сменить положение с горизонтально лежащего на вертикально стоячее. Сразу нахожу источник шума и причину его возникновения. Незнакомый мужчина схватил моего младшего брата, прижал к себе и держит, не позволяя сбежать. Этот мужчина не затыкает моему брату рот, не бьёт его и не насилует, он позволяет Себастьяну кричать и брыкаться, а всё потому, что Себастьян ему и не нужен, ему нужен я. Это нападение на моего брата лишь способ спровоцировать меня бежать к нему. И это способ рабочий — ибо никто не смеет трогать моего брата! Я иду к нему. Иды быстро, на ходу просчитывая шансы победить в этой драке, а в том, что она будет, я даже не сомневаюсь, ведь я узнал его — это отец Комуру.

Я не люблю драки, ненавижу участвовать в них, но сейчас понимая всю неизбежность ситуации, у меня не зародилось даже капли волнения. Я вышел из воды и крикнул:

— Отпусти моего брат, уёбок!

И он отпустил. Себастьян побежал со всех ног, обнажённый, как и я, он даже не думал натянуть на себя одежду, ведь сейчас, похоже, что на кону стоит моя жизнь, и брат это понимает и бежит в сторону деревни, за отцом, в надежде привести подмогу и меня спасти.

— Ну и зачем вы это сделали? — спросил я, невольно обращаясь к этому человеку на вы, хотя уважения к нему не испытываю, это скорее отпечаток моего воспитания.

А он подошёл. Мне пришлось поднять голову, потому что отец Комуру высокого роста, да и в плечах он вышел не узким. По всем габаритам и стандартам он больше меня раза в три.

— Где мой сын, ушлёпок?

— В лесу, я уже говорил вам это.

— Ты врешь! Его не было там! Мы перерыли всё, заглянули под каждый камень и куст... там нет даже следов драки, нет и следов медведя! Так где мой Комуру? Отвечай! Чья кровь была на тебе, когда ты пришёл!!!

— Эх... мне надоело повторять и оправдываться. Всё что я сказал — это правда, и больше мне не о чем с вами говорить.

— Тогда я выбью из тебя правду! — он замахнулся, собираясь отвесить мне пощёчину, но слабость таких габаритов заключается в медлительности, поэтому я видел, как напряглись его мышцы и поднялась рука, я знал, что это произойдёт и я был к этому готов.

Я тоже напряг мышцы, тоже замахнулся рукой. Вся разница между нами в том, что я быстрее и в моей руке камень, который я незаметно поднял со дна, когда шёл к берегу. Камень полетел в отца Комуру не очень сильно и быстро, но учитывая расстояние и то, что камень прилетел мужчине прямо в глаз — это оказалось весьма существенно.

— Твою мать, проклятый щенок... — отец Комуру схватился за голову руками.

Эта здоровенная сволочь почему-то решила, что ему всё сойдёт с рук, и нападение на моего младшего брата, и жажда убить меня, отомстив за смерть сына. Эта здоровенная ублюдочная тварь почему-то решила, что он может делать всё что захочет. А оказалось, что нет и сейчас я упиваюсь моментом его боли и бью правой рукой в его пах.

Однако я тоже переоценил себя.

Отец Комуро поймал мой руку, резко завернул в бок вырывая плечо из сустава. Я оказался на земле, голый и шокированный, а ему это оказалось мало, и он видимо решил отбить мне почки, ведь своими огромными лапами он колотит именно по ним. Я лежу и чувствую лишь боль. Мне уже наплевать, потому что нечем дышать. Я знаю, что этим он не ограничится, знаю, что это конец, ведь он больше не задаёт вопросы, ему совершенно наплевать, что стало с его сыном, ведь он пришёл сюда для забоя моей бедной тушки.

Я не злюсь. Боль не даёт места другим эмоциям. В глазах разрастается и застилает всё кровавая пелена. За ней, удивительно чётко и прекрасно я вижу Зверя. Тот самый огромный чёрный медведь, с родными зелёными глазами медленно приближается ко мне. Он идёт по берегу, не торопясь, но и немедля. Он идёт убивать, а для этого не нужно торопиться.

Сустав на моей руке встал на место. Удары, равно как и боль перестали восприниматься. Я стал больше. Мою идеально-белую кожу покрыл толстый слой меха. На лапах вытаращились чёрные длинный когти. Зубы превратились в клыки, и даже сама челюсть стала немного выпирать вперёд, ведь зубов в ней стало в два раза больше.

Отец Комуро отпрянул. Он шокирован и не понимает, что сейчас вообще происходит, не понимает точно так же, как и его сын неделю назад. Это сравнение настолько огромно, что веселит. Я бью лапой, когтями рассекая его лицо. Мой вес увеличился раз в шесть, такими лапами можно ломать деревья. Не удивительно, что отец Комуро повалился на землю, оказавшись ко мне задом. Это всё напрасно, ведь он открыл мне спину. Я разрываю её когтями, я смеюсь, а из моей пасти вырывается лишь звериный рёв.

Он охает. Он кричит. Он бешено брыкается подо мной и пытается сбежать. В какой-то момент даже перевернулся и открыл мне шею и лицо, я с радостью вонзил в них клыки, разгрыз плоть до кости, горячая кровь полилась в мою глотку. Я пью её и на душе возникает удивительное удовлетворение.

Отец Комуро больше не шевелится. Совсем не шевелится. Вообще-вообще. А я сижу рядом с ним, уже обгрызенным. Мне ужасно скучно, но при этом как-то пусто в моей голове, поэтому и делать ничего не хочется, нет никаких планов, нет никакого желания. Что весьма странно, но мне кажется это лишь отдалённо, а чтобы разобраться с этой мыслью более детально... на то нет сил. А шерсть втягиваются в кожу. Куда-то исчезают когти и клыки. Я становлюсь меньше, постепенно втягиваясь. И вот, я сижу перед телом отца Комуро, весь в крови и слегка потерянный. Но уже человек.

— Значит это произошло снова, — говорит отец, я повернулся к нему, он стоит у меня за спиной, абсолютно спокойный, что меня в этой ситуации весьма сильно злит.

— Скажи честно, отец. Ты знал об этом ещё тогда?

— А ты думал почему мы с матерью были на твоей стороне?

— Ну... потому что вы любите меня?

— Не без этого, но ещё дело в том, что мы с мамой такие же, как и ты. Мы раньше жили в одном племени, но сбежали и решили жить с людьми, ведь в нашем племени... скажем так, что не всё там нам нравилось. Были кровавые ритуалы, от которых мы не были в восторге.

— Значит... я не изгой.

— Нет, ты изгой! Просто ты такой не один, мы, можно так сказать, семейка изгоев.

Отец улыбался. Он протянул мне руку и помог встать. Похлопал меня по плечу.

— Умойся, Мирт, нужно смыть с себя кровь пока мухи не налетели, от них потом не отделаться, кусаются страшно...

Я так и сделал, после чего стал натягивать на себя одежду, ведь по-прежнему был абсолютно голый. Сейчас мне стало за это стыдно, но вот минуту назад, до прихода отца, моя нагота не смущало меня. Видимо мой внутренний зверь уже каким-то образом влияет на меня.

— Скажи, — говорю я отцу, — а как часто ещё это будет происходить?

— Теперь намного чаще. Пусть сейчас ты и можешь становиться Зверем сам, по собственному желанию, но теперь будут случаться такие моменты, когда ты не сможешь контролировать его. Он всё также будет отзываться на твой призыв, просто ещё начнёт этот призыв провоцировать, будешь чаще злиться, особенно в полнолуние... бывают такие моменты, когда просто сходишь с ума, на стены лезешь от безумной жажды кого-нибудь убить.

— Это ужасно... — всё что сумел я выдавить из себя.

— Ох, Мирт... — отец подошёл ко мне и обнял. — Ты можешь думать, что это страшное зло и проклятье, но это твоя природа, способность твоего рода, и нет ничего в этом плохого, конечно можно иной раз сорваться и натворить страшных дел, но если соблюдать осторожность и учиться контролировать свой гнев, то эта способность становится настоящим даром. Она ни раз и ни два выручала нас с мамой, и выручит в будущем тебя...

— Хорошо, пап... а есть ли какие-нибудь... правила, которые мне нужно знать?

— Есть. Самое главное из них — всегда доедай своего врага!

— Фууу... какая гадость!

— Да, гадость, но ты же съел отца Комуро, и даже не поперхнулся, тоже самое ты сделал и с теми парнями... а мы с мамой лишь замели следы.

— Так это были вы! А я-то всё гадал, почему селяне не нашли тела... но когда вы успели?!

— Сразу, как ты ушёл оттуда. Мы были там, наблюдали...

— И вы не остановили меня?!

— Рано или поздно превращение случилось бы! И те парни заслуживали этого, так что брось притворяться неженкой и сваливать на нас с матерью выдуманную ответственность за свои же поступки!

— ... как скажешь...

На душе паршиво, но он прав.

— Пойдём со мной, я провожу тебя, Мирт.

— Проводишь... куда?

— Тебе пора идти.

— Но я думал, что это... будет утром.

— Планы изменились, как ты видишь, — отец рукой махнул на разделанный труп.

— Хорошо... пойдём.

Мы обходили деревню по дуге, никто не встретился из селян нам на пути. Сейчас большая часть жителей пропадает на полях. Остальная же пропадает дома, работает по хозяйству, лишь старики бездельничают, но они редко выходят из деревни. Поэтому мы

были одни. Шли молча до самого леса, затем отец остановился у кустов, зашёл в один из самых неприметных, нагнулся и вытащил серый рюкзак.

— Это тебе... мама кое-что собрала в дорогу. Конечно очень жаль, что вы не сможете попрощаться, но она не могла выйти из дома сейчас. Начнётся шумиха, если бы кто-то заметил, что ты пропал, а она перед этим уходила в лес.

— Да... но ведь Себастьян наверняка привлёк много внимания, когда звал тебя.

— Слегка, пару мужиков видели, но... это оставь мне и не волнуйся. А теперь... обнимемся что ли.

Отец крепко, по-отечески, обнял меня. Поцеловал сначала в правую щёку, потом в левую, затем в лоб. Подержал меня несколько минут за плечи. В этот момент мы оба пытались запомнить друг друга, смотрели в глаза. Но миг закончился, отец отпустил меня. Хлопнул по плечу и направился домой. Я посмотрел пару минут в его могучую спину, и тоже пошёл своим путём.

Через самый краешек леса проходит тропа, которая ведёт на каменную дорогу, а та в свою очередь идёт на тракт. Мы с родителями ещё вчера обговорили, что утром мне нужно будет пойти через лес на дорогу, где меня будет поджидать странствующий маг... отец говорил, что он шарлатан. Интересно, насколько это правда... и какой он из себя.

Путь прошёл быстро, ноги сами несли меня. Пусть и страшно покидать дом, но есть какое-то странное возбуждение, вперемешку со страхом перед неизведанным и бескрайней дорогой.

Когда тропа закончилась, я увидел небольшой фургон с крышей, запряжённый двойкой лошадей. За поводьями виднелся человек, закутанный в просторный плащ и с широкополой шляпой на голове. Я подошёл ближе и сказал погромче, чтобы меня заметили:

— Здрасьте...

Фигура вздрогнула и повернулась ко мне. Это была пожилая женщина. Она улыбалась:

— Я так понимаю, что вы молодой человек и есть тот самый Мирт!

Глава 5: Учитель

Она женщина. Пожилая. Скорее бабуля или старушка.

— Меня зовут Мирт! — говорю, стараясь совладать с голосом, при этом казаться дружелюбным и постарше, в моей голове старость — это опыт, это то, что может этой женщине понравиться, но, к сожалению, я не стар.

— А меня зовут Кира, приятно познакомиться, молодой человек! Я так понимаю, ты явно не меня ожидал здесь увидеть?

— Не вас. Отец сказал, что меня будет ждать какой-то волшебник-шарлатан.

— Его звали Гюнтер, он был моим мужем, и совсем не шарлатаном, а магом-иллюзионистом.

— Вот как, значит был...

— Да, он умер месяц назад.

Это конечно очень грустно, но кое-чего не объясняет.

— Но почему вы здесь?

— Жду тебя, вместо моего мужа. Понимаешь, Гюнтер был дружен с твоим отцом и с радостью согласился бы помочь тебе, но он умер, и послание твоего отца получила я. Поэтому не обессудь, но я решила тебе помочь вместо моего мужа, мне кажется это добрый поступок, за который я, сейчас, не должна перед тобой отчитываться. А ты, вместо того, чтобы спрашивать меня почём зря стоя на месте, мог бы сделать это сидя рядом со мной на фургоне, пока кони будут вести нас в дальние дали, подальше от этой дыры. Что на это скажешь?

— Да, пожалуй, я сяду.

И я сел, а Кира, не задумываясь и не ожидая чего-то, быстро ударила вожжами коней и те побежали дальше, перейдя на быструю рысь. Сидя на фургоне я чувствовал каждую кочку, каждую неровность, каждую ухабину и задница моя отзывалась болью от каждого такого твёрдого прыжка, когда меня подбрасывало и жёстко опускало обратно на деревянное сидение.

Подумал вдруг о её имени. Кира.

— У вас имя девочки, а не старушки.

— Но когда-то я была девочкой и мне это имя подходило, неужели сейчас мне нужно его менять просто из-за предрассудков едва знакомого мальчика?

— Да нет, просто решил как-то продолжить беседы, а получилось совсем глупо.

— Это точно, лучше не делай так больше, если у тебя нет чего-то конкретного, о чём ты хотел бы поговорить.

— Но у меня есть.

— И что же это?

— Вы. Кто вы такая? И куда мы сейчас едем? И что за это фургон такой?

— Сколько вопросов, но давай я попробую отвечать на них постепенно. Начнём сначала, кто я такая. Я Кира, как я уже сказала. Я уже старушка, как ты уже заметил. И я путешествую в этом фургоне уже тридцать лет, раньше путешествовала вместе со своим мужем, Гюнтером, а теперь путешествую одна. Куда мы с тобой едем? Мы едем с тобой куда угодно, или туда, куда занесёт нас свободный ветер.

— Ясно. Можно ещё один вопрос?

— Задавай.

— Почему вы считаете мой дом дырой?

— Потому что считаю его дырой! Мне не нравится твой дом, и знаешь почему? Потому что ты, Мирт, бежишь оттуда, а я тебя спасаю.

И я заткнулся, бесспорно принимаю логику слов Киры. И наш путь начался.

Несколько дней подряд мы путешествовали в её фургоне, не заезжая в города и деревни, останавливаясь под открытым небом, спали у костра, когда не было дождя и ветра, в иных случаях ночевали в фургоне, который внутри оказался весьма вместительным, ведь в нём хранилось несколько объёмных сундуков с вещами, таких длинных и широких, что мы на них и спали, постелив пару толстых одеял поверх.

Всё было хорошо и эти три дня прошли спокойно. Мы разговаривали с Кирой обо всём, в частности о моём доме и родителях. Я поведал ей почти всю свою жизнь. Она была хорошим слушателем, но не спешила раскрываться передо мной, а я и не давил на Киру, пусть она сама решает, что хочет рассказать, а что вольна скрывать.

Вся эта жизнь в поездке была пропитана свободой, той самой свободой, когда сам выбираешь как тебе жить, что тебе говорить, что носить и куда идти.

И так продолжалось ровно до того момента, пока не наступило полнолуние. Вернее, всё произошло за пару часов до него, когда был прекрасный закат, мы уже разбили небольшой лагерь и разожгли костёр на ночь, когда Кира вдруг подошла ко мне с верёвками в руках и сказала:

— Идём к дереву, Мирт, сегодня ты проведёшь ночь связанным и пусть мне это и не нравится, но по-другому я не смогу спать спокойно.

— Потому что я Зверь? — несмотря на полное понимание ситуации, я не смог сдержать обиду, и эта обида отразилась в моём голосе.

— Именно так, Мирт. Потому что ты Зверь, и если ты сейчас не согласишься на это, то дальше будешь путешествовать один.

В этот момент во мне разыграла гордость.

— А если и так?

— Хорошо, я не держу тебя! Можешь уходить прямо сейчас, но уходи как можно дальше, ибо если произойдёт что-то страшное этой ночью, и ты нападёшь на меня... я не буду сдерживаться и один из нас умрёт, потому зверь может быть неуправляем!

— Он лишь недавно пробудился во мне и пока поддаётся моему контролю!

— Это ничего не меняет. Либо ты соглашаешься, либо мы прощаемся, но также имей ввиду, что ты останешься один, тебе будет негде укрыться, у тебя нет денег и ты не в состоянии защитить себя, в тех случаях, когда Зверь будет отсыпаться.

Как же я ненавижу такие моменты, когда вся вера в человека и уважение покрываются трещинами сомнения, как какой-нибудь глиняный кувшин, перед тем как развалиться на части. Можно этот кувшин попытаться скрепить, намазав глиной и повторно обжечь, но в большинстве случаев сосуду конец, как конец и дружбе, когда своему близкому другу перестаёшь верить. И сейчас надо бы по-хорошему уйти от Киры куда-нибудь и продолжить свой путь одному, но я не готов и вряд ли долго протяну, именно поэтому я и говорю:

— Хорошо, я согласен.

И мы вместе идём к здоровенному дубу неподалёку, так чтобы Кира видела меня, сидя у костра. И она крепко привязывает меня к стволу, оставляя одного, но перед тем как уйти как-то грустно бросает через плечо:

— Воды не проси, еды тоже, подходить к тебе до утра я не буду, ведь зверь хитёр, и я ему не доверяю.

А я не доверяю тебе Кира и в этот самый момент я, вдруг, решил уйти от тебя! Сразу, как только мы остановимся в следующем городе или деревне за припасами. Но тебе я сейчас этого конечно же не скажу, а просто останусь стоять на месте, несмотря на холод, темноту и жучков, что со ствола дерева ловко заползли мне за шиворот. За всё это я конечно же буду благодарить тебя! Всю эту ужасную ночь!

Кира жарила кусок мяса на костре, я слатывал обильную слюну, ведь сильно проголодался, и никто не догадался меня покормить, вернее она испугалась, а теперь я вынужден терпеть. Куда же делась вся моя свобода, за эти пару часов?

А вот исчезла она к чёртовой матери! И что-то больше не особо маячит на горизонте! А ночь сделалась страшной, я стою в полумраке связанный и слышу завывания каких-то неведанных тварей. Почему-то мне не пришло в голову, что не я один в полнолуние схожу с ума. А тем временем я стал сильнее. И ёбанная ярость переполняет меня! Мне хочется разорвать эту сраную верёвку, добраться до Киры и откусить ей башку!!! Мышцы напрягаются до предела, верёвка жалобно трещит, но не рвётся... почему-то она стала жечь мою кожу, нестерпимо, противно, ужасно, словно сейчас начнёт вплавлять в мясо, пока не дойдёт до костей.

Я вспомнил Вехутана и это отрезвило меня. Никогда ранее я не вспоминал его, но сейчас его бледное испуганное лицо само пришло в мою голову и уже не хочет оттуда уходить. Этот парень был ни в чём не виноват, скорее всего Джокеус и Комуро подговорили его, может даже пригрозили, пусть Вехутан и предал меня, но мы не особо-то и были друзьями. Получается, что я убил его просто так, ни за что, просто потому что в тот момент я был в ярости. Верёвка повисла на мне, я перестал рваться на свободу и мышцы на руках и ногах словно бы сдулись, давая телу возможность напитать меня всей той болью от невероятно крепкой верёвки, что разрывала мою кожу. Теперь я, наверное, похож на кусок мяса, наверняка следы от верёвки испещряют мою кожу. Эта верёвка точно не обычная! Обычная бы не выдержала столько ярости...

Тем временем Кира встала, я вижу её силуэт на фоне горящего костра. Она стоит ко мне спиной и внимательно смотрит в темноту. А затем случилось необычное, её руки покрыл огонь и из них выскочили два огненных зверя. Это были здоровенные, сияющие красным, лисы, они бросились вокруг Киры в хоровод, и так и бежали вокруг неё постепенно отдаляясь всё дальше и дальше, пока не отбежали настолько, что я смог увидеть лишь пятна света вдалеке. А затем пришёл крик. Звериный вой. Кто-то стонал вдалеке, прерывисто визжал и хрустели деревья.

Две огненные лисы вернулись назад к Кире, они прильнули к ней, своими огненными мордочками упёрлись в её старческие шершавые руки и исчезли. А я остался стоять на месте, жутко заинтригованный. Я слышал от родителей, что в мире существуют маги, и если это только что передо мной была не она, тогда что это было? Фокус? Не похоже.

В какой-то момент я заснул. Не знаю, как это получилось. Просто повис на верёвках и отключился. Видимо сон настиг меня даже в такой неловкой позе, видимо ему совершенно плевать лежу ли я на спине, или стою привязанный к дереву.

Но когда я открыл глаза, то было уже утро. А проснулся я потому что Кира отвязывала от меня верёвку, и чтобы не свалиться на землю, неожиданно потеряв опору, мне пришлось срочно восстанавливать равновесие, а ноги мои затекли за ночь, и было это невероятно

больно, поэтому первое время, как оказался на свободе, я просто прыгал и бегал вокруг дерева, пытаюсь восстановить кровоток. А затем дал знать о себе и мочевой пузырь, как-то одновременно с животом, что громогласно заявил о себе, дав чётко понять, что его не кормили уже слишком давно.

Кира накормила меня остывшим мясом, при этом ни слова не сказала. А я ел и тоже молчал, ровно до того момента как мы снова отправились в путь.

— Скажи мне пожалуйста, — начал я. — Ты ведь маг, да? Я видел, как ты применяла то огненное нечто прошлой ночью, это было красиво, и я так понимаю, что это спасло наши жизни от хищников?

— Ну насчёт жизней ты конечно перебарщиваешь, максимум они бы убили только меня, а ты, разорвав верёвку окончательно бы разобрался со всеми, если бы они вообще тебя тронули, что мало вероятно. А по поводу того, что я маг, то да, я и правда маг, только вот меня никто никогда этому не учил и единственное заклинание, которое я знаю это **"Защитная огненная техника двух блуждающих огней"**, его я и применила прошлой ночью, и даже его я выучила случайно, когда Гюнтер подарил мне свиток с заклинанием на день рождения. Старый дурак потратил на него все наши деньги, но этот подарок я ценила, несмотря на все трудности во время его изучения.

— Воу-воу-воу... всё ясно. Даже очень. Можете больше ничего не рассказывать.

— До сих пор злишься на меня за прошлую ночь?

— Есть немного. Вернее много и даже очень.

— Оправдываться я не буду, даже не надейся! Я уже давно собиралась сказать тебе, что тебе придётся продолжить путь одному, в скором времени, ведь дальнейшее твоё нахождение рядом со мной несёт в себе некую угрозу, которую я уже не могу выдерживать.

— Вы помогли мне сбежать из родного дома и теперь бросаете?

— Точно, ведь я считаю, что сделала для тебя достаточно. И моя доброта на исходе, пусть тебе и кажется, что я тебя предаю, но и ты меня пойми! Мне сложно мириться с мыслью, что Зверь внутри тебя может в любой момент вырваться наружу и сожрать меня! Это страшно, Мирт!

— Хорошо. Я понимаю тебя и не осуждаю, но это неприятно слышать, так что давай больше не будем об этом говорить. Лучше скажи мне, когда я должен покинуть тебя?

— Как только отъедем подальше от того леса, желательно на какое-нибудь мирное с виду поле, тогда можешь идти.

Так мы и сделали. Кира на прощание мне бросила:

— Береги себя! И **ПОЖАЛУЙСТА, ПОПЫТАЙСЯ НА МЕНЯ СИЛЬНО НЕ СЕРЧА/ПРОЩАЙ, МИРТ!!!**

И вот, я со своим малочисленным скарбом, в количестве одной дорожной сумки от матушки, стою на пыльной дороге и пытаюсь понять куда дальше пёхать.

И вот я один. Свободен. Делай что хочешь! Иду я по дороге. Иду так, до самого вечера и ни черта не происходит! Ровно до того момента пока не наступает ночь.

Я сижу у костра, совершенно один. Слышу вдалеке вой. Звери бегут вокруг. Замирают. Подходят совсем близко ко мне. У них жёлтые глаза, луна отражается в них. Они кружат вокруг, а я напрягаюсь всё сильнее, они ведь понимают, что я один, и видимо чувствуют, что я не смогу дать отпор. А разве я не смогу?!

Они кинулись на меня, а я превратился в Зверя. Одним махом став в шесть раз больше и в сотни раз сильнее. Волки вцепились в меня зубами, вцепились когтями в мою шкуру, но

пробить её им оказалось не по силам! Я резко повожу плечами, бросаюсь на лапы и несколько прыжков делаю вперёд, а затем разворачиваюсь обратно, окончательно скинув с себя волкодавов. Им этого мало, они отлетели, но не упали и не ударились, а мягко приземлились на лапы, и всё только для того, чтобы броситься на меня вновь. Их много я не могу сосчитать. Успеваю лишь замахнуться лапой и ударить, задел лишь одного, слышу, как он заскулил и всё... на меня бросились все остальные. Они пробуют меня клыками. Пытаются разорвать. Догрызть до тёплой мягкой плоти. У них ничего не получается, я брыкаюсь, бегаю, резко останавливаюсь, кручусь вокруг себя. Сбрасываю их снова и снова, но они лишь мягко приземляются и набрасываются на меня вновь. Всё продолжается пока особенно крупный волчара не бросается мне на спину, он впивается клыками в мою шею, и я чувствую невероятную боль, ведь эта тварь прокусила шкуру!

Падаю на спину. Волк не успевает отскочить и оказывается подо мной. Я невероятно тяжёлый. Он скулит, пытается вырваться, но ему удаётся лишь слегка пошевелиться. Я чувствую, как подо мной хрустят его кости. Пока я лежал на спине, пытаюсь умертвить здорового волчару, мелочь не мешкала, они вцепились в меня со всех сторон, желая прокусить.

Появился ещё один волк. Белый. Статный. Красивый. Почему-то мне кажется, что это волчица, и в её синих глазах застыл гнев и бесконечная злоба, как только из-под моей спины повторился скулёр, она бросилась на меня. Она была гораздо больше других волков в своей стае, она была и гораздо умнее их. Она знала куда нужно кусать. Волчица вцепилась в мою лапу, в самую ляжку, разгрызая шкуру, своими длинными и невероятно острыми клыками вгрызаясь в мою плоть. Ещё никогда я не испытывал такой боли. Ногу сдавило. Невероятный жар. Невероятное давление. По мышцам прокатилась острая боль. Щекотно. Давит, как же давит... а клыки впиваются всё глубже.

Никогда я не чувствовал такой боли в своей жизни. Ссадины и синяки, которые я получал до этого — ничто. Даже побои от отца Комуро были лишь мелочью, чем-то неважным и быстротечным на фоне того, как здоровенная волчица отгрызает мне ногу.

Как оказалось, этого более чем достаточно, чтобы я не выдержал существования в этом брэнном мире и потерял сознание.

Глава 6: Рабство

Открываю глаза — вижу потолок. По нему ползёт синий жучок. Приподнимаюсь на локтях. Смотрю на ногу, та ноет и болит, но терпимо. Рана перевязана плотной тканью.

Вокруг люди. Грязные и в лохмотьях не лучше моих. В комнате нет мебели, одна из стен — решётка. Пробую встать, и мне это удаётся, но из глаз вновь бегут слёзы, слишком великим трудом и болью мне это далось. Кто-то рядом охает. На плечо ложится ладонь — вижу парня, жутко худого и грязного, он просит лечь назад, говорит, что рана может открыться — и будет хуже.

— Разве может будет хуже?

— Ещё как может! — смотрит на меня, как на ребёнка. Глаза синие, взгляд твёрдый, смотрит в упор и взгляд не отводит. Смотреть долго в эти глаза не могу. Ложусь назад.

— Вот и славно, — садится рядом, — здорового тебя покусали, если бы не работороговец, то быть тебе трупом, — улыбается фальшиво. — Хотя не известно, что ещё лучше, быть трупом или рабом.

Смотрю по сторонам. Решётка. Люди, грязные, худые и в лохмотьях. Кроме этой комнаты есть ещё несколько. Там тоже люди. Среди них старики, женщины и дети. Он не соврал.

— Да не плачь ты, — он качает головой. — Какой в этом смысл? — он кивает на людей. — Разве кто-нибудь из них плачет?

Нет, никто из них не плачет, не кричит, не смеётся, они смотрят в пустоту и думают о своём...

— В-о-о-т, совсем другое дело, — парень улыбнулся, — реветь это глупо, тем более, когда никто не плачет.

— Я не плакал. Тебе показалось.

— Угу, могу притвориться, что ничего не видел.

— Притворись.

— Я ничего не видел, — улыбается хитро, — не видел, как ты плачешь, не видел, как ты встаёшь, но я многое слышал, — уже не улыбается, а скалится — слышал, как ты зовёшь мамочку во сне, и хнычешь, словно девчонка.

Врезать или не стоит? — Думаю, пока кулак летит в его лицо. Парень отклоняется в бок. Кулак летит мимо. Парень ткнул в рану на моей ноге. Охаю от боли и смотрю на него, а он смотрит на меня, с видом таким, словно просит продолжения.

— Вообще-то это была лишь шутка, — говорит он.

— Не смешная.

— Да? А мне понравилась! — он встал, и отошёл в угол комнаты, где сидел до этого. — Научись себя контролировать, я не сделал тебе ничего плохого, а ты кидаешься с кулаками, — рукой он массирует весок, словно от головной боли и смотрит на меня, — может тебе и пришлось не легко, но это не даёт никаких привилегий и не оправдывает. Лежи и отдыхай, если начнёшь драться я могу избить тебя, но говорить с тобой больше не хочу.

Да кому он сдался? Смотрит на меня как на идиота, встаёт, отряхивается и идёт к людям. Разговаривает со старичком, женщиной, мужчиной, — говорит со всеми, каждого пытается разговорить, но многие смотрят со злобой, они находились в своих мечтах, а он

заставляет их вернуться назад, в грязную реальности, где они — рабы.

Да, они на него злятся, но не долго. Я слышу их хриплые, лишённые жизни голоса. А через пару мгновений — слышу смех. Рабы рады возможности поговорить, кажется, словно они не занимались этим вечно, отвечают скупой, словом или двумя, перед ответом долго думают, в мыслях путаются и не всегда понятно, о чём говорят, но Он продолжает спрашивать, а они стремятся сказать что-то в ответ.

Проходит час за часом. Между камерами есть широкий коридор, который прерывается тупиком из стены, с огромным окном, да таким, что света хватает всем. Но там тоже железные прутья, и оно так высоко, это окно, что не допрыгнуть.

Я оказался в рабстве, сам того не заметив. Видимо работорговец подобрал меня раненым, возможно он отогнал волков. Ему я обязан жизнью, но нужна ли мне такая жизнь? Определённо нужна. Кто-то когда-то сказал: что, несмотря ни на что — жизнь продолжается! И для меня оно тоже продолжается. Правда продолжение это начинается с клетки... пытаюсь нащупать в себе Зверя, хотя бы его отголосок, но там, где раньше была ярость и сила, сейчас...

Ничего!

***

Я слышу шаги, тяжёлые, чёткие и уверенные шаги. Люди в камерах больше не разговаривают, и даже паренёк молчит и смотрит в коридор. А там идут мужчины. Высокие, сильные и широкие в плечах. На их поясах висят дубинки, а в руках ведра с водой и корзины с хлебом.

За ними идёт мужчина с арбалетом в руках. Отнюдь не молод. В волосах седина, а лицо в шрамах. Останавливается рядом.

— Жаль ты не видел, как я пристрелил ту волчицу, парнишь! Пря-а-амо в глаз!

— Это вы спасли меня?

Старик смеётся.

— Вы работорговец?

— Зачем спрашиваешь, если знаешь ответ?

— Вы не можете держать меня здесь — я не раб!

— Послушай, — он смотрит на меня хмуро, — не кричи на меня, я тебе жизнь спас и обработал рану, а это значит, что если ты ещё, хотя бы раз, повисишь на меня голос... и я разорву шов на твоей ноге, и посмотрю, как ты будешь визжать от боли! А затем я скормлю тебя бездомным псам, чтобы баланс во вселенной был восстановлен. Это тебя понятно, сучёнышь?

Представив картину, я смог лишь кивнуть.

— Славно! Я рад, что ты со мной согласен. Запомни, что мне очень хочется так с тобой поступить, ибо я очень нечасто делаю людям добро! А ты после этого ещё и гадишь мне прямо в душу! И по-хорошему с тобой пора бы уже кончать... но теперь ты стоишь денег, поэтому на этот раз я прощу тебя, раб.

— Но я не раб... — мой голос так тих, словно я и сам уже не верю в это.

— Ты раб. Потому что ты должен мне! А взять с тебя нечего. Разве что тебя самого, — он наклонился поближе и заговорил чуть тише, — послушай, если есть родственники или друзья с деньгами, то я с радостью продам тебя им. Такие есть?

Я вспомнил бедных родителей, которые сейчас должны разгрести проблемы,

связанные с моим исчезновением и смертью отца Комуро. Вспомнил Киру, что бросила меня, только бы не подвергать себя риску связаться со Зверем внутри меня... и ответ пришёл в голову сам собой, твёрдый, окончательный, максимально одинокий:

— Нет.

— Значит наш разговор закончен. Я не могу тебя отпустить, по трём причинам: ты мне должен; это не принесёт денег; ты не проживёшь долго с такой раной на улице. Может назовёшь хотя бы одну причину, почему мне стоит тебя отпустить?

Я смотрю на него. Он смотрит на меня и ждёт ответа. А я не знаю, что сказать. В душе царит отчаяние — моя песенка спета...

— Как на счёт вашей совести? — спросил подошедший паренёк-заключённый, что первым заговорил со мной, когда я проснулся. Стража раздала всем хлеб и этот парень принес нам два кусочка, один из которых кинул мне на колени.

— У меня её нет, — ответил работорговец, смотря на парня-заключённого и хитро так при этом улыбаясь.

— Кто бы сомневался?! Но попробовать-то стоило... Может быть жалость?

— Я пожалел его, когда не дал волку полакомиться его молоденькой плотью, вдобавок я зашил его рану, и теперь, к величайшему сожалению, в моём огромном и жалостливом сердце вся жалость иссякла.

— Нет, это была не жалость!

— А что?

— Выгода. Его продажа всё окупит, не так ли?

— Я купец, а люди — мой товар, глупо выбрасывать деньги, когда они сами прыгают в руки.

Работорговец посмотрел на меня ещё пару минут, но больше ничего не сказал. И медленно, хозяйской походкой, он вышел вслед за стражниками, при этом внимательно поглядывая на клетки, а в руках удерживая заряженный арбалет.

— Спасибо, за хлеб и за то, что... в общем спасибо! — говорю я парню-заключённому, но ответа нет. Он словно и не слышал. Даже не посмотрел на меня, а вновь ушёл в свой угол, уселся и стал уплетать хлеб, глядя куда-то в пустоту.

Он специально игнорирует меня. Но почему... Я же НЕ извинился, за то, что пытался его ударить! Может он обижается на это?

Это надо будет исправить! Но чуть позже, ведь сейчас, в моём пустом животе, абсолютно пустой желудок разразился урчанием, говоря, что ещё немного и он сваливает, от столь неблагодарного хозяина.

Я впиваюсь в хлеб зубами, пусть и самый обычный, но это хлеб безумно вкусный. И я вновь возвращаюсь в реальность лишь тогда, когда в руках остаются лишь крошки.

Парень исчез из угла и появился в толпе людей. Он мило беседует с другими, пока я умираю от скуки. Пробую встать, но нога разболелась, и я падаю назад.

***

Время идёт. Наступила ночь. В коридоре зажгли факелы, и стало чуть светлее. Я только сейчас заметил стражника, стоящего у стены. Он одиноко стоит и думает о своём.

Не сильно старше меня. На лице первая щетина и прыщи. Я подумал, что ему скучно и спросил:

— Как дела?

Зачем я это сделал? Понятия не имею. Наверное, мне надоело столько времени сидеть на одном месте без дела, ожидая, когда нога заживёт. Паренёк приносит хлеб, но не хочет со мной говорить, а этот стражник, ему, кажется, так же скучно, как и мне.

Он растерялся, услышав вопрос. Не ожидал, что кто-то может с ним заговорить. Щёки покраснели. А глаза виляют по комнате в поисках говорящего. Вот взглядом он натывается на меня, а я зачем-то машу рукой, он смущается еще больше, но отвечает:\

— Да нормально вроде, а у тебя я смотрю не очень, да? Нога болит?

— Болит, но не сильно. Не то, чтобы всё плохо... но очень скучно. Да и тебе, кажется, тоже?

— Да, стоять на страже целый день невыносимо, это здорово выматывает.

— А зачем стоять здесь постоянно, эта клетка... неужели кто-то боится, что мы сбежим?

— Не в этом дело, сюда иногда приводят людей... так сказать не очень хороших...

— Сволочей? Ублюдков? И гадов?

— Ну да, — стражник сплюнул, — не ругаясь сложно таких описать. Они орут целыми днями, чего-то требуют, их поганые рты не затыкаются, и самое неприятное, они издеваются над другими рабами, случались и убитые, и сильно покалеченные. Рабовладелец быстро сообразил, что терпит убытки от этих ущербных и стал качественнее выбирать рабов.

— Как можно выбирать рабов?

— Очень просто. Рабовладелец постоянно путешествует в поисках новых. В основном это преступники, от которых с радостью избавляется правительство, люди, которые здорово задолжали, а также военнопленные, да и просто рабы других рабовладельцев, более дешёвых. Проблем с рабами в последнее время не случается — босс объезжает много городов и деревень, поэтому есть выбор и он старается брать людей поспокойнее, но бывает и так, что пару придурков сначала ведут себя тихо, а потом показывают истинное лицо...

— Значит так вы меня и нашли меня, проезжая мимо какой-нибудь деревеньки или города?

— Ага, мы проезжали мимо в тот день, я был с боссом, ты лежал в луже крови, а твоя нога была просто ужасна. Если бы не босс, ты был бы уже мёртв.

— Но он сделал меня рабом!

— У него это старая привычка, видеть товар в каждом человеке. Но, с другой стороны, он всё же тебя спас, как по мне, лучше быть рабом, чем мертвецом.

— Не уверен. Чем больше времени я провожу здесь, тем больше я жалею, что остался жив.

Стражник хмурится.

— Брось это дело: жалеть, что не умер... ты хоть представляешь, как это жалко звучит? Мне даже стало противно, парень! Это просто дерьмо — так мыслить. Я в жизни всякое повидал, и видел людей, которые выбирались из рабских кандалов. А ты хотя бы представляешь, что тебя ждёт после смерти?

— Что?

— Да ничего тебя не ждёт! Тебя больше не будет, глупец! Скажи мне, ты действительно хочешь променять жизнь, на ничто? Не кажется ли тебе, что обмен не в твою пользу?

— Мне просто стало скучно...

— Ага, и мне скучно, но о подобном я не думаю.

— Я — не ты.

— Да, ты слабее, но, — стражник придвинулся ближе. — Ты можешь стать лучше!

Этот стражник мне определённо понравился, он, кажется, на моей стороне, при этом, я, казалось бы, должен его ненавидеть. Как зверь в клетке, который ненавидит каждого, а в особенности того, кто эту клетку охраняет. Но этот парень, кажется неплохим человеком и мне приятно с ним говорить.

Наша беседа продолжалась, и я не помню, о чём именно мы говорили, но оба были рады разговору, и беседа давалась так легко и непринуждённо, как рыба чувствует себя в воде, а птице в небе, так и я почувствовал себя живым. Стражника звали Билл.

***

Мы проговорили до глубокой ночи, все рабы спали, кроме того парня, что заботился обо мне и по-прежнему всячески игнорировал. Он сидит в углу и его глаза блестят во тьме, как у той волчицы, перед тем как та набросилась на меня... но его яростный взгляд направлен не на меня. Он смотрит на другого раба.

А вот тот раб смотрел уже на меня. Я только сейчас заметил его, и он мне сильно не понравился. Это был мужчина с тщедушной бородкой и костлявым телом, настолько худой, что можно пересчитать рёбра.

Он смотрит на меня, почти не мигая, в его взгляде полно ненависти, это взгляд убийцы и мне становится холодно от того, что он смотрит на меня. И страшно. Словно я в чём-то провинился перед ним, и наказание уже близко.

Билл отошёл, как он выразился, **отлить**, оставив меня один на один с этим взглядом. Убийца не стал медлить, он оказался рядом быстрее, чем я успел испугаться.

— Ты заводишь не тех друзей, крысёныш! — прошептал он, придвигаясь ближе.

Глаза блестят, на лице ухмылка, не знаю, что задумал этот человек, но ничем хорошим для меня это не кончится. Тем временем, паренёк что сидел в углу, оказался рядом. Парень-раб двигался так бесшумно, что убийца не заметил, как к его лицу протянулись руки и зажали рот.

— А тебе стоит подумать, прежде чем угрожать кому-то! Для начала... куда ты будешь девать тело? Как спрятать кровь? И самое главное, что скажет работоровец, когда не досчитается раба? — рука паренёка скользнула ниже, на дрожащий кадык убийцы. — Я вот хорошо подумал. Стоит мне лишь нажать на этот бугорок, и ты задохнёшься, а причину смерти никто не сможет определить и все подумают, что ты был болен, и умер во сне... — по шее убийца стекают капельки пота, паренёк-раб давит пальцем на кадык, не всерьёз, а понарошку, но мужчина дрожит от страха.

— **Хочешь нажму?**

Убийца медленно крутит головой, пытаясь сделать это заметно, чтобы парень-раб понял, и при этом не так резко, чтобы пошевелить шею и спровоцировать свою смерть.

— Вот и славно! — парень улыбнулся, и убрал руку с кадыка убийцы. — Я отпускаю тебя, и ты уходишь. Тихо уходишь. Спокойно уходишь. Так чтобы не разбудить никого. Затем ты ложишься баиньки, и на утро ведёшь себя тихо и спокойно. Мы друг друга поняли? — убийца тихонько кивнул. — Славно... а теперь проваливай!

Убийца ушёл. Парень-раб смотрит ему в след, и тоже собирается уйти в свой угол, но я ловлю его за руку. Он смотрит на меня, словно раздумывая, ломать мою руку, или добить меня окончательно... но я не даю сделать ни то, ни другое:

— Прости меня, я понимаю, что был ничуть не лучше него! Прости меня, и спасибо, что заботишься обо мне!

Я выдал это с необычайной лёгкостью, а между прочим эти слова не давали мне покоя долгое время! Я то и дело повторял их в голове, и даже сейчас, произнести их было, всё равно, что сбросить камень с души. Главное было решиться.

Он смотрит на меня удивлённо. Ага, не ожидал, да? Вот какой я крутой, наслаждайся! Только руку не ломай, пожалуйста!

— Для начала...

— Ага, буду думать, прежде чем хватать людей за руки... — сказал я и отпустил его тёплую ладонь.

Он смотрит на меня уже не поучительно и даже не враждебно, а словно... с гордостью? Он кивает, принимая мои извинения и уходит. Я слышу шаги, Билл возвращается на своё место. Столько всего произошло, за то время, пока он ходил **отлить**, так можно пропустить чью-нибудь смерть, сидя в уборной...

Время идёт. Нога заживает, и я делаю неуверенные шаги. Это получается не без боли, но чем их больше, тем легче делать новый шаг. Я попал в рабство, но не отчаялся. Шажок. Я напортачил с новым знакомым, но сумел помириться. Шажок. Я сумел найти тех, кто с радостью поговорит со мной, и кто защитит, если будет грозить опасность. Шажок. Я осознал, что, не смотря на боль, можно двигаться дальше. Шажок.

***

Рабы уходили и приходили другие. Приличных, тех, что были красивы, без шрамов и прочего уродства — покупали богатые люди. Тогда, как всех остальных выводили их клеток, сковывали общей цепью и ставили рядом стражников, а они направляли на колону рабов взведённые арбалеты.

И только попробуй резко пошевелиться! Потом никому и ничего не удастся доказать, и не похоже, что кто-либо собирается, ведь все сразу уяснили нрав рабовладельца: он был справедлив, насколько это возможно для такого вида бизнеса, и он был суров, если кто-то нарушал дисциплину, того он просто убивал.

— Зачем нужен раб, неспособный подчиняться хозяину? — так он говорил, в те редкие случаи, когда находились безумцы...

Ни один покупатель не пострадал до сих пор, поэтому репутация рабовладельца осталась прекрасной и покупатели приходили довольно часто, но меня никто не покупал. Несколько заинтересованных взглядов осматривали меня, но стоило им взглянуть на мою ногу, как я сразу переставал иметь для них какое-то значение. Слишком изуродована оказалась моя нога. Я могу ходить, но не очень долго, и очень странно, заваливаясь в бок. Ещё не раз я проклял в душе того волка, что напал на меня. Я злился на него, одновременно понимая, как глупо злиться на голодного зверя! Он бы и собственных детей сожрал, стоило бы лишь проголодаться. Звериной мышление и людское слишком различны, но всё же, я до сих пор ненавижу волков! И если увижу хотя бы одного, то перед тем как он меня съест, я пару раз его хорошенько ударю ножом! И это будут лучшие моменты в моей жизни!

В последнее время мне кажется, что я стал очень жестоким. Циничным. Я не успеваю заводить знакомства, ведь тех рабов, с которыми я был ещё вчера, сегодня уже выкупают, и на их место приходят новые. И я уже никого не знаю из тех, кто сидит со мной в одной

камере. Они все называют меня — «Хромой», и дал эту кличку сам рабовладелец, он с каждым днём всё мрачнее смотрит на меня:

— Когда же тебя заберут отсюда, Хромой?! Еда, что бы ты знал, дорого мне обходится!

— Почему вы просто не убьёте меня?

— Потому что ты стоишь денег!

— Но вы быстрее теряете свои деньги на то, чтобы охранять и кормить меня!

— Да. Тут ты прав, Хромой. И так, действительно, больше не может продолжаться.

Завтра я продам тебя одному извра... старому знакомому.

— И нужен ли ему такой инвалид, как я?

— Ему нужен любой, кто похож на живого человека...

— Для чего?

— ...

Рабовладелец больше ничего не сказал. Просто взял и ушёл, а мой вопрос в воздухе повис, и висел там ещё пару мгновений, пока на него не ответил Билл, всё это время стоящий неподалёку и молча охраняющий клетку:

— Он хочет продать тебя хозяину борделя.

— Что это?

— Ну...это место, где мальчики вроде тебя долго не живут...

— А можно чуть подробнее?

— Нет...

— Это какой-то секрет?

— Нет, но... я просто не хочу пугать тебя.

— Но ты уже испугал.

— ...

— Я не хочу умирать, Билл!

— ...

— Помоги мне...

— Как?

— Извини... я просто... забудь.

Я отправился спать. В голове появился план, который и планом то не назовёшь... это отчаянное безумие, главное, чтобы у меня хватило на это сил.

***

Настал следующий день. Пришли покупатели. Нас вывели и поставили в общую шеренгу. И тут я решился. Мой план был очень прост.

Умереть.

Умереть на своих условиях! Что я точно уяснил: в том месте, куда меня собираются продать, будет ужасная смерть, да такая, что Билл отказался мне даже об этом рассказывать... при том он такие глазища соорудил, что на самом деле стало как-то не по себе...

В общем решился я покончить с жизнью! Как это сделать при моих-то условиях? Достаточно броситься на какого-нибудь богатого покупателя, и меня пристрелят в следующий же миг. Я собрался. Рядом проходит двухметровый человек, с внушительной такой осанкой и не менее внушительным пузцом. Была-ни была, либо сейчас, либо никогда!!!

Меня остановили.

Остановил меня Билл.

Он стоит за моей спиной, руку мне на плечо положил.

— Я покупаю его.

— Ты оказывается у нас очень великодушен ... — говорит работорговец, который всё это время стоял рядом с Биллом. И я их даже не заметил... Какой же я идиот!

— Да, именно поэтому я и увольняюсь, — отвечал работорговцу Билл.

— Да я уже понял... только вот непонятно зачем вообще приходил ко мне на работу, раз у тебя такое большое сердце! — работорговец улыбнулся и несколько стражников, что стояли рядом, в голос заржали. Билл покраснел. Нагнулся ко мне и принялся отсоединять от меня цепи.

— Спасибо... — прошептал я, хотя хочется сказать гораздо больше, но слов никак не подобрать.

Билл хмуро посмотрел на меня словно и сам этому был не очень-то и рад. Затем он перевёл взгляд на работорговца и спросил:

— Сколько?

Работорговец смотрит на меня, затем смотрит на Била, затем снова на меня, затем снова на Билла.

— Я до последнего надеялся, что это шутка, стражник... Да и чёрт с тобой! Забирай за пятнадцать медяков...

— Почему так дёшево?

— Слушай, покупай быстрее пока я не передумал и выметайся отсюда! Видеть вас двоих больше не хочу!!!

Билл молча протянул работорговцу монеты, забросил на плечо какой-то потрёпанный мешок, и мы вышли наружу.

А там солнце сияет так ярко, что ослепляет, и ветерок дует прямо в лицо. Я широкой грудью вздыхаю... после воня в камере, после месяца в клетке...

Наконец-то свобода!

— Спасибо... — сказал я.

— Да-да, я это уже слышал. Прекращай уже! Потом мне эти пятнадцать медяков вернёшь!

— Но как?

— Заработаешь, а как же ещё?!

— Как?

— Хаха... мне захотелось отдать тебя назад...

— Понял. Молчу!

Глава 7: Свобода

Мы пришли к зданию, которое больше на крепость похоже. Полно народу внутри, все в доспехах и не все при этом люди... гномы, эльфы и даже несколько ящериц, на людей похожих... С Биллом многие здороваются, по спине похлопывают, со мной никто не говорит, лишь смотрят. Мы поднялись на несколько этажей вверх и вошли в одну из комнат, а внутри целый зал, где множество столов завалено документами, где люди в одинаковых бело-чёрных одеждах сидят за этими столами и возятся с бумагами, а некоторые из них разговаривают с людьми, гномами, эльфами, которые одеты почему-то в полный боевой доспех... по бокам залы стоит стража, и пялится на вошедших, в данном случае на нас с Биллом... Мне стало неловко, словно я натворил что-то страшное, но не сознаюсь... Билл же никакого внимания на холодные взгляды стражников не обратил и молча прошёл к одному из столов, заваленных бумагами. Только сейчас я заметил, что у каждого стола был свой номер, намалёванный белой краской спереди. Стол, к которому мы подошли оказался номером шесть.

— Ох... какие люди, неужели это ты, мальчик мой! Зачем пожаловал, — сказал мужчина в очках, сидящий за столом. У него впавшие глаза, сгорбленная спина, и полуседые волосы на голове. Он встал, пожал руку Биллу, затем сел. Билл сел напротив, а я как дурак, остался стоять, ведь свободных стульев рядом больше не имелось.

— Привёл новобранца в гильдию!

— Вот этого что ли?! — мужчина указал на меня скрюченным пальцем.

— Да...

— Ну... не хочу осуждать твой выбор Билл... но неужели не нашёл кого-нибудь получше?

Билл поморщился, и я почувствовал себя лепёшкой коровьего дерьма...

— Ладно... Какой у него класс?

Мужчина уставился на меня ожидающе, и я сообразил, что отвечать нужно мне... но вот, что именно отвечать?! Молчание затягивается. Наконец клерк не выдержал и продолжил сам.

— Ясно... Новичок во всех смыслах этого слова... — мужчина наклонился, выдвинул ящик в столе, и достал какой-то артефакт: прозрачный куб, в замысловатых, непонятных рунах. — Ручку свою грязненькую приложите, будьте так любезны!

Я положил руку на артефакт. Все увидели, насколько она грязная и поморщились ещё сильнее. Мне стало жарко, к лицу прилила кровь... чёрт! Ну не виноват же я, что последний месяц был рабом! Артефакт засиял, внутри стеклянного куба загорелся крошечный синий огонёк. Морщины на лице старика разгладились, он посмотрел на меня удивлённо, затем протянул руку.

— Аркадий, — представился он.

— Мирт, — представился я.

Мы пожали друг другу ладони. Что же происходит? Почему такая резкая перемена отношения ко мне?

— Ты маг-созидатель, Мирт! — ответил на мой не озвученный вопрос Аркадий, видимо прочитал мои мысли по лицу. — А ты знал это, Билл?

— Нет... ахаха.... пятнадцать медяков... я отдал за него всего пятнадцать медяков...

хаха...

— Ты купил его? Ха-ха... ясно.

— Эээ... — протянул я. — А кто такие маги-созидатели

— Маги, которые могут создавать магические артефакты! У тебя зачаток дара, очень слабый, чуть подуешь, и он затухнет... но всё же он есть и можно попробовать взрастить, придать стабильности, создать свой персональный артефакт... и, пожалуй, это всё, что в твоих силах. — Аркадий начал заполнять какую-то бумагу, затем протянул её Биллу, достал из шкафчика в столе серебряную иглу и тоже отдал Биллу, тот незамедлительно проколол себе палец и приложил к листку, на один миг бумага вспыхнула зелёным светом и тут же погасла. Затем Билл протянул иглу и листок мне.

— Что это? — спросил я.

— Гильдийский контракт. Если вкратце, то ты соглашаешься приносить гильдии пользу, выполнять задания, защищать город в случае чего.

— А почему ты приложил своей палец?

— Я, как тот, кто привёл тебя, обязуюсь нести за тебя ответственность пока на ноги не встанешь... Быстрее, Мирт! У нас ещё много дел.

Я проколол палец. Больно, но терпимо и приложил к листу. Тот мигнул синим, руку кольнуло холодком, я отдёрнул её в испуге.

Аркадий и Билл рассмеялись.

— Один серебряный, — сказал Аркадий, и Билл протянул ему одну здоровенную, сияющую светом, монету.

Мы попрощались и вышли.

— Куда пойдём дальше? — спросил в предвкушении я.

— За одеждой, обувью... найдём тебе какой-нибудь простенький учебник, выйдем за город и разобьём лагерь.

— А почему бы не остаться в городе, в каком-нибудь трактире?

— Ага... а денег на трактир ты откуда взять предлагаешь? Думаешь они с неба падают?! Я трачу своё жалованье! И к твоему сведению, как только мы купим всё необходимое, оно закончится и нам придётся зарабатывать! Тебе ясно?!

— Да...

Билл очень груб со мной. Почти ничего не говорит. И мне кажется, что он меня малость ненавидит, а может даже и не малость... Но в голове тогда не укладывается одна маленькая деталь... Почему же он тогда заботится обо мне? Он ведёт себя как старший брат, которого у меня никогда не было. И как бы мне не было неприятно, я пытаюсь не злиться на него, пусть меня и очень БЕСИТ его хмурый взгляд!

Мы купили палатку и пару толстых одеял. Выехали за город, нашли подходящую полянку, недалеко от ручья, и разбили лагерь.

— И как долго мы будем оставаться здесь? — спросил я.

— Пока ты не научишься сражаться и нормально колдовать.

— Я... сражаться? Да я кое-как хожу!

— Вот и научись ходить нормально!

Он почти кричит на меня. Мне это совсем не понравилось.

— А то что?!

Он долго всматривается в мои глаза. Даже не пытается ударить, а просто смотрит.

— Я верно сошёл с ума, Мирт... я решил, что ты будешь мне нормальным напарником, видимо ошибся... ты лишь ребёнок!

Он собрал свои вещи, взял одно одеяло и ушёл. Я смотрю как всё дальше удаляется его спина и мне становится страшно... но в голове ещё бушует гнев... я не могу извиниться, но допустить чтобы он просто взял и ушёл... я тоже не могу!

— КОГДА ТЫ ВЕРНЁШЬСЯ?! — крикнул я ему вослед.

Билл остановился, повернулся ко мне, весь такой мрачный и хмурый.

— Я ВЕРНУСЬ ЧЕРЕЗ ДВЕ НЕДЕЛИ... ВЕРНУСЬ ПОСМОТРЕТЬ СМОГ ЛИ ДОБИТЬСЯ ЧЕГО-ТО... СМОГ ЛИ ПОВЗРОСЛЕТЬ.... ЕСЛИ СМОЖЕШЬ, ТО СТАНУ МОИ НАПАРНИКОМ, ЕСЛИ ОСТАНЕШЬСЯ ВСПЫЛЬЧИВЫМ ДИТЁМ — БУДЕ ВЫЖИВАТЬ ОДИН!!!

Он ушёл. Весь такой мрачный и хмурый.

Мне захотелось крикнуть в его спину какой же он идиот... но удержался. Он считает меня ребёнком, но мне уже пятнадцать...

Как только Билл ушёл, я принялся листать книгу по магии. В начале стоят слова автора:

Эта книга не может ничему научить вас. Она так же не может предоставить точные и проверенные знания. Всё что в моих силах — это перечислить как некоторые волшебники использовали свой дар.

И что мне с этим делать? Пару строк и настроение испорчено... я ожидал большего, но ожидания не оправдались. Но я всё равно продолжил читать, и книга оказалась именно такой, какой описывалась вначале — почти бесполезной. Почему **почти**? Потому что там всё же был один пример с магом созидателем. Который показался мне довольно любопытным:

Однажды я повстречал на рынке одного интересного старичка. Он был весь в шрамах. Носил тяжёлый доспех, но ни имел при себе ни меча, ни палицы, ни лука... вместо этого опирался на внушительный посох, а на руках носил десять деревянных колец... Этот человек до такой степени заинтересовал меня, что я подошёл познакомиться и узнать, чем же занимается этот странный старик. Оказалось, что он много лет служил солдатом у одного местного дворянина, и я не смог не спросить, каким же оружием владеет этот пожилой воин. И в этот момент, совершенно неожиданно для меня, руки старика покрылись голубым сиянием, которое передалось и на посох.

— Я что-то вроде боевого мага, сэр! — старик улыбался, видя какое впечатление произвёл на меня его ответ.

Но я быстро отошёл от шока, и достал свои записи.

— Это замечательно достопочтенный господин! Я странствующий писатель, и в последнее время работаю над одним трудом про магию... не могли бы вы рассказать мне про свой дар?

Пожилый вояка согласился, и мы перешли в ближайший трактир, где заказали пару кружечек драмарского пива... которое в этом заведение было особенно хорошо, после чего воин начала свой рассказ:

— В те времена, когда я был ещё совсем мальцом... когда только-только поступил на службу, в те времена оружием мне служила здоровенная дубина... да, я был очень тупым парнем! Возможно, сейчас я набрался немного опыта, но вот тогда... я был совсем безрассудным! Менял дубины после каждой стычки, потому что от деревяшек

моих почти ничего и не оставалось. Ну а как иначе? Дерево против стали — это очень хреновая идея, как не посмотри. И однажды, случилась одна особенно тяжкая заварушка, когда удача отвернуться от меня... Меня насквозь проткнули копьем, и следующие несколько месяцев я провёл в постели... не понимая кто я, где я, и что вообще вокруг творится. Спасибо товарищам, они не бросили! Перевозили меня с места на место, заботились... Вот именно в тот-то момент и стали происходить странные вещи! Руки мои то и дело начинали сиять... друзья смотрели удивлённо, смеялись, а я всё не мог понять, что вообще происходит?! Пока, однажды, лекарь, который иногда менял мне повязки, не сказал вдруг, завидев моё сияние:

— Ты, мать твою, артефактор! — так он и сказал. Суровый был мужик! Много на своём веку повидал. Выражения ласковые подбирать не любил. Сунул мне в руку полено и сказал:

— Ну ка создай что-нибудь дельное!

Ну я взял это полено и все силы, что были попытался туда вложить... нас всех ярко ослепило, а когда я глаза открыл, то на ладони лежало одно деревянное колечко, такое же, какие сейчас болтаются на моей руке... «Неужели колдовать так легко» — подумал я тогда. А после того, как напялил на палец кольцо, то рука легонько замерцала, и я почувствовал себя немного сильнее... Через неделю от раны даже рубца не осталось... всё затянулось, лекарь только головой качал, и смотрел на меня как-то странно. Вскоре пошли мы в бой, и как-только я дубину в руки взял, то и она засветилась! Странное дело, а сражался я тогда несколько часов, и почти не устал и удары мои словно стали сильнее! Как только бой закончился, командир поставил меня в пример остальным, мол:

— ...этот паренёк только оклемался, а что в бою вытворял...уух! да ещё и с обычной дубиной... батюшки-святсы... всем бы вам такими быть, выиграли бы уже давно! — и жалование моё удвоил...

Хороший был день, я, как только вернулся, решил таких колец понаделать на все пальцы. Да вот только ошибся я здорово с этим. Сделал несколько колечек, на руки одел... силы ещё прибавилась... но в груди пустота, словно на сердце что-то давит, а сила в голову ударила... захотелось ещё. Какой же дурак! Сделал все десять, на руки надел, и силы столько, что хочется бежать сражаться... да вот только слёзы из глаз идут... Хреново мне стало! Словно что-то важное потерял... понял лишь через несколько дней, когда товарищи такие же колечки попросили для них сделать... сколько бы не старался, сколько бы ни тужился... потерял я свой дар, лишь в кольцах остались какие-то крупички!

Эта история показалась мне дельной, и я вынес из неё свои выводы:

Я могу создавать артефакты, но не известно какие именно. Для создания могу использовать любой материал, будь то даже обычное полено. Дар можно потерять, если потратить слишком много сил... с этим нужно быть осторожным!

Я нашёл в лесу здоровенный камень, размером с голову... ну как нашёл... просто запнулся об него, когда рано по утру отправился к ручейку за водой. Я смотрел на него

несколько минут. Гладкий, старый, слегка плесенью покрытый... Я попробовал представить, как сила течёт по венам к моим рукам... и те засияли, правда едва-едва, словно тонюсенькой синей плёнкой покрылись. Приложил руки к камню, тот тоже замерцал... я держал так руки несколько минут и ничего не происходило, и я готов был сдаться, когда в камне что-то хрустнуло. Он меняется, вытягивается, становится длиннее и тоньше... но очень скоро сияние погасло и в груди стало так пусто и одиноко, что я уставился куда-то вдаль, сквозь время и пространство... когда очнулся то уже садилось солнце, и закат польхал ярко-красным. Пустота в груди немного поутихла, но я не рискнул ещё раз воспользоваться даром, помня неудачный пример из книги... Лучше не рисковать!

Горит костёр. Я сижу перед ним. Чувствую тепло и дым слегка режет нос. Вокруг темнота. Ветер шуршит травой и листвой в кронах деревьев. На небе звёзды горят, но луны я не вижу. Я смотрю на огонь. Мне так одиноко. Нога ноет, совсем разболелась, потираю её рукой, но боль не исчезает. Ветер завывает всё сильнее, пламя колеблется из стороны в сторону. Мне хочется назад. В клетку. Там были люди. Они что-то шептали друг-другу, кряхтели, сопели, храпели, шуршали, стонали... сейчас со мной только ветер и огонь, мне очень не хватает людей. Без разницы кто... главное, чтобы кто-то был рядом. Но никого нет, я пялюсь в огонь и мне страшно... пусть я и смотрю в огонь, но в голове тьма, та самая тьма, которая окружила меня со всех сторон, я боюсь обернуться и посмотреть, что там... за моей спиной. А может там волк... может он подкрадывается ближе, бесшумный, чтобы напасть... я оборачиваюсь, быстро... но там никого нет. Ночь продолжается. Я смотрю в огонь. Завывает ветер. Глаза слипаются, и мне страшно... я боюсь их закрыть, а что если волк?!

Тело болит. Спина затекла. Задница зудит. Открываю глаза. В них какая-то каша, не могу разобрать. Моргаю несколько раз, тру веки руками, смотрю вверх, пытаюсь привыкнуть. Вверху небо, уже светает, всё затянуло мрачными серыми облаками. Ветер шелестит листвой. Скоро пойдёт дождь. Костёр потух, лишь кучка пепла и несколько чёрных, совсем потухших огоньков. Я не замёрз лишь оттого, что закутался в толстое одеяло перед тем, как уснул. Помню... мне было страшно... какая глупость... Трус!

Вода закончилась, и я отправился на ручей, пополнить запас. Вода на ручье холодная, во рту так сухо... пью ледяную воду залпом, голова отзывается вспышкой боли, я подавился... вода вытекает из рта, откашливаюсь, а ручеек под ногами журчит, словно издевается...

Я сижу перед камнем. Он слегка светится. На этот раз я сразу ощутил, как сила вытекает из меня... словно сила — это кровь и если я выпущу слишком много, то дар умрёт. Камень стал ещё длиннее и тоньше, и словно немного светлее... а может мне лишь кажется.

Вечером я попробовал снова. На этот раз силы закончились быстрее, и как только я добрался до огня, то сразу уснул...

Камень превратился в небольшой посох. Мне по плечо. Белый. Я взял его в руки, и он замерцал... но на этот раз не синим светом моего дара, а белым... чистым светом и холодным, как снег. На его вершине белый шар, он на тоненькой ножке соединён с основой. Когда я взял посох в руки, шар засиял ярче всего, как огонь... только ровнее, без всполохов и искр. Мне стало интересно, так ли горяч этот огонь, на вершине посоха... Я опустил посох к земле, он довольно тяжёлый... но ровно настолько, что приятно держать в руках. Когда белый шар приблизился к траве, та зашипела, я поднёс ещё ближе и от травы остался только

пепел... ни огня, ни дыма... я опустил его к самой земли, и там образовался выжженный круг...

Я поднял посох и всмотрелся в шар. Огонёк стал слабее, немного потускнел. Я представил, как он гаснет... и он погас. Я представил, как он загорается вновь — посох загорелся и шар медленно налился ярким светом. Мне в голову пришла странная мысль, как этот шар срывается вверх и летит в небо, и только я представил это, как пучок света действительно вырвался наружу и полетел вверх. Несколько секунд он летел, набирая скорость, становясь всё ярче, он впился в серые тучи, на миг осветив их, и погас... Мне на нос упала капля. Через миг ещё одна разбилась о плечо. Пошёл дождь...

— Я смотрю, ты смог чему-то научиться!

Я обернулся. Билл насмешливо помахал мне рукой. Он изменился. На лице отросла густая щетина. А вместо простой одежды на нём теперь доспех, и второй меч болтается на боку...

И ещё...

Он вернулся не один!

Глава 8: Плечом к плечу!

Девушка. С непонятными символами на лбу, на руках, и на ногах. Она носит диковатого вида юбку, и такого же стиля рубаху, словно только что, буквально минуту назад, сняла её с какого-то трупа. Она подошла ко мне бесшумно, пусть я видел, как она подходила, но всё равно поразился насколько же это было быстро и тихо проделано. Она видимо прочла это на моём лице, ведь сразу как подошла, сказала:

— У меня специальная обувь, — говорит и ногу приподнимает. И я увидел, что её ботинки совсем тоненькие, повторяющие форму стопы, но при этом заметно что это какая-то кожа, в общем сделана обувь весьма и весьма добротно.

— Я тоже такие хочу, — говорю.

— Размечтался! — говорит Билл. — Эту обувь Кику сделал сама из кожи одной очень страшной твари... можно считать, что это трофей. Просто хочу сказать, что стоит такая обувка баснословных денег и по сути своей это личная работа Кику, так что закатай губу назад!

Девушка улыбнулась.

— Не переживай, — говорит. — Если когда-нибудь наткнёмся на Хабу, я сделаю тебе такую же обувь, идёт?

Я улыбнулся в ответ.

— Идёт!

— Кстати, я Кику, — она протянула мне руку.

— А я Мирт, — я пожимаю её тёплую ладонь.

— Ну всё-всё, — говорит Билл, и обнимает Кику за плечо. — Это моя девушка Мирт. Пожалуйста не обижай её.

Кику фыркнула, и ткнула локтем Биллу в живот, попала при этом прямо в сочленение доспехов, и Билл отпрянул, неприятно поморщившись.

— Не слушай этого раздолбая, — говорит Кику. — Лучше всегда говори мне правду, какой бы дерьмовой эта правда ни была.

Билл подбросил пару поленьев в костёр, и мы уселись возле него, впитывая приятное тепло. Билл принёс с собой мясо и немного овощей, и сейчас мы всей дружной компанией уселись рядом с котелком, в который заранее налили воды, порубили овощи с мясом, и повесели над костром.

— Слушай, Кика, а какое у вас оружие? Я знаю, что у Билла меч и щит. Я вот артефактор, — я голову наклонил в сторону посоха, который положил рядом с костром. — А вот каким оружием обладаете вы? Может вы тоже маг?

— Ага! — говорит Кика. — В верном направлении думаешь Мирт. Это довольно похвально, если и дальше будешь таким наблюдательным, то в будущем это избавит тебя от многих проблем.

— Или наоборот эти проблемы создаст! — вмешался Билл. — Если не будет мысли держать при себе и выбалтывать всем вокруг.

— Да кому я выболтал? — возмущаюсь. — Я же только с вами и общаюсь...

— А паренёк прав, дорогой! — говорит Кику. — Он нам доверяет, а от близких товарищей не должно быть секретов, ведь близких товарищей не стоит бояться. Нужно доверять хотя бы кому-то, иначе замкнёшься в себе.

Билл ничего больше не сказал.

Значит победу в этой маленькой стычке одерживает Кику! Хороша девушка, она мне уже начинает нравиться.

— А что на счёт твоего вопроса, — продолжает Кику, — так я шаман-целитель из племени Гомпу, что проживают на Кипалийских островах. Ты, наверное, не знаешь, но моё племя славится своими шаманами! Мои соплеменники могут приказывать животным, менять погоду, читать мысли и чувства других людей, а некоторые, как и я, целители.

— Мне кажется ты его балуешь, — говорит Билл. — Совсем изнежишь паренька, мы что с ним потом делать будем? Нельзя же ему всё так легко рассказывать. Пусть сам догадывается!

— Балую? — Кику посмотрела на Билла как-то дико, но тот взгляда не отвёл, напротив набычился. — Да я просто рассказала ему то, что он и так бы потом узнал! Что в этом такого странно, объяснись!

— Он привыкнет задавать кучу вопрос и потом не отстанет с ними от меня!

— Да больно надо... — прошептал я, но никто не услышал.

— И вообще, — продолжает распаляться Билл. — Когда мы с тобой познакомились, ты не была так же добра ко мне! Что это за особенно отношение?

— *Какой бедный маленький малютка Билл...* — противным голоском пропела Кику. — *О нём совсем никто не заботится и по головушке не гладит, какой несчастный мальчик.*

Билл молчит, но к лицу его прилила кровь, а глаза смотрят с предупреждением и ноздри на носу раздуваются от прерывистого дыхания.

А Кику перехватила в руке нож. Так, чтобы можно было нанести удар.

Вашу мамашу... что эти двое творят?! Они же сейчас перебьют друг друга, а я буду виноват!

— *Я лишь хочу напомнить тебе, дорогой,* — говорит Кика. — что при нашей первой встрече ты назвал меня полоумной дикаркой, помнишь такое?!

Билл сразу сник, словно словил невидимый удар под дых. И дышать даже перестал. Вот так Кику ещё раз уделала Билла — 2:0 в её пользу.

Мы закончили нарезать ингредиенты и Кику ушла к ручью, чтобы помыть ножи и принести немного свежей воды в бурдюке.

— А она здорово тебя уделала, — говорю.

— Просто заткнись! — прошипел Билл, и я сразу же дипломатично замолчал, предпочтя неловкую тишину, быстрой смерти.

Похлёбка получилась безумно вкусной, может дело сыграло то, что я уже долгое время питался лишь сушёным мясом и сам по себе сильно изголодался по нормальной, человеческой еде... но я не смог остановиться даже на двух чашках, и под презрительным взглядом Билла, Кику вылила в мою миску остатки нашего королевского ужина.

— Смотрит не лопни! — ворчит Билл.

— Ему полезно, — говорит Кику. — Он ведь ещё только растёт... А вот ты, мой суженный, что-то совсем расплылся в фигуре, так и видно, что про тренировки ты забыл, причём напрочь!

— Да ты просто издеваешься! — убедительно возразил Билл.

— Да ну? — Кику взглянула на него с лукавой улыбкой. Быстро протянула руку и ущипнула Билла за складку на животе. — А вот это тогда что такое?

— Да ну тебя... — Билл устался на костёр. А Кику повернулась ко мне и забавно

одним глазом мигнул. **3:0 в её пользу...** похоже она теперь главная в нашем маленьком отряде. У неё совсем короткие, по-мужски, волосы. И хитрые карие глаза. Кажется, словно она всегда пребывает в прекрасном настроении, ибо с её губ никогда не сходит плутовская усмешка.

И готовит она замечательно, ведь это не только я с непривычки оценил, но даже Билл довольно мычал, когда уплетал приготовленную ею похлёбку. Здорово конечно, что Билл решил привести её. Но вот зачем?

— Билл, — говорю, — а зачем ты позвал Кику? Ведь ты специально уходил за ней... неужели мы...

— Да, парень! — Билл посмотрел на меня без тени улыбки и обиды, сейчас явственно проступило, что всё что происходило сегодня вечером были лишь забавы, сейчас на меня смотрит очень серьёзный человек, тот самый человек, что выкупил меня у работорговца, тот самый человек, перед которым я в неоплатном долгу. — Ты всё правильно рассудил. Завтра мы возьмём первое задание, как единый отряд авантюристов. Завтра начнётся твоё первое боевое крещение! Не бойся его, но и будь готов.

Кику положила свою ладонь на моё плечо и наклонилась совсем близко, доверительно заглядывая в глаза.

— Что бы ни случилось, Мирт, помни, что мы рядом! Мы защитим и поможем справиться с любым врагом. Но и от тебя мы ждём того же. Плечом к плечу!

— Плечом к плечу! — повторил Билл.

Ночью я долго не мог уснуть. Звёзды ярко сияли надо мной, но сегодня мне не было дела до их красоты... я думал о тварях, которых повстречаю вскоре, о крови, которую придётся пролить и боли, которую причинят мне враги... Но я не один этой ночью! Я слышу, как мирно посапывают эти двое, улёгшись в обнимку. И это успокаивает меня. Внутренние страхи и демоны на время отступили, а в голове прозвучали слова: «**Плечом к плечу!**».

***

— Ты же понимаешь, при всём своём великолепии, — говорит Билл, — что мы не можем принять задание, пока ты к нему совершенно не готов.

— Но как же, — говорю, — ты же видел как я...

— Видел как ты запустил ту сияющую штуку в небо? Да, видел. Но этого мало!

— Да ну, да...

— Этого мало, Мирт! Просто послушай меня. По-твоему, маги — это всеильные ребята, которые в одиночку могут уничтожать целые армии, да?

— Да.

— А ты никогда не задумывался, что любого такого мага можно преспокойненько пристрелить и он ничего не сможет противопоставить обычной стреле или арбалетному болту?

— А...

— Вот-вот, и я про тоже! Маги на самом деле очень слабые ребята. Ни увернуться от меча, ни спрятаться от стрелы, и даже в рукопашную их довольно легко убить! Ты как раз-таки такой маг, Мирт. Если мы прямо сейчас отправимся на задание, то от ничего не останется. Да и от нас с Кику тоже, если попробуем тебя защитить! Ведь мы привыкли работать в команде, тебе же это ещё только предстоит.

— И что же ты предлагаешь?

— Сегодняшний день потратим на твою подготовку. А займётся твоим обучением Кику!

— Ладненько, — легко соглашается Кику.

— А почему именно она? — спрашиваю я.

— Потому что я настоящий, прямо всамделишный, маг-целитель!

— Но ты же специализируешься на лечении! Разве ты можешь, что-то сделать в бою?

Кику ничего мне на это не сказала, она лишь подошла поближе, сжимая в руке длинную сухую палку. Настолько быстро, что я едва успел заметить, и совершенно не успел среагировать, как она уже коснулась моей руки. Моя рука тут же повисла безвольной плетью, словно кость и мышцы внутри неё пропали и теперь, какие-бы усилия я не предпринял, как бы не попытался пошевелить рукой — всё бесполезно. Моя атрофированная конечность лишь качается из стороны в сторону, и ощущается как какой-то ненужный придаток, груз, от которого надо избавиться.

Я ощутил ужас! А Кику лишь хищно улыбнулась, и улыбка её стала мне ответом.

Да, она маг целитель, но в бою она тоже сильна.

Моя мёртвая рука посинела, у меня из глаз сами собой полились слёзы.

Кику решила сжалиться надо мной и вновь коснулась моей мёртвой руки, но на этот раз она продержала полку около минуты, пока кожа на руке не порозовела.

— Ну как тебе? — спрашивает Кику. — До сих пор думаешь, что я ничего не могу в бою, а?

— Можешь! — говорю я. — Ещё как можешь! Только, очень тебя прошу, больше никогда не делай со мной такого! Я тебя просто умоляю!!!

Слёзы вновь невольно полились из моих глаз. Билл отошёл в сторону, под тенёк дерева. Там он смотрит на меня неотрывно, я для него представление какое-то?!

— Ладно-Ладно!!! Только не плач, прошу! — говорит Кику. — Теперь твой черёд делать мне больно! Если у тебя конечно получится...

— Что?!

Она просит, чтобы я пальнул в неё тем белым шаром? Но ведь это убьёт её!!!

— Не бойся, — говорит Кику. — Просто отойди от меня на шагов так... думаю десяти будет достаточно... и атакуй своим посохом.

Ладно. Я доверился ей. Отошёл. Направил посох. Тот сразу засиял белым. И стоило мне лишь представить как шар срывается с его кончика и летит в девушку, как сгусток энергии действительно сорвался с посоха и полетел в Кику. Быстро! Но очень плавно. Кику перевернула свою трость горизонтально земле и обхватила её двумя руками, на миг её глаза вспыхнули силой.

Шар подлетел уже совсем близко, ещё миг и он прожжёт её грудь насквозь! Но вдруг остановился. Просто повис в воздухе, совсем близко к Кику. Он словно столкнулся с невидимой преградой и медленно истаял. Кику улыбнулась и опустила руки. Её лоб покрыли капельки пота, а руки немного подрагивали. Она подошла ко мне. Протянула руку и потрепала по голове.

— А, ты не так уж и плох! Всё-таки какая-то решимость в тебе да есть!

— Как?! Как ты это сделала?

Она убрала руку с моей головы.

— Это был магический барьер. Он помогает нам, магам, выживать на поле брани. Сейчас я всё объясню тебе и попробую научить создавать такой же!

— Эээ... а у меня вообще получится?

— Получится. Я покажу тебе самый простенький, вообще подобные барьеры мне довольно сложно удерживать... а ещё, — она хитро улыбнулась, — твой удар был хорош! Это определённо магия света. Особенно будет хороша против нежити... да и против людей — это весьма мощно! Пусть и латные доспехи не пробьёт, но всё же навредить может.

— Да, это всё артефакт!

— Возможно... но кто его создал, а? — Кику похлопала меня по плечу. — Ладно, комплименты друг другу будем высказывать позже, сейчас надо научить тебя базовому барьеру. Он тебе точно пригодится. В общем, смотри на мои пальцы, видишь?

Подушечки пальцев Кику засветились зелёным — естественным светом её дара.

— Да, вижу!

— Я собрала свой дар в пальцы, плотно спрессовала его в одну точку, а теперь буду медленно сдавливать... смотри.

Подушечки пальцев Кику стали светиться чуть ярче, но эти огоньки уменьшились и с каждым мгновением становились всё меньше, пока не превратились в маленькие капельки чистого дара, который ярко, пугающе и завораживающе, подрагивал на пальцах Кику.

— Как же это красиво! Но почему я не заметил этого раньше, когда ты активировала барьер?

— Потому что я делала это очень быстро. А сейчас, специально для тебя, делаю до безумия медленно. Только представь, что какой-нибудь маг-маньяк запускает в меня сейчас молнию... да меня бы уже давным-давно разнесло бы по лесу на ошмётки!

— А я смогу... создавать барьер достаточно быстро?

— Да, как только приновишься... но пойми, что тут многое решает момент. Ты должен успеть поймать тот самый краткий миг, когда ты ещё жив и невредим, но смерть, боль и страдания уже совсем рядом... ох, дар рвёт наружу! Больше сдерживать его не вижу смысла. Смотри внимательно, Мирт!

— Ага!

Капельки дара, на пальцах у Кику, одновременно исчезли. А затем произошла вспышка, едва заметная глазу, но я стою слишком близко и смог уловить тот момент, когда дар вспыхнул, но не погас, а растёкся едва-заметным пятном перед руками Кику.

— Какой прозрачный...

— Да, и это ещё очень заметный барьер... дилетантский! И всё только для того, чтобы ты смог увидеть, что будет дальше...

Плётка стала ярче, осязатее, весомее, словно что-то несуществующее стало обретать форму полукупола, становиться чётче, реальнее и больше. Барьер увеличивался до тех пор, пока полностью не закрыл Кику спереди, на подобии щита, почти реальный у её рук и незаметный по краям.

— Вот! Это он и есть — ручной барьер. Я быстро вливала в него дар, для того чтобы нарастить до таких размеров, а сейчас только медленно подпитываю, чтобы не исчез. Но у меня уже не хватает сил даже для этого... — Кику опустила руки и барьер тут же исчез. — Как жаль, что дар на сегодня иссяк... ну ладно! Теперь твой черёд! Вставай в стойку, активируй барьер, а я буду бить!

Пробую активировать заклинание. Конечно же, сначала ничего не выходит. Дар стекает в мои руки, но останавливается где-то в области локтей. Это оказалось очень сложно! Я тяну

дар, а он сопротивляется, словно он стал вдруг невыносимо тяжёлым! Но при этом кажется, что он совсем маленький, кажется, что если я ещё чуть-чуть поднажму, то всё обязательно получится, нужно лишь постараться... но для того, чтобы поднажать сил у меня уже не осталось. Ноги подкосились. Я упал на землю. Сижусь обессиленный, голову повесил, со лба пот градом течёт, а голову всё к земле тянет и тянет...

— Знаешь, — говорит Кику, — а ведь это было весьма неплохо, только вот ты торопишься, слишком ускорился вначале, я даже подумал, что ты не удержишь и он тебе руки порвёт изнутри...

— Что?! — уставился на неё. Смотрю, а слова в горле застряли. — И...ии такое может быть? И ты не сказала?!

— Говорю прямо сейчас... я знаешь ли не всё помню, многое вспоминается уже на практике... вот прямо как сейчас! Да не смотри ты на меня так зло! Ничего же страшного не произошло! Да и если бы я тебе раньше сказала, то ты бы испугался и не стал бы ничего больше делать! Либо начал бы с такой осторожностью, что мы бы и через неделю не закончили...

Смотрю на неё и злюсь, потому что понимаю, что она права.

— Ладно! — говорю вставая. — Допустим я попытаюсь об этом забыть... но как мне теперь не испугаться окончательно и вообще это дело не бросить, ведь это чёрт возьми безумно страшно!!!

— Тише, тише, не ори! Бояться тут совершенно... ладно, есть чего бояться, только не смотри на меня так зло. Да! Знаю, что дело это не лёгкое, но если разобраться, то оно станет более или менее безопаснее. В общем, представь, что твой дар — это река. Она бежит у тебя в груди и не желает бежать в другое место... Не нужно тянуть её силой! Иначе дара может скопиться очень много, и он вырвется наружу, ведь ты будешь не в силах его удержать, ясно?

— Да... так что мне делать?

— Вернёмся к примеру, с рекой... представь эту реку, хорошо представь, думай какой силы поток, думай насколько велика или мала твоя река, думай на сколько высок твой контроль, есть ли волны на твоей реке, представил?

— Ну... что-то вроде того... правда это больше на какой-то ручеек похоже...

— Кха-ха-ха....

— Ты сейчас посмеялась Кику?!

— Нет, тебе показалось... просто в горле вдруг запершило. Так вот, теперь представь, что от твоего ручейка, появляется небольшой ответвление.

— И куда оно течёт?

— К твоим рукам... только не торопись, ты делаешь это впервые, твой источник не надёжен и мал... для работы с ним необходимо время, а нам не куда спешить.

И я не спешу. Медленно. Шаг за шагом я провожу свой внутренний источник к своим рукам. Дар бежит по нему охотно, не останавливаясь, не замедляясь, не собираясь в огромную волну чтобы разорвать меня на куски...

Когда я закончил и открыл глаза уже начало темнеть. Кику и Билл развели костёр и сидели возле него, помешивая иногда в котелке. Пахнет аппетитно! Кику уловила мой взгляд и посмотрела на меня, затем улыбнулась вполне довольной, а всё оттого, что на моих пальцах зависли крошечные капельки сконцентрированного дара. Кику встала и подошла ко мне.

— Ты молодец! Теперь создавай барьер.

— Но... я так устал...

— Всё-равно. Создавай барьер! — девушкой вдруг стала очень серьёзной. — На поле боя тебе никто не даст отдохнуть и перевести дух! Так что сделай барьер прямо сейчас!

— Хорошо, я попробую! Но как?

— Я уже говорила. Высвободи дар, который собрал. Быстро и направленно. Тебе нужно чтобы он потёк в стороны, от каждого пальца, соединяясь в щит, и при этом не осушай источник, пусть по нему постоянно бежит твой дар! Пусть он поддерживает щит, пока ты направляешь его и придаёшь форму!

— Звучит слишком сложно...

— Так только звучит... это простейшее заклинание! Да и всегда оно так бывает, что объяснения звучат крайне сложно и не всегда понятно, но на самом деле всё осуществляется по наитию! Ты начнёшь всё делать сам, даже не задумываясь... главное просто начать. Ты меня слышишь?

— Слышу...

— Так начинай же! И не бойся высвободить свой дар! Он уже не внутри твоего тела, он сам рвётся на свободу, ты же чувствуешь это...

— Да...

Я высвобождаю всё разом. Пальцы жжёт! Сердце в груди так и стучит, так и рвётся наружу, и я чувствую какую-то странную радость и печаль одновременно. Не знаю, что делать. Плакать или смеяться... но щит у меня, всё же, получился! Получился сразу! Но совсем крошечный. Таким-то и голову с трудом получится прикрыть... я пытаюсь создать больше, но дар почти на нуле... слишком много я потратил, и осознал это лишь сейчас, когда в очередной раз потянулся к источнику, но ощутил внутри лишь пугающую пустоту... моя щит мигнул пару раз и погас.

Кику смотрит на всё это с кислой миной, на её лице так отчётливо видно, что она сама не знает поздравлять меня с успешным усвоением первого защитного заклинания... или сочувствовать неудачнику? В итоге она не выбрала ни первого, ни второго, а лишь рукой указала на костёр и котелок с похлёбкой.

— Пойдём... поедим что ли...

Глава 9: Билл!

Билл смеялся. Его смех разносился по округе. Звенел в кронах деревьев. Проносился по лесной чаще. Но никто, кроме Билла, не слышал его.

А между тем, Билл умирал.

Он шёл медленно по лесной тропе. Оглядывался по сторонам. Падал на землю и выблёвывал желчь вместе с кровью.

Билл злился, он хотел кого-нибудь разорвать на куски, Билл очень хотел встретить в этой лесной чаще врагов и пустить в ход свой топор, но в чаще не было никого, а острая боль в животе Билла всё усиливаясь, хватала за живое спазмами, заставляла выблёвывать свои внутренности.

Он посмотрел, напоследок, в пасмурное серое небо. На его горячий лоб упала капля дождя. Он умирал, а улыбка не покидала его губ. Он выпил отвар мухомора, и сейчас хочет броситься в бой. Жаль, что тело отказывается подниматься. И никого рядом нет.

***

А перед этим было задание. Оно начиналось обыденно, в гильдии авантюристов. Знакомый клоп, Аркадий, рассказывал им про новую миссию:

— В нескольких деревушках на востоке происходят странные вещи. Там пропали уже три отряда стражи местного управителя, они выехали за налогами и не вернулись. Конечно же местному управителю это не очень понравилось, и он нанял отряд отморожков, да и вместе с ними отправился разбираться с беспорядками. Больше этого управителя никто не видел. Но ходят слухи всякие разные, что в тех местах сами люди решили восстать против власти Короля, а не то, чтобы какая-нибудь погань страшная в тех местах поселилась. На то указывает отсутствие выживших, ведь никто не возвратился из тех деревень, ни одного беглеца! А так не бывает, чтобы твари всех сожрали! Но это всё догадки, а что там творится на самом деле предстоит выяснить уже вам. Задание это железного ранга, срок выполнения до полугода, все расходники гильдия берёт на себя, а награда составит аж пятнадцать золотых.

Билл присвистнул.

— Это в честь чего такие деньжища? Кто за всё платит? А то ещё кинут нас, после задания!

— Не переживай, Билл, — Аркадий поправил очки, их золотая оправа блеснула солнечным зайчиком, — заказчиком выступает Торговый Дом совместно с Королевской Канцелярией, дело кажется серьёзным, поэтому некоторые знатные люди всерьёз забеспокоились, что неизвестная напасть распространится и захватит все окружные деревни, одну за другой. А вот именно Королевская Канцелярия беспокоится, что там может вспыхнуть восстание, которое так же захватит соседние территории.

— Вот как, — Билл наклонился вперёд, внимательно вглядываясь в глаза Аркадия, — значит мы выступим своеобразным таким отрядом разведки, который потерять особо не жалко?

— Да, именно поэтому такая награда.

— От этого задания пасёт за километр!

— Но ты сам сказал, что тебе срочно нужны деньги. Так что? Берёшься?

— А, чёрт с тобой! Возьмусь! Но только учти, если там окажется какая-нибудь страшная

тварюга, то выторгую от заказчиков дополнительные пару золотых! За риск, так сказать.

— Как скажешь, — Аркадий достал подготовленный заранее контракт и с улыбкой протянул его Билу. Этот старый пройдоха ни на секунду не сомневался в жадности Билла. — Подпиши здесь и здесь. За расходниками подойдёшь на склад.

— Эх... очередная кабала.

***

Когда Билл вернулся в лагерь, там во всю шёл бой. Любимая дралась с мальчишкой. Она побеждала. Мальчишка держал в руках свой посох, он принимал от неё удары на свою каменную палку. Кику была его играючи, то ускоряясь, то замедляясь. Вдруг, она решила поставить точку в их маленьком сражении и с резкостью змеи шандарахнула парня в голову. Но Мирт оказался не так-то и прост, ведь палка Кику не достигла его головы, она отскочила от ручного барьера. Мирт в последний момент успел поднять руку над головой, и пальцы его мелькнули синим. Кику улыбнулась краешками губ и вновь замахнулась, да не успела завершить удар как шар на посохе Мирта засиял ярко-белой вспышкой, ослепляя Кику и даже Билла, что стоял в стороне.

Билл поморщился, это был очень подлый и неожиданный удар. Но это был бой, а в бою нет правил и нет там места приличиям! Наверное поэтому, а может потому что не ожидал такой прыти от паренька, Билл улыбнулся и подошёл ближе к сражающимся, внимательно наблюдая за дальнейшей их потасовкой.

Кику отпрыгнула в сторону. Сейчас она стояла на расстоянии шагов девяти от Мирта. Ноги её полусогнуты. Одна рука немного отведена, дрожит и светиться зелёным. Палка в другой руке качается из стороны в сторону, ни на миг не останавливаясь, раздражая и заставляя Мирта нервничать. Кику кажется победителем, кажется воином уверенным в себе и в свои силы, но Билл видит как намокла её спина, как с её лба стекают капельки пота, он видит дерзкую улыбку на её губах, и он знает, что она держится из последних сил, а улыбается она потому что достигла края, и чувствует себя живой!

Она бросилась в бой. Мирт успел собрать силы в свой световой посох и один сияющий шар полетел в сторону Кику, та приняла его вскользь на ручной щит, отбивая шар по касательной. Она очень быстро оказалась рядом с мальчишкой, на этот раз удар её получился медленнее, она была без замаха, тычком направляя палку в нос Мирта. Мальчишка удивил. Он не стал просто уворачиваться, а вместо этого развернулся всем телом, плавно уходя от болезненного тычка, он крутанулся на месте, при этом успевая подцепить Кику за ногу. Она свалилась на землю, потная и растерянная. Хотела вскочить на ноги и продолжить бой. Да только вот...

Перед лицом Кику завис посох мальчишки. Набалдашник в виде шара светится угрожающе-белым. От него идёт нестерпимый жар, он заряжен и готов пальнуть световым зарядом.

Мирт победил. Этот мелкий засранец впервые за долгий месяц тренировок смог одержать победу над Кику. Bravo! Билл восхищён, он вдруг осознал, что более удачного времени для задания нельзя было выбрать. Теперь и парень готов к бою, а значит времени тянуть больше нет.

— Ну что-ж, мои дорогие, — Билл зашаг к ним уверенной походкой, раскинув руки в стороны, словно собираясь обнять, — пришло, наконец-то, время отправляться в путь!

***

Она сверху, её мускулистые ноги обхватили мой пах. Я держусь за её тёплые груди,

острые серые сосочки освещает блеклый свет луны, я касаюсь их, они холодные и твёрдые. Кику вздрагивает, в её вагине становится узко, она ускоряется.

Мы в пути уже долгое время, а воздержание очень неприятно сказывается на мои нервы, я стал настолько злым и гневным, что любимая не выдержала и подарила мне эту ночь. Она немного нервничает, ведь мы впервые делаем это при мальчишке, но нервничает понапрасну, ведь тот давно спит, он устал за день от длительного перехода, и я могу его понять. Гильдия снабдила нас всем необходимым, кроме лошадей. Аркадий, жадный хрыч, сказал, что авантюристам нашего ранга не положено иметь в пользовании скаковых, поэтому пришлось тащить многочисленный скарб на собственных горбах. Сильнее прочих досталось Мирту, ведь он самый неопытный и самый новенький член нашего малочисленного отряда. Да, признаюсь, что я не особо жалел паренька и нагружал его сумками сверх меры, но с другой стороны — это тоже опыт, да и сумки надо было кому-то тащить!

Сейчас же, после трудного дня он посапывал в стороне, и я уверен на все сто, что сейчас его никакой демон не поднимет, даже если вокруг развернуться хляби небесные, он всё равно продолжит мирно спать. Что определённо плюс, ведь мы с Кику наконец-то можем заняться тем самым, чем занимаются парочки оставшись наедине, тёмной ночью, изголодавшись по человеческому теплу. И о, да! Мы любим друг друга как только можем, насколько хватит сил. К слову, мои силы уже почти закончились и Кику сейчас отрывается за нас двоих, прыгая на моём члене без моей помощи.

Её мускулистое тело изгибается и двигается мне на встречу. Я вижу её мышцы, каждый мускул на ногах и кубики на животе. Долгие тренировки и дорога заставили её окрепнуть, она уже не такая нежная как раньше, а трахается словно заводная. Когда она остановится? Мой член уже начинает неприятно натирать и такое гаденькое чувство возникает в душе, словно не меня она хотела удовлетворить, а наконец-то расслабиться самой.

Она вздрогнула и остановилась. Но это был не тот толчок, если бы она кончила. Напротив, она вся напряглась, и голову повернула вбок, прислушиваясь к чему-то. Я тоже услышал шуршание сбоку, а мой член неожиданно сдавило, словно тисками.

— Пшшшш... — зашипел Билл. — Какого чёрта Кику?! Ты мне сейчас всё там раздавишь!

Но она ничего не ответила мне. Просто неожиданно вскочила, и в этот момент я увидел тварей, бегущих на нас.

Серые кости, испачканные в земле. Я вижу их рёбра, за ними пустота, вижу провалы глаз на голом черепе, там внутри затаился могильный холод. На нас бежит целая толпа, бежит и скрепит суставами, я не заметил этот адский скрежет лишь потому что они были достаточно далеко. А Кику сразу почуяла, она как целитель всегда чувствует запах смерти.

Билл вскочил с лежака, что лежал на земле, и кинулся натягивать штаны. Он схватился за меч, в этот момент скелеты всей оравой уже подошли слишком близко. Кику сражалась во всю, своей палкой она махала во все стороны, палка её светилась зелёным и стоило ей только коснуться черепушки мертвеца, как та разлеталась по округе ошмёткам. Некоторые мертвецы были вооружены лопатами и вилами, а у других в руках были только подгнившие черенки. Мертвецы обманывали замкнутостью движение, своей деревянной походкой и скрипом, казалось словно они не могут навредить, но стоило им подойти достаточно близко к жертве, как они вдруг становились невероятно прыткими и набрасывались толпой буквально за миг! Кику разносила одного мертвеца за другим, но удары жизненной энергией

отнимали невероятное количество сил, и пусть вокруг неё скопилось уже не мало костей, она постепенно замедлялась.

А Билл тем временем пытался отвлечь мертвецов от любимой. Он ворвался в толпу нежити железным ядром, раскидывая их в стороны он вносил в их ряды смуту. Скелеты прогибались под ударами здоровенного топора, их кости отлетали в стороны, ноги ломались как хрупкие веточки, а при падении они спутывались друг с другом, давая Биллу время нанести новые и новые удары. Одна проблема, Билл не мог окончательно разделаться со скелетами, его удары дробили их кости в осколки, под его ударами они распадались на части, да только вот это не отправляло мертвецов в вечный покой... их конечности ползали по земле, их кости собирались вновь, и они восставали.

Правда скорость их восстания была не велика. Кику сосредоточилась на поддержке, и методично добивала лежачих скелетов, взрывая их черепушки своей силой.

Через пару минут было всё кончено, Билл и Кику стояли рядом и тяжело дышали. Здоровенный мужик с огромным топором в руке, оголённый по пояс, с набухшими мышцами. И голая девушка, кожу которой покрывают неизвестные символы, тоже тяжело дышит, и её обнажённая грудь, то поднимается, то опадает, серые сосочки мелькают в воздухе, впадинка между грудями влажно блестит в лунном свете. Билл невольно прилип взглядом к своей прекрасной напарнице. В штанах у него снова что-то зашевелилось и несмотря на усталость захотелось продолжить, то что они начали совсем недавно. Но Билл отогнал эти мысли прочь. Он был воином, и понимал, что скелеты не поднимаются из могил просто так, виной всему здесь поганая магия некромантов!

Воин направился назад к сумкам, облачился в броню. Сбоку, на своём спальном мешке приподнялся Мирт, он озирается вокруг и с каждой секундой его глаза становятся всё больше.

— А... что здесь... произошло? — спрашивает он растеряно у Билла.

А тот хмуро завязывая лямки на доспехах отвечал ему:

— Ты всё проспал! Вот что здесь произошло! Вот скажи мне, какой нам был смысл учить тебя сражаться, если ты просыпаешь битву? Это ещё хорошо, что скелеты не добрались до тебя! Вся поганая погань на Кику набросилась толпой, видимо уловила в ней магию жизни... а ты! Тьфу! Одно сплошное разочарование! — Билл раздосадовано махнул рукой и потянулся к сумке, где лежали заранее приготовленные настойки и экстракты. Он нащупал внутри жёлтый пузырь, сорвал пробку зубами и впился в горлышко губами, жадно поглощая настойку берсерков на основе мухоморов.

— Ну не надо... — раздалась сбоку неуверенная просьба Кику. Но она опоздала, ведь Билл уже вылакал весь пузырёк ядреного поила.

Он больше не сказал ни слова. Схватил свой топор и направился по следам скелетов, в поисках того несчастного некроманта, кто по глупости своей натравил своих скелетов не на того воина. Сейчас Билл преисполнен ярости на пополам с решимостью. Его руки налились силой, захотелось рвать и метать, а в груди разлился огонь бойни, ему так захотелось сейчас кинуться в пучину! Ворваться в ряды вражин, как в старые добрые, и отсекал конечности, разрубать тела... он перешёл почти на бег, ожидая в радостном предвкушении новых мертвецов.

Кику же, глядя на своего суженного, тысячу раз пожалела, что изготовила ему эту проклятую настойку. Пусть она и была необходима Биллу, ведь его обучали как берсеркера, и с этой отравой он становился безбашенным убийцей, не чувствующим ни жалости, ни боли. Но эта же настойка делала его невыносимым ублюдком, что не слышал даже свои товарищей!

— Хватай сумки Мирт, и бегом за мной! — Крикнула девушка заспанному мальчишке, что так и не тронулся с места, озираясь по сторонам растеряно смотря на кучки костей, а сама же Кику побежал за шизанутым берсерком, надеясь глубоко в душе, что он не наделает глупостей, но также понимая холодным разумом, что беда неизбежно нависла над ним и только и ждёт момент, чтобы напасть. Кику понимает, что эти мертвецы пришли очень неожиданно и спланировано, понимает, что некромант, который их призвал — вовсе не глуп, и сейчас им нужно собраться и действовать разумно... ну разве она может что-то сделать с Биллом, который теперь превратился в скопление безумия и силы?!

Она бежала за Биллом, оглядываясь назад на Мирта, который с многочисленными сумками, запыхался и падал, едва поспевая за ней.

***

Билл направлялся в деревню. А вывод, что рядом есть деревни он сделал очень просто — мертвецы не могли прийти из неоткуда, где-то рядом должно быть кладбище, иначе сложно объяснить появление древних скелетов. Они ведь были не первой свежести. Да и для того чтобы поднять их из могил, и прислать к ним, нужен некромант, а некромант не может жить один в лесу и питаться мухоморами. Некроманту нужны рядом люди, иначе никак!

Вот Билл и несся по лесу, почуяв, что долгое путешествие подходит к своей цели, он явственно чувствовал, что деревни рядом, и что тварь, которая натравила на них скелетов, близко.

Так оно и оказалось. Двадцать минут бега и вуаля! Деревня. Обычная деревенька, каких тысячи в королевстве. Только вот дома весьма разобщены и нет вокруг их какой-либо стены, или даже забора. Да и не мудрено — деревня не приграничная, защищаться здесь не от кого.

Билл направился к ближайшему домику. Массивный дом, с толстыми стенами и крепкой дверью, он стоял в стороне, на небольшом холме, и Билл выбрал его своей целью как самый ближайший.

Билл подбежал к массивной деревянной двери и постучал обухом топора, да так, что дерево стало поскрипывать и глухие удары прокатились по округе. Билла переполняла энергия, поэтому каждая секунда ожидания давалась ему с невероятным трудом, и ждать долго он не собирался. Ему хватило трёх секунд, чтобы разозлиться окончательно и начать разносить дверь в щепки. Мелькал здоровенный железный топор, дверь жалобно трещала. Билл разнёс дверной косяк и выбил её окончательно плечом, оказавшись внутри, он увидел тусклый коридор, и мужика шагах в пяти, со свечой в руке, мужик смотрел на него растеряно, в другой руке он сжимал кухонный нож.

— Где некромант, Ссука?! — выдал Билл, и сделал два огромных рывка вперёд, оказавшись с незнакомым мужиком, видимо хозяином дома, вплотную.

Мужик охнул, и хотел было отпрянуть, да не вышло у него ничего, Билл схватил его за ворот рубахи, и прижал к стене с такой силой, что мужик ударился головой. При этом, несчастный, выронил свечу, та свалилась на деревянный пол и потухла. Билл приставил к горлу мужика лезвие топора. Топор был не очень остро заточен, он предназначалась для

того, чтобы рубить врага, а слишком острая заточка могла бы сломать лезвие, по этом от сильного нажима топора на шею мужика не разрезала его кожу, не заставила пойти кровь, которую Билл очень бы хотел сейчас увидеть.

Но холод металла был явно мужику неприятен, как неприятен и страшен был широкоплечий парень, что ворвался в его дом, и угрожает теперь оружием.

— Ккакой такой... некромант? — спрашивает неуверенно Освальд, в деревне имеющий прозвище Рыжий, за огненный свет своих волос, и бесчисленное количество веснушек на щеках.

— Ты врёшь мне! Врёшь мне, хотя я могу убить тебя... правда ты этого почему-то не понимаешь... — Билл с размаху воткнул свой топор в деревянный пол рядом со своей ногой, а затем отвесил этому проклятому вруну смачную пощёчину, Освальд свалился на пол и заплакал. В этот момент открылась дверь в одну из комнат, оттуда вышла женщина в ночнушке, худая, но красивая, она смотрела на плачущего мужа, затем перевела взгляд на Билла и спросила:

— Что тебе нужно, ублюдок, в моём доме?

Билла аж пробрало от злости, он захотел подойти к этой дамочке и показать как именно нужно разговаривать с гостем, а уж потом бы он рассказ ей про скелетов, что напали на него с Кику ночью. Он бы всё ей рассказал, методично напоминая ей её место, и не забыл бы в конце спросить, какого хера её рыжий толстый муженёк ему нагло врёт прямо в лицо?

Но Билл не успел. В дом ворвался мужчина, совсем молодой, с белыми волосами и глазами такими синими-синими и ужасно холодными, как у тех же скелетов, что пришли в их лагерь ночью.

— Что здесь творится? — спросил этот, благородного вида, паренёк. Затем он посмотрел на Освальда, увидел у того на щеках слёзы, и уже совсем другим голосом, в сто крат злее, он спросил у Билла:

— Это ты ударил, Освальда? Ты ворвался в их дом посреди ночи и ударил Освальда? Почему, и вообще как у тебя поднялась рука... сделать такое? Ты кто такой вообще и что тебе здесь надо?!

Билл демонстративно вырвал из деревянного пола свой огромный топор, и медленно подошёл к этому незнакомому красивому паренёку, глаза у которого горели силой. И вместо ответов на его вопросы, он задал свой:

— Это ты тот ублюдочный некромант, что натравил на меня мертвецов посреди ночи?

Парень замер, в его глазах исчезла злоба, он думал о чём-то несколько мгновений, хмурия лоб, и глядя в пустоту, затем коротко ответил:

— Да, это я. И?

— Пойдём-ка выйдем...

И они вышли, отошли от дома Освальда, спустились с холма и остановились на ровной земле, освещаемой полной луной. В такое время у некромантов силы прут через край, Билл это знал, но и у него сейчас, благодаря отвару из мухомора, прибавилось безумия, и он с радостью готов устроить этому поганцу кошмар! Да только не успел он сорваться с места, не успел поднять высоко свой топор и располовинить этого красивого парня на две не очень ровные половины... ведь до него наконец-то добежала запыхавшаяся Кику, на пару с мальцом. Они сбросили сумки на землю, оглядели незнакомца, Кику хотела что-то высказать Биллу, и видит бог, ничего хорошего и ласкового она сказать не хотела... как вдруг, Кику неожиданно повернула голову в сторону этого благородного парня,

принюхалась, забавно подрагивая носом и сказала, вместо гневной тирады, очень кратко и по делу:

— Это он. Тот некромант, что напал на нас. Та же сила, тот же дар, что и у скелетов.

Мирт отошёл немного назад, посох в его руках засветился белым.

— Короче говоря, тебе пиздец пришёл окончательный и неминуемый! Последнее слово? — Билл был на удивление многословен, видимо действие мухоморовой настойки подошло к концу, а вместе с тем, а может именно и потому, возвращался к Биллу обратно его не очень большой, но всё же рассудок.

— Вы будете судить меня? — спрашивал спокойно этот красивый, высокий, статный юноша с холодными синими глазами, да спрашивал так кротко, так рассудительно, что Мирт невольно погасил свой посох.

— Более того, мы тебя повесим, это даже не суд, а просто последнее слово перед казнью, — продолжал говорить Билл, при этом делая несколько медленных шагов вперёд, которые должно-быть выходили у него сами собой, непроизвольно.

— И всё это лишь потому, что я защищал свой родной дом от разбойных налогов?

— Иногда лучше просто заплатить, чем убивать патруль стражников своего лорда, а затем и самого лорда, а ведь он защищает твой дом от всякой погани и разбойников, ну... защищал.

— Враньё! Этот проклятый ублюдок ничего не делал, когда на дорогах появились бандиты! Ублюдочный лорд ничего не делал, когда эти же бандиты пришли в нашу деревню, ограбили несколько домов, изнасиловали и убили одну очень добрую, по-настоящему хорошую девушку! Он не сделала ровным счётом ни хера!!! Зато я сам со всем разобрался... я сам поднял мертвецов, сам отправил их на поиски этих тварей и сам потом приказал мертвецам повесить их рядом с дорогой!!! Ты думаешь почему местные защищают меня? Почему бедняга Освальд не выдал меня даже когда ты угрожал ему смертью и избивал?! Да я защищаю свой дом! Я защищаю всех этих людей! И за это не прошу грабительские налоги!

Ну и? — спросил Билл. — Ты думаешь я поверю тебе, а даже если и поверю, то почему мне должно быть не насрать на то почему ты убивал людей? Меня прислала сюда гильдия, сученыш, с определённым заданием, в котором было сказано разобраться с проблемой. И я с ней разберусь, ты уж поверь!

— Да... вот как... — парень сделал пару шагов назад, медленно, но не таясь. — А с чего ты взял, что я вот так вот легко расстанусь со своей жизнью? — вдруг, со всех сторон загорелись синие холодные глаза... из мрака деревьев они смотрят на Билла и его малочисленный отряд. Мертвецов десятки. И совершенно неизвестно есть ли у них стрелковое оружие... но Билл об этом не думал. Вместо этого он заорал:

— Ах ты поганый сукин сын! Хитрый ублюдок! Ты специально время оттягивал своими лживыми речами, пудрил мне мозги... ах... иди сюда! — Билл хотел броситься вперёд, но его за руку схватила Кику. Не высокая, хрупкая, она казалась ему ничтожной преградой, однако она приставила свою деревянную трость напитанную даром к шее Билла.

— Дорогая... сейчас самое время объясниться...

— Ты не будешь драться с ним...

— Не понял...

— Мы не будем драться с тобой! — крикнула Кику уже гораздо громче, обращаясь напрямую к некроманту.

Билл даже зубами заскрежетал от ярости:

— Как это не будем сражаться?! Мы для этого сюда шли!

Кику наклонилась к его здоровенному уху и прошептала:

— Вот именно что сражаться, а не умирать! Нет... ты конечно можешь помирать, если уж тебе так хочется, может даже сможешь убить этого симпатягу, но ты же совершенно не подумал обо мне с Миртом! Нас первых пришьют, если затянется бой, и эти мертвецы, что сидят в кустах, они не такие... они сильнее! Помнишь, как парнишка рассказывал, что убил каких-то бандитов, да и сборщиков налогов, вместе с его лордом и головорезами... ведь он пришил их всех! А куда по-твоему он дел тела, Билл, дурья твоя башка?!!!

Билл под настойкой соображал очень медленно, но всё же соображал.

— Она права, некромант. Давай не будем устраивать бой, а разойдёмся мирно... хотя бы сейчас...

Парень задумался на миг.

— Хорошо, — наконец ответил он. — Идите.

И глаза, светящиеся во тьме, освободили одну сторону, разрывая кольцо, давая небольшому отряду авантюристов возможность на отход. И они ушли, отделились от деревни, ушли немного дальше от того места, где ранее располагался их лагерь, они помнили про скелетов, что наткнулись на них ранее, и они, скорее всего, выступал в роли патруля. Наверняка такие отряды есть у этого парня ещё, и он точно будет их искать!

Авантюристы больше ничего не сказали той ночью, лишь установили дозор, первым вызвалась нести караул Кика, её должен сменить Билл, а его Мирт.

В предрассветные сумерки Кику разбудила Билла, а сама провалилась в сон.

Когда Кику проснулась небо было пасмурным. На её лицо упала капля. Начинается дождь. Рядом спит Мирт. Всё тихо и спокойно.

Но Билла среди них нет.

***

Перед самым рассветом Билл вытащил из сумки ещё один бутылку поила с мухоморами, он выпил его залпом и медленно побрёл в сторону деревни. Билл собирался закончить всё этой ночью, ведь не зря он проделал весь этот долгий путь! Сейчас красавчик-некромант должен будет растеряться, он наверняка посчитает, что сегодня мы точно не будем нападать, и вот здесь уже появлюсь я, такой красивый, со здоровенным топор в руках!

План простой, но идеальный, и не придётся защищать Кику с мальчишкой, пусть они спят, тихо и мирно, некромант вряд ли знает где мы устроили лагерь и не сможет их отыскать в ближайшее время, я отыщу его гораздо быстрее!

Билл отошёл достаточно далеко, когда ноги его вдруг стали дрожать и шататься. Дорога плыть в разные стороны, и чувство направления куда-то пропало... постояв пару минут на месте, Билл двинулся в сторону чащи, наляясь в глубине души, что он направляется в деревню.

Что-то закололо в животе. Заурчало. И чувство невероятной дурноты повисло над широкими плечи Билла.

Он шёл по лестной тропе, а ноги его спотыкались и каждый шаг давался всё трудней.

Через сотню шагов его вырвало, вырвало кровью.

Ещё через сотню шагов он вдруг рассмеялся, протяжно и звонко. Упал на колени, посмотрел последний раз в небо и повалился на землю безвольным куском мяса, в котором уже не было души.

А совсем рядом с Биллом, но немного в стороне. Спрятавшись в зелёных зарослях, сидели затаившись два паренька. Один красив как луна, с серебрянными волосами, тонкими и благородными чертами лица, но с очень холодными, промораживающими насквозь синими глазами. А другой совсем невзрачный, с чёрными сальными патлами, тощий, угловатый, с глазами красными, злобными. Этот парень тяжело дышал, с его лба капля за каплей стекал холодный липкий пот.

Красавчик похлопал его по спине, и гадко поморщился, ведь спина была насквозь сырой. Он вытер ладонь о траву и тихо прошептал, видимо до сих пор боясь, что огромный варвар с топором поднимется с земли:

— Ты молодец, брат! Хорошая работа... пусть и отнимает много сил. Однако нам нужно возвращаться, боюсь что мертвецов на тех двоих может не хватить, я почувствовал в девчонке дар жизни, а мальчишка держал в руках какую-то страшную палку, от которой ощутимо фонило светом.

— Не бойся, брат! — черноволосый заговорил в полный голос и выпрямился. — Этот здоровяк уже мёртв, нет нужды таиться. А с теми двумя... мы что-нибудь придумаем.

А может в жопу всё это? Авантюры, приключения, скитания в неизвестные дали, для убийства какого-то некроманта. Может пошло оно всё в задницу? Может лучше найти себе милую девушку, и желательную работающую, ибо дела у меня своего нет, ремеслу не обучен, поэтому если найти не работающую, то мы же с голоду с ней помрём. Значит нужна работающая девушка, которую я обязательно найду!

Мирт бежал за Кику, по лесу, в сторону деревни. Шёл дождь, и они оба мгновенно промокли. Мирт бежал позади, обвешанный сумками с ног до головы, все они были ужасно тяжелыми, а Кику взяла лишь две, потому бежала в два раза быстрее, почти налегке. Что-то случилось в её голове, что-то ненормальное, когда она поняла, что Билл исчез. И она соскочила с места, заставила меня собрать котомки, сама схватила лишь пару и побежала в деревню, где вчера мы встретили некроманта. Она решила, что Билл отправился туда, разобраться с тем красивым парнем. Я тоже так решил, но чёрт возьми, зачем же бежать с такой скоростью?! Я за ней не поспеваю, дыхания совсем не хватает.

Весь сырой, промокший и уставший, я больше не могу терпеть эту ужасную боль в ногах и нехватку воздуха в лёгких. Я остановился, чтобы отдышаться, хотел крикнуть её, но она убежала слишком далеко. Громыхнуло. Дождь перешёл в ливень, почти что в водопад. Даже если буду кричать, она меня всё равно не услышит, да и судя по тому, как она бежит и даже ни разу не обернулась посмотреть на меня... она и не заметит, если я сильно отстану.

Пофиг! Пусть бежит, а я... медленно, рано или поздно... хотя скорее поздно, заработав пневмонию, добреду то той проклятой деревни, и пусть они там помрут оба хоть дважды, это их беда и их проблема! Конечно, я должен был Биллу за спасение, но за время нашего путешествия, и все эти проклятые сумки, что я протащил на своём горбу... пошёл он в жопу! Я ему больше ничего не должен, пусть даже убьёт меня, мне уже всё равно.

Однако, работающую девушку будет найти сложно. Мало какая баба сейчас прокормит семью в одиночку. Все проблемы и заботы лежат на спинах мужчин! Но моя спина уже малость подзадолбалась, так что хрен кто на неё теперь сядет... или там про шею... ай да ладно!

В общем, работающая не канает. Нужно найти богатую изначально! Какую-нибудь аристократку! Буду ходить в любовниках. В шелках. И кушать с серебряной посуды всякие деликатесы! Чем не жизнь? Сказка!

А дождь всё хлещет и хлещет. Сейчас у меня ничего сухого не осталось. В сумках наверняка тоже всё промокло. Такого ливня давно не было, мы как-то не рассчитывали, когда еду в тряпки заворачивали, что эти тряпки будут единственной защитой еды от потопа, а теперь уже поздно что-то делать, остаётся лишь наслаждаться.

Нужно подумать где именно мне найти аристократку, а ещё важнее, как её охмурить. И ведь наверняка это будет не легко, придётся соответствовать характеру brutального любовника! Но это всё будет потом, а сейчас важно совершенно другое!

Вот я дошёл наконец-то до деревни. Там Кику вопит на всю округу, вся сырая, она упала на колени прямо в грязную лужу и рыдает. Нет, её конечно можно понять, ведь перед ней стоит Билл. Ну... то что от него осталось. Вернее, будет сказать, что это тело Билла, огромное, серое как небо, суровое, без единой эмоции на лице и с синими холодными глазами, в которых ничего живого не осталось, лишь мрак и холод. Очевидно, перед нами

труп! Кику сидит в луже, вопит и рыдает.

Рядом с мёртвым Биллом стоит тот самый красавчик-некромант, и ещё один парень, примерно того же возраста, что и некромант, и даже примерно того же роста, но лица его не разглядеть, ведь он надел на голову огромную соломенную шляпу. Вода стекает с её полов, не попадая на его тело, а ещё она закрывает его лицо почти до подбородка, я могу разглядеть его губы, и больше ни черта. Кстати губы его сжаты в одну линию, он отнюдь не улыбается, а словно бы тоже напряжён и совсем не весел.

— Я убью вас убудки! — вдруг выдала Кику, вскакивая с места и устремляясь к некроманту. Только ей не повезло. Земля впитала в себя слишком много влаги, и стала невероятно скользкой. Из-за резкого старта, ноги Кику заскользили по этой невероятно скользкой каше, и она шмякнулась об землю, оказавшись в холодной грязи. Я в этот момент подошёл к ней. Она валялась в мутной жиже, пыталась резко вскочить и броситься на некроманта, но уже окончательно вымазалась во всём этом и тоже стала невероятно скользкой.

В какой-то момент ей удалось встать на четвереньки, а дальше она снова неизбежно поскользнулась, толи из-за того, что вся тряслась, толи из-за того, что двигалась слишком резко, но она снова, а затем снова и снова оказывалась в грязи, ровно до того момента, пока я не придержал её за плечи, и приподнимая из последних сил, помог встать. Я не поскользнулся, и даже не скользил, ведь многочисленные сумки на моих плечах вдавливали меня в землю.

Как только Кику оказалась на ногах, она снова попыталась броситься на некроманта с криками:

— Убью Ссука!!!

Но я схватил её за плечи, как раз во время рывка, что было паршивой идеей, ведь ноги её покатались вперёд, а сама она шлёпнулась на спину, да так мощно, что я даже испугался:

«Не отшибла ли бедняжка спину?»

Те же эмоции читались на лица некроманта.

Кику стонала от боли, и пыталась встать. Я подал ей руку, она приняла её и тихонечко, движение за движением, встала, очень сильно шатаясь, на ноги. Рука её засветилась зелёным светом, и Кику приложила её к пояснице, при этом Кику осталась стоять на месте, больше не пытаясь броситься на некроманта.

— Прости меня... — сказал я негромко, и очень виновато, мне было её до безумия жаль. — Но, кажется, что... сейчас наши силы не равны, да и мстить за Билла... ты думаешь оно того стоит?

— Что ты несёшь?! — сказала она твёрдо и резко, и посмотрела в мои глаза с нескрываемым отвращением. — Он был твой напарником! Он спас тебе жизнь! А ты... решил предать его, и просто уйти?!

— Ну, вообще-то он мёртв... — пару неверно сказанных слов, и я схлопотал тяжёлую и малоприятную пощёчину. Она звонко отозвалась вокруг, игнорирую брызжание дождя. — Обидно! — продолжал я, игнорируя след на своей щеке. — Но это так! И ты можешь бить меня сколько угодно, но я ничего тебе не сделал, а Билл уже мёртв! — Кику стояла на месте, напряжённая, злая, смотрела в мои глаза с такой яростью, словно каждое моё слово — это вызов для неё. А я продолжал:

— Ты просто пойми это! Он ведь сам пришёл сюда! Он шёл в эту деревню убивать, и в

том, что его убили — он виноват сам! Ты можешь ненавидеть меня... да ты уже ненавидишь! Но имей ввиду, что Билл сам поплатился за свои поступки, и я не буду за него мстить... можешь обвинить меня в чём угодно, можешь проклянуть, можешь даже напасть на них. Но ты будешь при этом одна!

Кику уже не слушала меня. Она молча пошлёпала прочь из деревни, покачиваясь, немного скользя в грязи, но удерживая равновесие. Она брела прочь, и при виде этой хрупкой несчастной спины, я не смог удержаться и не крикнуть ей в след:

— Куда ты уходишь?! Возьми хотя бы сумки с едой!

— МНЕ НИЧЕГО ОТ ТЕБЯ НЕ НУЖНО, ПОГАННЫЙ ТРУС! НЕ СМЕЙ ИДТИ МНОЙ, ИНАЧЕ УМРЁШЬ!!!

И она ушла. Я не стал её догонять. Правды ради, я очень устал и весь этот неприятный разговор вытянул из меня последние силы. А эти двое слушали. Стояли под дождём и слушали нашу перепалку, не вмешиваясь, держа труп Билла на месте. А ведь они могли напасть на нас в любой момент и убить.

— Эй, вы! — крикнул я двоим парням, и стал маленькими шажками продвигаться ближе к ним. Мне нужно с ними поговорить, иначе будет страшно уходить отсюда, открыв им спину... да и мне просто интересно, почему всё это время они молча стояли на месте и не вмешивались.

— Слушайте... — начал я говорить чуть тише, когда подошёл достаточно близко для разговора, а дождь тем временем перешёл на нет, лишь небольшие капли по-прежнему падали с неба. — А можно ей спокойно и тихо уйти?

Красавчик некромант открыл рот, собрался мне что-то ответить, но на его плечо легла рука рядом стоящего парня:

— Не надо, Йохан, я сам! — и парень действительно закрыл рот, и замолчал, ожидая что скажет парень в соломенной шляпе. Я тоже стал ждать. А шляпа приподнялась, я увидел не очень красивое лицо незнакомца, его красные, неприятные, и словно бы злые, глаза. Он осматривал меня. Изучал. Момент тишины затянулся надолго, и когда я уже хотел было вновь попросить их не трогать Кику, он заговорил:

— Не выйдет, пацан. Она вернётся назад, и вернётся уже не одна. Нам лучше убить её сейчас. Просто бросить на неё мертвецов и на одну проблему станет меньше. И с тобой следует поступить точно также.

— Да, но... ты же мог это сделать и раньше. Просто бросить на нас мертвецов пока мы говорили... да хватило бы и одного Билла, чтобы порубить нас на куски, и решить две проблемы одним махом! Так что же тебе помешало?

— А ты наглый, пацан...

Стоим. Молчим. Дождь уже не идёт, но небо серое, очень ветрено. Ветер налетает порывами, промораживая меня насквозь, ведь я абсолютно сырой.

— И что дальше? — спрашиваю я, в душе не зная бежать мне или сражаться. С одной стороны, я нахожусь в их власти, потому что точно слабее, а с другой стороны они просто стоят и смотрят на меня, ожидая чего-то. Не похоже, чтобы они вообще собирались на меня нападать.

Черноволосый парень в соломенной шляпе стал теревить свои руки, они у него красные, видимо он часто их невольно трёт, но он делает это когда волнуется? Или в предвкушении

чего-то? Или, когда собирается драться? Сложно сказать, а он говорить не торопится.

Идёт долгаая тишина. Я откровенно нервничаю, совершенно не зная, чего от них ожидать, а они молчат. Красавчик-некромант смотрит на меня, его друг или брат, или соратник... в общем парень со злыми красными глазами, смотрит куда-то сквозь меня, он словно бы вообще от реального мира отключился, однако руки его худые и красные по-прежнему чешут друг друга.

— Расскажи мне что-нибудь, пожалуйста... — вдруг выдал парень в соломенной шляпе, его руки не перестали дрожать.

— Рассказать? Но что именно ты хочешь знать?

— Кто ты.

— Я... авантюрист, но совсем начинающий в этом... и если честно, то мне совершенно расхотелось им быть.

— Почему?

— Знаешь... причина, наверное, в нём, — Мирт пальцем указал на красавчика-некроманта. — Знаешь... мы ведь так долго шли до вас. Путешествие затянулось на долгие месяцы. Часто у нас не было ни воды, ни еды, а ночи были такими холодными, что я дрожал, не мог уснуть, и никак не мог согреться. А идти днём было порой ещё сложнее, меня нагрузили снаряжением под завязку, мы шли по болотам и горным тропам, чтобы сократить расстояние... ха-ха, мои стопы пережили столько всего, что я их больше не чувствую, и я этому совсем не рад.

— Хорошо... но как чувствительность твоих стоп относиться к моему брату? — спросил черноволосый.

— А... весьма интересным образом. Я знаешь ли чуть ли не каждый день задавал себе один и тот же вопрос, и звучал он как, ради чего я делаю всё это. И представляешь, я ни разу не нашёл ответа. Конечно, я был здорово обязан Биллу, — Мирт рукой указал на оживший труп своего товарища, — он спас мне жизнь, но ни разу не упоминал, что после этого жизнь моя будет ничем не лучше рабства. Но я и это готов был стерпеть, пока не узнал ради чего всё делалось...

— И ради чего? — вдруг спросил красавчик-некромант.

— Ради твоего убийства.

— Разве не за это вам платят? — спросил черноволосый.

— Нам платят за решение проблем, но откуда мне было знать, что все проблемы авантюристы решают крайне радикально. Они просто убивают людей, по вине которых эти проблемы случились. Конечно не всегда это люди, наверняка... но глядя на то, как уверенно Билл выпил эту ядрёную дрянь и пошёл убивать всех без разбору... и даже после того как ты рассказ ему свою историю, показал, что не хочешь устраивать бой, он всё равно просто хотел тебя убить, несмотря на мертвецов вокруг, несмотря на нас... он просто очень сильно хотел тебя убить, это была его цель в этом путешествии. Обычно он решал проблемы именно так. А я убивать людей больше не хочу... тем-более если не считаю, что они того заслуживают, а он ведь даже не разобрался!

— То есть ты считаешь, что мой брат не заслуживает смерти?

— Не от моей руки! Не мне решать, кто должен умереть. На то воля судьбы, но... я бы не стал убивать твоего брата, лично я не злюсь на него, и мне совершенно не хочется его

убивать!

— Хм... — говорит красавчик-некромант, — я испытываю к тебе те же чувства, парень. По идее мы должны тебя убить, но нам совершенно не хочется этого делать.

— Лично я, — говорит черноволосый, — всё жду подходящий повод. Жду, что ты нападёшь на нас и тогда моя совесть после твоей смерти будет чиста, при таком-то раскладе... а так. Ты почему-то всё никак не нападешь. Я начинаю волноваться, пареньёк. У тебя точно не припрятан туз в рукаве?

— Это вряд ли, — отвечал им Мирт.

Они стояли в тишине ещё одну долгую минуту. После чего черноволосый перестал теревить одну красную руку о другую, повернулся к Мирту спиной, и направился к ближайшему дому, что стоял на небольшом холме:

— Пойдёмте. Там поговорим, здесь слишком холодно.

Красавчик-некромант посмотрел на меня пару долгих мгновений и пошёл следом за братом. Я смотрю им в спины, смотрю на дом. И... иду следом, в голове не переставая размышлять о том, что возможно, больше уже не выйду из этого дома... живым. Не нужно забывать, что один из этих парней некромант и я преспокойненько могу выйти из этого дома ожившим мертвецом... или восставшим мертвецом... хотя какая разница? Смысл в том, что это буду уже не я, что возможно меня там убьют, однако, тем не менее, я иду туда. Иду туда добровольно, потому что нехорошо отказываться от приглашения. И потому, что мне интересно как далеко это может зайти.

Как только Мирт вошёл в дом, в коридоре он столкнулся с пухлым рыжим мужиком. У него был здоровенный фингал под глазом. При виде Мирта мужик завопил:

— А что этот мелкий ублюдок делает в моём доме?! Почему вы не убили мелкую тварь?! Он же ударит вас в спину... и меня за одним! Вы же не собираетесь пустить его в мой дом с ночёвкой?!!!

— Нет, Освальд... и вообще, заткнись, а! — сказал черноволосый. Он вместе со своим братом стоял между мной и Освальдом, а после резкого ответа черноволосого Освальд малость успокоился, его щёки прекратили гневно краснеть и трепыхаться, и свет сменили на вполне естественный и даже слегка бледноватый. Черноволосый прошёл мимо Освальда и завернул за угол.

Красавчик некромант посмотрел на меня и бросил:

— Там кухня, пойдём! — и пошел впереди. Я за ним. А за мной шёл Освальд, гневно посапывая в мою шею... я даже серьёзно стал опасаться, а не ударит ли он меня, не придушит ли...

— Скажи мне только одно, — сказал вдруг я, когда мы уселись за стол на маленькой, уютной кухне. Тут теплее чем на улице, и гораздо суше. Поэтому на пол подо мной натекла лужица воды, да и дрожь появилась в теле, говорить получается с трудом, дрожь мешает, челюсть дрожит, зубы чакают. — Ты же не отравишь меня? — этот вопрос был обращён не совсем к сидящим передо мной людям, он был обращён скорее к отвару, что стоял передо мной в глиняной чашке. От него шёл белый пар, он был горячий, и им можно было

попытаться согреться, но я даже руки боюсь к нему поднести.

— Он не отравлен, не бойся, — сказала мне худенькая, хрупкая на вид, но со сталью в глазах, женщина. Ответила она весьма просто, можно было бы усомниться в каждом слове, но были эти слова произнесены таким спокойным и рассудительным тоном, что я поверил сразу и как-то даже не задумываясь. Я придвинул руки к чашке, приятное тепло понеслось к кончикам пальцев, их защипало. Я взял чашку в руки, и обжигая губы и рот, отпил чуть-чуть:

— Вкусно! Спасибо. — эта женщина напоминала мне мою мать и мне захотелось с ней поладить. Она стояла у дверного прохода, дверь на кухню была открыта, и она спиной упиралась на дверной косяк.

— Замечательно, пей давай, согревайся... нам нужно многое от тебя услышать.

Я чуть чаем не подавился.

— Многое услышать?!

— Ну да, например про того трупа на улице. Когда тот амбал был жив, он вломился в мой дом и избил моего мужа, и теперь мне очень интересно, хочешь ли ты сделать тоже самое?

— Что вы, я не...

— Отвечай просто да или нет. Ты желаешь зла мне или кому-то в этой комнате? Да или нет. Ничего сложного. ОТВЕЧАЙ! — она сорвалась в крик совершенно неожиданно заставив меня вздрогнуть и залепетать что-то вроде:

— Нет... нет-нет... нет конечно!

— Ну и хорошо. Тогда разговаривайте себе спокойно, а я пойду отдохну.

И она ушла. На самом деле просто развернулась и ушла. А черноволосый сразу же воспользовался тишиной и заговорил:

— Теперь мы кажется выяснили, что ты не опасен. Теперь можем поговорить о другом, что будет если ты вернёшься назад туда, откуда пришел? Что скажет гильдия, которая тебя прислала?

— Ничего. Я не был главным в команде, скорее всего меня даже ни о чём и не спросят... вернее, не спросили бы, пойдешь ты обратно в гильдию, но я туда не собираюсь, мне нечего там делать, а почему именно я уже вам рассказал. Я просто не хочу больше убивать.

— И куда ты пойдёшь? — вопрос задан мне, но как-то пространственно, немного в пустоту. Я в этот момент каким-то десятым чувством сообразил, что он скорее разговаривал с самим собой, чем со мной и вопрос этот был для него, а не для меня.

— Значит... вы тоже не знаете куда идти дальше? — спросил я совсем тихо, несколько даже неуверенно.

А он посмотрел на меня удивлённо, мне даже его глаза перестали казаться злыми и такими неприятными.

— Точно... правильно догадался. Мы оказались в такой дерьмовой ситуации, когда оставаться в родном доме вдруг стало совершенно невозможно, потому что скоро сюда заявятся новые гости... либо от гильдии, либо родственники лорда, которого мы убили... а сражаться вечно нам невозможно, к тому же... кто сказал, что местные всегда будут на нашей стороне?

— Да как ты можешь?! Мы же столько поддерживали вас... вы же столько сделали для нас... мы же не изверги какие! — встрял в разговор рыжий мужик, по имени Освальд.

Но стоило черноволосому парню взглянуть на него исподлобья, как он моментально

заткнулся, и дальше, после короткой, но внушительной паузы, заговорил уже только черноволосый:

— Вы все такие хитренькие... сейчас вы может и на нашей стороне, но пройдут дни, приедут родственники лорда или кто-то другой благородный, и вы сразу же изойдёте перед ним в слюни, начнёте отвешивать поклоны на лево и на право, а на меня с братом повесите всех собак, скажете, что это мы убили лорда, а вас поработили, бедненьких и несчастных!

Освальд молчал, но его глазки так забегали по комнате, устремляясь из одного угла в другой и только бы не смотреть черноволосому в глаза. Всё вдруг стало ясно и без лишних слов. Этим двоим пора валить, их скоро придут убивать, и ведь точно убьют, рано или поздно, в то время как селян никто не тронет, они наврут с три короба и их пощадят, и не потому что им кто-то поверит... а потому что налоги должны собираться, а богатые на нищих зарабатывать, а не убивать за проступки.

— Знаешь что я тебе скажу... — вдруг заговорил Мирт, без отчётливо для самого себя, лишь то, что было у него на уме, не задумываясь лишний раз, и не боясь сказать, воплотившись в одно побуждение лишь сказать и ничего более, — если вы и правда собираетесь бежать из этой деревни и не знаете куда, то я вас могу во многом понять, ведь совсем недавно я сам столкнулся с такой ситуацией, и знаете... в этом мало-приятного, за мной конечно по началу присматривала одна добрая женщина, но она не была мне родственником и нам так и не получилось полностью довериться друг-другу, поэтому у нас ничего не вышло, и мы разошлись, и так я снова оказался на улице. И была тогда одна ужасная ночь, после которой я оказался в рабах...

— К чему ты ведёшь? — прервал Мирта черноволосый.

— К тому, что я не против пойти с вами, и судя по тому, что ты говорил... ты хотел предложить мне тоже самое.

— Ну... в общих чертах да, только я не знал, как к этому подойти, да и к тому же... это же весьма странно, да?

— Что странно?

Черноволосый гаденько так улыбнулся:

— Странно, что бывшие враги вдруг объединяются и идут путешествовать по миру вместе.

— Да, это странно, но мне сложно назвать вас врагами, ведь это не так, мы просто не были знакомы и волей обстоятельств оказались по разные стороны... я же никогда к тебе ничего злого не испытывал, да и убить тебя я не захотел, если ты помнишь...

Повисла тишина, черноволосый подумал о чём-то своём, а затем посмотрел прямо в мои глаза:

— Да. К слову, меня зовут Кайл, — представился он. — А этот симпатяга, — он похлопал по спине белобрысого, что сидел с ним рядом, — это мой брат, и его зовут Йохан. Красавчик некромант слегка покраснел и улыбнулся мне. Вот и познакомились.

***

Ночь. В доме Освальда Рыжего.

Его жена, по имени Гертруда лежала на своей кровати, немного в стороне от мужа, и этой ночью ей было как никогда одиноко. Она не испытывала близости с мужем уже очень долгое время. В их маленькой семье не было ребёнка. Каждый день тянулся невероятно

долго, словно одна сплошная унылая бесконечность. Она уже давно не любила Освальда, и каждый день нахождение его рядом делалось для Гертруде всё более невыносимым. И в эту обычную, ничем не примечательную ночь, её одиночество достигло пика. Она вдруг поняла, что чувствует себя невероятно одинокой не потому что она давно не спала с мужем, а потому они живут вместе уже очень долгие годы, но почти не разговаривают, почти не замечают друг друга. Они живут как бы вместе, но при этом каждый сам по себе. А она человек, ей нужно с кем-то говорить, нужно чтобы её кто-то обнимал, чтобы кто-то её ценил... и рядом лежит мужчина, который мог бы это делать, но совершенно забыл про Гертруду. Ему было на неё совершенно плевать. И этой ночью она вдруг всё поняла.

— Эта ночь будет последней! — гневно прошептала Гертруда в звенящую тишину, и растолкала мужа, что мирно сопел рядом, совершенно не обращая внимания на её внутреннее смятение.

Но вот Освальд проснулся и тихо проблеял:

— Что такое дорогая...ааа... — Освальд протяжно зевнул. — Что-то случилось, а?

— Случилось! Ты уходишь отсюда!

— Ухожу? Как это, ухожу? Куда? И откуда это... отсюда... с тобой всё хорошо, дорогая?

— Нет! Со мной вообще всё нехорошо! Встань. Просто встань СЕЙЧАС ЖЕ! — завопила на весь дом Гертруда. И Освальд вскочил с кровати, словно пчёлами ужаленный.

— Да что с тобой?!

— Ты мне надоел, и я хочу, чтобы ты убрался из моего дома к чёртовой матери! Что тут непонятно?!

— Дура! Что ты несёшь вообще?! И это наш дом, с чего я должен уходить отсюда, тем более посреди ночи?!

— Этот дом мне оставили родители, не нужно врать! Он мой, и я не хочу больше тебя видеть... — словно что-то вытащили из Гертруды в этот момент, весь её запал куда-то пропал, и она заговорила шёпотом, еле слышно, а в глазах её появились слёзы. — Я просто хочу, чтобы ты ушёл... разве я многого прошу? Ты же понимаешь, что мы уже долгое время... не муж и жена, мы просто два посторонних человека, что живут в одном доме... я... я... я больше не хочу так. Просто убирайся отсюда, оставь меня одну и всё!

— Но куда же я пойду посреди ночи? И где я буду жить... ты обо мне-то хотя бы подумала?! Или ты просто хотела избавиться от меня как можно скорее, чтобы тебе жилось хорошо?!

— Да. — Гертруда тоже встала с кровати, вытерла слёзы уголком ночной рубахи, и заговорила уже спокойнее и куда более властно, в противовес её мужу, что сейчас стоял, сгорбившись на полу, весь красный, со свисающими складками жира, он больше напоминал свинью, чем человека.

— Я не хочу больше тебя видеть в своём доме, — говорит Гертруда, — я хочу чтобы ты убрался отсюда. Хочу, чтобы ты больше никогда не попадался мне на глаза. Вся наша совместная жизнь была ошибкой, ты пользовался мной, моим домом, моей заботой о тебе, а взамен ни давал мне ничего! Ни капли любви и уважения! И сейчас ты соберёшь свои манатки и свалишь отсюда к чёртовой матери! Мне совершенно плевать куда ты пойдёшь и как будешь жить дальше, я просто хочу, чтобы ты ушёл и больше никогда сюда не вернулся. Мне насрать на твою жизнь! В конце то концов, ты как-то жил без меня до этого и как-нибудь проживёшь теперь!

Освальд ещё что-то говорил. Как-то оправдывался, что-то кричал, о чём-то стонал.

Пытался возмущаться. Но Гертруда не слушала его. Она больше ничего не сказала, лишь тычками и толчками она вышвырнула его прочь из своего дома. Захлопнула перед его раскрасневшейся рожей дверь. Тяжело вздохнула и собрался уже возвращаться назад в свою комнату, но стоило ей повернуться... как она поймала на себе три очень любопытных взгляда.

Они стояли в тёмном коридоре, сонные и растрёпанные, а в глазах их царила такая сила удивления, и совершенное непонимание ситуации, что Гертруда, глядя на них, не выдержала и звонко рассмеялась.

***

Обычный кабаk в обычном провинциальном городе. В этом заведении имеется небольшая, но со вкусом обставленная комната для богатых и влиятельных персон. Эту самую комнату, уже который месяц занимает юный барон, владетель этих самых провинциальных земель, Лионель де ЛаКилл.

Ещё совсем недавно жизнь для него была легка и весела, богатые одежды из шёлка, вкуснейшая еда и выпивка, кучу друзей, и невероятное количество женщин, разных рас, фигур, достатков и умений в постели. И жизнь его была воистину прекрасна. Пока не умер отец.

После смерти противного старикашки весь мир изменился как-то разом. Перестала иметь значение выпивка. Женщины уже так не влекут. А от друзей только и слышно, что слова поддержки, от которых становится невероятно тоскливо.

Какая-то тварь убила старика, прежнего барона, отца Леонеля. И жизнь его больше не представляет из себя что-то конкретное и осознанное, вся жизнь его вдруг стала похожа на туман, за которым скрываются неясные тени и образы.

Лионель хочет отомстить. Целыми днями он только и думает о том, как отправится в эти деревни, где на отца напали, и сожжёт там всё дотла! Он будет пытаться этих мерзких тварей! Он заставит солдат насиловать крестьян! Он передушит их детей... он похоронит этих поганых тварей под толщей пепла и земли... и больше никогда не вспомнит о них. Продолжит жить как раньше, радуясь жизни, ведь только невыполненная месть не даёт ему жить спокойно...

Но это будет не сегодня. Может завтра. А может чуть позже. Нужно ещё подумать. Собраться с силами... а может выпить ещё парочку бутылок.

Кайл

Я устал. Усталость забралась мне под кожу. Пропитала мышцы. Въелась в кости. И осталась там, тяжким весом давя на моё брненное жалкое тело. Она согнула меня и сломила. Я полностью в её власти и у меня нет сил сопротивляться. Пока что.

Однажды. В одну ужасную паршивую ночь... вру. Ночь была обычной. Тихой. Спокойной. Йохан спал рядом тихо посапывая, как котёнок. Весь такой милый и очаровательный, мне ужасно хотелось его погладить. Но настроение было не то. Что-то сломалось в моей душе и острым осколком царапало всё изнутри. И в ту обычную ночь я вдруг захотел умереть. Не от грусти, печали, злобы... а от усталости. Тогда она победила меня впервые. Всё из-за того, что случилось тем днём.

А случилось то, что меня подкараулили на улице. В тот момент, когда я шёл за водой к колодцу, в мою спину прилетел камень. Ударил меня под лопаткой. Ужасно больно и тупо. Я развернулся быстро и яростно, собираясь уничтожить. А увидел лишь убегающие спины. И смешки, глумливые детские смешки. Я и сам был почти ребёнком, ещё не взрослый, но уже не малыш... наверное именно поэтому, я с трудом, но подавил злобу в душе. И пошёл дальше, но я чувствовал их присутствие. Чувствовал, что они рядом. Чувствовал их веселье и азарт. И это меня бесило неимоверно. Но я сдержался. Пошёл дальше к колодцу. Повесил ведро на крюк и даже успел спустить его вниз, подчерпнуть воды и уже начал вытягивать, когда в мою спину прилетели новые камни. На этот раз их было больше, видимо те, кто сомневался, а в первый раз, сейчас сделали свой выбор. И я получил новую порцию боли и унижения. Но к их беде на этот раз я сдерживаться не стал.

Бросил ручку, ведро шлёпнулось вниз, а я развернулся и полетел в сторону поганых мальчишек. Я знаю, кто из них зачинщик, я знаю, кто бросил первый камень, ведь чувствую его злобу и триумф. Он крепкий мальчишка для своих двенадцати лет, он красивый, с русыми волосами и широкими плечами, которые уже сейчас кажутся крепкими, а в будущем станут и вовсе богатырскими. Этого парня зовут Мальт. Он сын местного кузнеца. И я только что расквасил ему нос.

Мне было пятнадцать лет, я был в ярости, и этот быстрый косой удар принёс мне какое-то болезненное удовольствие. Но уже через пару мгновений, когда послышался болезненный хруст и хлоп, а Мальт разревелся и убежал домой, я пожалел о содеянном. Зря я тогда ударил его. Но окажись в такой ситуации снова, наверняка повторил бы этот удар ещё раз, потому что человеческие эмоции не поддаются дрессировке логики. А я тогда был в ярости! Я пожалел об ударе лишь краткий миг, а затем обвёл взглядом пустую улицу, остальные мальчишки быстро сбежали, увидев, как обошлись с их вожаком. На улице нет больше ни души, я никого не ощущаю. Небо затянуло тучами. Гремит. Кажется, грядёт что-то нехорошее, и я сейчас не о погоде.

Ведро удалось достать, каким-то чудом оно не слетело с крюка при падении. По идее я должен был радоваться, всё же вёдер у нас в хозяйстве лишь два осталось, а штука это очень важная. Но я не радовался. Молча набрал воды. Молча пришёл домой. Йохана не было, он с утра ушёл охоту и вернуться должен только к вечеру. Его Дар помогает ему охотиться. Йохан поднимает мёртвых животных, и они показывают брату дорогу к своим "ещё пока живым" сородичам. Хорошо, что местные пока не догадались о Даре Йохана.

Они и позже не догадались, пока Йохан не применил его против бандитов. Местные, наверное, бы, никогда так и не догадались бы, что брат умеет воскрешать мертвецов. Хотя любой подозрительный человек мог бы заметить его странную удачу в охоте, ведь брат никогда не возвращался без добычи... но никто не заметил. Ведь не было причин его подозревать в чём-то. Скорее напротив, ему доверяли, без оглядки, девушки влюблялись в него, парни хотели побрататься. Его все любили, ведь он такой красивый, добрый и общительный. Ему впору быть благородным. «И очень жаль, что у него такой паскудный брат!» — так думали они, ведь я читаю их эмоции, и от этого мне становилось невероятно горько первое время, а позже я привык и мне стало вдруг совершенно насрать.

Пока в меня не стали кидать камни. Этого я уже не стерпел. И из-за моего кровавого проступка, через пару часов в мой дом ворвались "незваные гости".

Как же я ненавижу людей — подумал я, когда в единственную крошечную комнатку моего дома ворвался Герел, старший брат Мальта, огромный, покрытый бугрящимися мышцами, сын деревенского кузнеца. Простой парень, умелый кузнец, хороший товарищ для своих друзей. О нём хорошая слава ходит в деревне. Но...

— Ты ударил моего брата, ублюдок! — сказал он, а его кореша залепетали за его спиной:

— Изувечь придурка!

— Отомсти за брата, Герел!

— Если что, мы подсобим...

А я смотрю на всё это. В руке сжимаю деревянную ложку, минуту назад я хлебал похлёбку, а тут такие перемены. Читаю их, и ничего неожиданного не вижу. Герел хочет сломать мне нос, как я его младшему брату, а затем переломать пару костей, просто ради удовольствия. Его же кореша хотят разгромить всё внутри моего дома, просто ради веселья, а в конце всё поджечь. Обычно я не умею читать мыслей, но когда эмоции столь сильные, что захватывают человека с головой, то вместе с ними я чувствую и отголоски желаний... и желания этих парней мне совершенно не нравятся.

Об этом я подумал пока они подходили к моему дому, пока Герел кричал мне угрозы, я подумал об этом за пару десятков секунд и когда Герел решил осуществить свои угрозы и шагнул ко мне, я уже был готов. Я даже желал этого. В своё оправдание хочу сказать, что они пришли в мой дом совсем не с дружественными намерениями. Как говорится — напросились сами.

Я выпустил волну. Сдерживал силы уже несколько месяцев, поэтому немного не рассчитал... выпустил отнюдь не всё, но большую часть собрал в пучок и отпустил в сторону Герела и злобных парней.

Реакция превзошла все ожидания.

У меня комнатка совсем маленькая, поэтому любой запах в её недрах распространяется за секунду. А то был не просто запах, то была ужасающая вонь дерьма и мочи. Парни опустошили свои желудки за секунду, причём сделали это одновременно с бегством из моего дома, бросились вон, одновременно сбивая друг друга, немного застряв в узком дверном проходе, они покинули моё бедное жилище, оставив после себя невероятную вонючку...

Пришлось оставить входную дверь и окно открытыми, я в душе очень порадовался, что у парней ничего из штанины не выпало, однако аппетит мой полностью испорчен, и пришлось отложить мою скромную трапезу на потом.

Я улёгся на свой соломенный, пыльный, матрас и задумался о последствиях.

Я всё думаю, и никак не могу понять. Почему я так устал? Виноват в этом мой дар, который я копил каждый день, капля за каплей, эмоция за эмоцией и сейчас вдруг высвободил его. Или виноват во всём я сам. Во мне ли причина. Наверное, да. Ведь силы ещё остались, а желание использовать их вновь — нет.

Я ведаю страхом. Только этой эмоцией, которая может напугать человека до... испражнений. Я ведаю только ей одной, но даже этого оказалось достаточно, чтобы разогнать толпу придурков. Неплохо. Но совершенно не ясно... почему же я тогда так устал.

А вечером в тот день вернулся Йохан, вернулся из леса с добычей и всё было хорошо, мы ужинали, ложились спать. Йохан быстро заснул после охоты, а я... уснуть не мог, ведь усталость тогда впервые поглотила меня. Я устал от этого однообразия. От брата устал. Устал от людей, с которыми живу в одной деревне. Всё надоело мне, всё раздражает меня! И даже я сам... устал от себя.

Мне тогда впервые захотелось уйти, захотелось взять нож и покончить со всем этим раз и навсегда. Но я сдержался. Непонятно почему, толи из-за брата, толи струсил... Но я сдержался и сейчас сам себя за это ненавижу.

Так. Оставить нытьё! Хватит ныть!!! Я же грёбанный мужик... ладно, парень. Пока ещё не мужик. Но это сути дела не меняет. Хватит. Ныть. Кайл.

Давай мы сейчас с тобой твёрдо решим, что будем делать. В этой крошечной тьме. В этой ночной тишине. Я наконец-то решусь на что-то. Итак, я хочу сдохнуть, но Йохан ещё слишком мал, слишком слаб, чтобы оставлять его одного. Нужно о нём позаботиться. Нельзя бросать его одного прямо сейчас. Нужно оставить его на кого-то, кто поддержит в трудную минуту и прокроет спину от твари и швали, что непременно появятся в его жизни ни раз.

Значит не сейчас. Значит позже, когда появится такой человек рядом с моим красивым братишкой. А то что он появится, так это непременно... ведь он такой славный...

Кайл улёгся поудобней на своём пыльном матрасе, закрыл тяжёлые веки и липкий, безразличный к любым тревогам, сон. Унёс его куда-то в непонятно, далёкое, и сладкое болото... только вот, перед тем как заснуть, одна мысль вспомнилась Кайлу, один вопрос всплыл в голове. Как же тогда поступили взрослые, когда он разбил нос тому паршивцу, и заставил старших детей обоссаться... неужели взрослые просто пропустили это сквозь пальцев... но тут, Кайл заснул.

2

Глаза слипаются. Я пытаюсь открыть их и у меня с трудом получается. В глазах муть и песок, я пытаюсь проморгаться. Удаётся не сразу. Я приподнимаюсь на локтях, осматриваюсь вокруг. Света в комнате почти нет, но тот что есть — тёмно-синий, значит скоро светает. Йохан ещё спит. Мне же спать нельзя, у меня есть дела. Нужно собрать свою волю в свои жалкие кулаки и попробовать встать... глаза слипаются... Неет! Встать!

И Кайл, маг души, управляющий страхом, согбенно, держась за поясницу, как древний старик, с кряхтением и сопением поднялся с матраса и тихонечко, чтобы не разбудить брата, зашаркал к ближайшему крошечному окошку.

А там рассвет тихонько подбирается, но тучи, что нависли над небом кажутся непреодолимой преградой для солнечного света... скоро будет гроза. Кайл любил грозу, обожал дождь и холодный ветер, поэтому завидев это пасмурное небо, он погано улыбнулся и вышел на улицу. Там, закутавшись в плащ, он побрёл в сторону деревни, где у каждого дома останавливался на какое-то время, вслушивался в людей, что там мирно спали. Это

небольшая предосторожность, небольшой пункт безопасности, который необходимо выполнить, чтобы точно быть уверенным — местные не последуют следом, не узнают в какое направление они направляются, и не смогут их сдать власть имущим.

Когда дело было сделано, и ничего не выявило опасность, Кайл вернулся в дом Гертруды, растолкал брата и сказал:

— Вставай, Йохан, впереди у нас долгий путь.

— Да, брат. Хорошо. Ваааа... а сколько сейчас времени? Так темно. Рассвет был или ещё нет? — Йохан поднялся с матраса, обнажённый, с гладкой кожей, упругими мышцами. Высокий. Красивый. Слегка заспанный. Он мог бы соблазнить любую девушку, а показав душу, влюбил бы в себя всех окружающих. Но он мой брат и невольно берёт пример с меня, отгораживаясь от мира, закрываясь ото всех, убегая в лес, убивая всех тех, кто приходит за нашими головами, мой маленький братишка Йохан, становится всё более и более нелюдим. Надо что-то с этим делать, я не хочу, чтобы он походил на меня.

А может я просто предвзят и мой брат на самом деле совершенно другой.

— Так был рассвет или нет, братишь, ты чего завис? — повторил свой вопрос Йохан, но на этот раз гораздо беспокойней, видимо тишина и взгляд в пустоту ему не очень понравился.

— Рассвет скоро будет, как и гроза... по идее лучше переждать дождь, но мне не терпится отправиться, Йохан, да и непонятное беспокойство появилось в сердце, за нами в любой момент могут прийти снова, я не хочу больше медлить.

— Я тебя понимаю, брат, но передвигаться в дождь... это не очень хорошая идея. К тому же мы пойдём не одни, а с Миртом.

— Ой, да брось! Если верить этому парню, то он и не в таких передрыгах побывал и не в такую погоду по лесам ходил, если ему верить, то и опыта у него гораздо больше нашего!

— Хорошо, брат... поступай как знаешь, но если что...

— Да-да, ты предупреждал!

— Вот именно.

Йохан и Кайл перешли на кухню, где застали бодрствующую Гертруду. Женщина сидела за столом, сама мрачность и неотвратимость, она посмотрела на них своим стальным взором сразу, как они вошли на кухню. В руке у неё была кружка с мутной жидкостью, пахло алкоголем. У Гертруды, несмотря на жёсткий взгляд, был уставший вид и тёмные и мрачные круги под глазами, настолько тёмные, что их было заметно в предрассветном сумраке.

— Доброе утро, мальчики! — бросила Гертруда в их сторону, и они мгновенно отозвались, почти одновременно:

— Доброе!

Гертруда улыбнулась.

— Хе-хе... в такие моменты вы и правда похожи на близнецов. Правда такие моменты редкость. А я напилась, представляете! — и зачем было сказано это заявление? Одному богу известно... — так подумал Кайл, однако вслух сказал другое:

— Вы совсем не спали.

— Не могла уснуть. — ответила Гертруда тяжело и встала. — Но сейчас кажется самое время прилечь. А вы, мальчики, собирайтесь... завтракайте чем найдёте, и... удачи вам в пути, она вам точно потребуется. Товарища своего не забудьте, он ещё наверняка спит, всё же мальчик явно к мягкой кровати не привык, столько времени провёл в лесу... по нему это видно, читается по загару, походке, нервному взгляду. Ладно. — Гертруда вышла из кухни.

Ага, как же.

— ...но я буду управлять мертвецами, уйду немного вперёд и буду контролировать окрестности.

— Зачем, если твой брат и так это делает?

— Для подстраховки, через такую защиту никто до нас незамеченным не проберётся, к тому же это не просто предупреждение от мертвецов, сами мертвецы могут разорвать почти лобового врага на куски, понимаешь? Да и... если честно я здорово слаб сейчас, ведь контролирую почти сотню мертвецов.

— Сотню, да ты видимо шутишь?!

— Нет, честно, у меня сейчас под контролем не только человеческие мертвецы, но и мёртвые звери, несколько лис, пару волков, один дряхлый медведь, и около пяти зайцев, и всё это для того чтобы контролировать округу, понимаешь?

— Ладно. Хорошо. Допустим всё так и есть. Но тогда почему бы тебе не повесить вещички на одного из мертвецов и тогда мне не придётся их нести!

— Хватит ныть, пацан! — вмешался в разговор злобный Кайл. — Вы уже конкретно меня задолбали. Особенно ты, Мирт! Как можно не допереть, что мертвецы отнюдь не первой свежести, что эта магия сильна в плане разложения, и тогда еда и другой провиант могут очень быстро сгнить... почему ты так редко думаешь, и так много говоришь?

И я заткнулся. Молчал почти два дня. Но при этом очень много думал о том, как мир не справедлив и какой же всё-таки засранец этот Кайл!

И вот, мои ноги обрели с десяток новых кровавых мозолей и плохо сгибаются в коленях, про спину я вообще молчу... боль адская, стоит лишь потянуться. Мы сидим с двумя говнюками в какой-то холодной и мрачной берлоге, у входа развели костёр, а на улице идёт дождь. Уже второй день. Мне кажется или эти парни притягивают этот дождь за собой? До того момента, как я с ними встретился, дождь за всё время пути шёл лишь раз пять, а путешествовали мы к слову несколько месяцев.

Но тут совершенно другая ситуация. Дождь заливает, как из ведра, просто сплошным потоком уже два дня.

Это одна из причин почему мы привыкли к нагоде друг друга.

И да, сейчас мы сидим в пещере абсолютно голые, пока наши портки сушатся у костра. Если сравнить размеры наших пипок, то на первом месте безоговорочно будет Йохан, со своим громадным членом... на втором буду я, со своим средним, вполне уверенным размером, а дальше, в самом конце, с мизерной, почти заметной пипкой идёт поганец Кайл!

Чёрт...

Кайл резко повернулся к Мирту. Его глаза, полные ярости, вторглись в душу парня, и тому мгновенно сделалось как-то совсем не по себе.

— Ты что-то нехорошее думал про меня, пацан? — спросил Кайл тихим, чрезвычайно спокойным голосом.

— Нееееет, что ты... я просто дурачусь... что мне уже и подумать нельзя про себя? Это тоже тебе на нервы действует?! — Мирт вдруг завёлся с пол оборота, ведь злость, копившаяся несколько дней, требовала выхода. — Обвиняешь меня в не хороших мыслях, просто с ума сойти с вами можно!

Йохан на реплику Мирта ничего не ответил, но на перепалку брата и Мирта смотрел с любопытством и даже ухмылкой.

— Не получится сойти с ума, если ума и так нет! — жёстко ответил Кайл, и Мирт

рассвирепел окончательно:

— И это мне говорит человек, которому не нравится, когда про него плохо думают! Думают, чёрт подери!!! Да ты грёбанный кретин!

— Сам такой! И я имею право в тебе сомневаться, ведь ты был вместе с тем громилой за одно! Может ты просто ждёшь подходящего момента, чтобы перерезать нам глотки пока мы спим?!

— Не, ну тут ты уже перегибаешь... — встрял в разговор Йохан, но тут же был прерван братом:

— Заткнись! Я имею право и повод ожидать от него проблем! И вообще, он думает обо мне какие-то гадости, может он замыслил убить меня, а ты сейчас его защищаешь!?

— Да какой, нахрен, убить?! Я просто думал о том, какая же у тебя маленькая пипка, а ты записал меня в предатели и убийцы?!

— Пипка... — Кайл задумчиво уставился на свой пах, затем поднял глаза на Мирта и резюмировал, — да не, просто я замёрз, холодно всё-таки.

Повисла неловкая тишина. И только Йохана кряхтел в стороне, пытаюсь сдержать в себе дикий хохот.

4

Когда мы дошли до первого поселения ничего не изменилось. Я всё так же умирал от тяжести сумок, а с неба всё так же лился проклятуший дождь. Мы устали. Промокли. Промёрзли. Но кажется стали чуть ближе.

Поселение представляло из себя несколько десятков каменных домов, расположенных главным образом по бокам тракта. Одна длинная улица и больше ничего, никаких ответвлений. И нет ничего удивительного, что на этой улице имелся трактир. Даже два. Несколько торговых лавок: оружейник, лекарь, бакалейщик. И просто дома местных жителей, которые зарабатывали, должно быть, тоже на проезжающих мимо людях.

При этом как именно они зарабатывают — не ясно. Возможно они грабят проезжающих мимо людей, возможно обслуживают каким-либо способом... возможно там живут родственники торговцев, но факт заключается в том, что это небольшое поселение, состоящее из двух десятков каменных домов спекулирует на проезжающих мимо путешественниках.

И есть среди этих домов одно, которое над другими возвышается, и не мудрено — ведь это башня. Примерно в три этажа, не очень большая, но весьма заметная издали. На верхушке башни находится смотровой пункт, там, под деревянным навесом от непогоды скрывается худая фигура незнакомца, этот человек внимательно рассматривал подъезжающую к поселению тройцу, и как только они подъехали достаточно близко, чтобы их можно было рассмотреть с башни, скрытый наблюдатель написал что-то на листке бумаги, свернул в трубочку, и отправил послание вместе с чёрным вороном, что сидел тут же в клетке, несмотря на непогоду, птица должна доставить послание в отделение гильдии авантюристов в ближайший город, доложить, что подозрительная тройца, без скаковых, и без охраны, количеством всего три человека путешествуют по землям юного барона, что как минимум странно... но наблюдатель постарался выкинуть эти мысли из головы, всё же не его ума то было дело, пусть лучше старшие по званию разбираются, а его дело малое — доложил и отдыхай!

Однако его коллеги по цеху. Прекрасные стражницы, нанятые ближайшими торговцами и раскрайтерованные тоже в этой башне, но этажом ниже, так же заметили приближение

подозрительных путников к месту ими охраняемым. Это возбудило в двух воительницах неподдельный интерес, и они накинули на головы длинные кожаные шляпы, защищающие от дождя, закутались в тёплые плащи и вышли в эту поганую погоду, встречать подозрительную троицу.

Кайл почувствовал на себе взгляды, но предупреждать товарищей не стал, ведь не зачем... совершенно очевидно, что за ними наблюдают, ведь они вошли в чужое поселение, а неизвестные всегда приковывают к себе внимание. Он уловил направление взгляда, смотрели на них с высокой башни, похоже, что под деревянным навесом на её крыше прячется человек, однако его намерения Кайл определить не смог, слишком велико расстояние, слишком устал он в пути...

Однако вскоре к троице приблизились две закутанные в плащи фигуры. Их головы закрывали огромные кожаные шляпы, а полы их спускались так низко, что лица не удавалось разглядеть. Эти двое подходили всё ближе и ближе, пока не остановились вдруг шагах в десяти, шляпы слегка приподнялись и Кайл смог разглядеть длинные ресницы, и красивые карие глаза у одной девушки, и синие у дроги. Но то была не холодная, промораживающая синева брата, то было мечтательное небо с мягкими облаками, манящее куда-то в прекрасное и далёкое... Кайл содрогнулся. Он отвлёкся от главного, нужно проверить их на эмоции... любопытство и готовность биться, ничего более.

— Кто вы такие, и что вам надо здесь? — заговорила голубоглазая, начав говорить первой она показала, что из них двоих главнее.

Йохан посмотрел на брата. Мирт молчал и рассматривал каменную башню, он видел такое высокое строение впервые, и оно производило на него какой-то потрясающий эффект монументальности. Говорить пришлось Кайлу, что было ошибкой, ведь говорить он не любил и ни очень-то умел:

— Мы путешественники. Идём из деревень, что на востоке.

— Зачем? — спросила стражница.

— Уж точно не убивать и не грабить, — мрачно ответил Кайл.

Стражница нахмурилась.

— Конкретнее.

— Что конкретнее? Конкретнее описать, чего мы делать не будем? Хорошо. Мы не будем врываться в дома местных жителей по ночам, мутузить их ногами, насиловать женщин, перерезать всем глотки и забирать с собой всё золото...

— Брат, что ты несёшь?! — испугался Йохан за брата, он как-то совершенно не учёл, что рассудительный и спокойный брат, после долгого и изнурительного пути окажется в отвратном настроении.

А стражницы приготовились к бою. Плащи были откинута в грязь. В их тонких нежных руках были до белого зажаты загнутые назад ножи. Под плащами оказались кожаные латы, и ремни с креплениями для ножей. Только почему-то у голубоглазой ремни эти были ярко-розового цвета. Кайл однажды видел цветок похожего оттенка, такой необычный мягкий цвет редко встречается в суровой природе. Это отрезвило юношу, он вдруг подумал, что начинает перепалку просто из ничего, и поспешил исправиться способом для него не привычным, но другого он не знал:

— Прости... я устал от долгого пути и не хочу сейчас никаких допросов понимаешь? Мы обычные путники, идём из своей деревни в поисках лучшей жизни.

— Ясно. — голубоглазая всмотрелась в Кайла долгим, прекрасным взглядом, затем

проговорила:

— Ладно, дальше по улице есть трактирчик, называется: "облезлая кляча", идите именно туда, потому что там дешевле, чем в "золотоглавом драконе", — как только закончила говорить, она повернулась подобрать свой плащ, что был теперь полностью сырым и грязным.

Другая стражница удивилась такой реакции коллеги и прошептала злобно:

— В чём дело, Триша?! Мы вот так вот просто их отпустим?!

— Да, Мари, пусть идут... они не кажутся опасными.

Кареглазая посмотрела удаляющейся тройки в спины, тяжело вздохнула и тоже отправилась поднимать грязный плащ с дороги.

Думала Мари при этом, что зря этот плащ вообще сюда бросила, однако по-другому было нельзя, в бою каждая секунда стоит жизни, и медлить было просто глупо. А ещё Мари подумала о странности, которая только что произошла с её подругой. Обычно всегда очень внимательная Триша допросила бы парня раз десять прежде, чем вот так вот спокойно впустить его в поселение, да ещё и трактир подсказала... а что если Триша в этого парня...

Мари отвлеклась от своих мыслей и побежала за подругой, что уже почти дошла до башни стражи.

— Трииишаа! Ну ёмаё, чего подождать не могла что ли?!!

ОБРАТНАЯ СТОРОНА!

1

ЛИОНЕЛЬ

Лионель Де ЛаКилл, его сиятельство собственной персоной, валялся в луже блювотины. Причём наблёванной им же. Этот кислый, тошнотворный запах желчи был противен Лионелю до глубины души, и он честно пытался подняться и откатиться подальше от этой дряни, но силы как-то совершенно несвоевременно покинули его сиятельство.

"Как же тяжело выражать эмоции, — думал молодой барон. — Приходится напрягаться изнутри и изрыгать что-то из души, это так мерзко и похоже на отрыжку, только отрыжку эмоциональную. Такую разноцветную. А ведь меня с детства учили гасить эмоции, так чтобы насовсем, так чтобы они оставались где-то совсем глубоко в душе, чтобы ни одна живая тварь не смогла догадаться о том, что творится в моей душе. А оказалось, что всё иначе, что для любимых нужно показывать эмоции, а иначе они не видят моих чувств, не догадываются даже, что они есть. Как же это мерзко и подло!"

Мысли Лионеля не просто так завели его в столь непривычную плоскость размышления, как выражение чувств и эмоций. Всё дело в неудавшейся женитьбе на баронессе соседнего домена. Прекрасная девчушка предпочла замкнутому на себе Лионелю другому, более эмоциональному человеку, некому юному виконту, который выдавал комплименты со знанием и умением, стрела за стрелой всаживая любовь в чувственное сердце баронессы.

"Нищий ублюдок! — думал про этого виконта расстроенный Лионель, ведь на баронессу у него были огромные мечты. Он уже думал, как назвать шестерых детей, что у них родятся. А теперь сбыться этому не судьба, и всё из-за виконта, который умел общаться с девушками и прислушиваться к их трепетным, желающим одной лишь ласки, сердцам. Лионель же умел лишь просаживать казну на дешёвых и дорогих шлюх, вот здесь и прокололся, баронессе его деньги были ни к чему, она и так в них купается, возможно, что этих самых денег у баронессы в два раза больше чем у Лионеля, так что тут скорее он в них заинтересован, хотя расчёта на то не велось, Лионелю и правда понравилась баронесса. Красивая. Образованная. От неё словно исходил свет, может именно поэтому Лионель так и не решился с ней заговорить, пока богатый хлыщ плясал вокруг неё свой похабный танец... тьфу!

Вот и оказался Лионель лежащим головой в собственной блевотине, возможно так бы и умер, задохнувшись мутной жёлтой жижей, однако чьи-то заботливые руки подняли его на ноги, усадили на ближайший диван, который был потрясающе мягким, отделанный красной замшей... правда этот диван несколько утратил свой шик, приобретя на своих изящных подушечках грязные пятна от алкоголя, спермы, блювоты, еды и мочи.

Кто-то заботливый, предположительно тот же, кто поднял Лионеля с пола, стал протирать ему лицо платком, платок был смочен холодной водой, поэтому Лионель несколько взбодрился и смог наконец-то разлепить свои мутные очи, правда совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы разглядеть человека, склонившегося перед ним с кружевным платком в руке.

— Вивьен? — прохрипел Лионель. — Неужели это и правда ты, братец?

— Я, Лионель. До чего же ты себя довёл? Ты хотя бы представляешь, что сейчас в

имении творится?

Лицо Вивьена было как всегда очень печально и возвышенно. Он как никто другой напоминал аристократа. Прямые изящные черты лица, спокойные и рассудительные глаза, длинные чёрные пряди волос, что слегка завивались у плеч. Вивьен бесспорно был красив и фигурист, и свои достоинства он не скрывал, а подчёркивал. Нося элегантный синий жакет, приталенный специально по его фигуре. Длинную серебряную цепочку с кулоном на груди, и многочисленные серебряные перстни на пальцах. Сбоку у него висела шпага, простая на первый взгляд, но ножны обделаны дешёвой бижутерией, с эмуляцией под камни... Вивьен был красив, казался богатым и элегантным аристократом. Но весь его вид был правдой лишь отчасти, ведь Вивьен был лишь законным бастардом отца Лионеля, прежнего барона.

Старый барон нагулял Вивьена от одной красивой служанки, которая после родов сильно ослабла и вскоре умерла от лихорадки. Непостижимым для родни образом старый герцог принял Вивьена в семью, даровал титул баронета, но не дал никаких земель, и лишил его всех прав на наследство. Вивьен был содержанцем их семьи, и он ни в чём не нуждался, пока старый барон был жив. Каждый месяц ему выдавали деньги на карманные расходы, с детства обучили сражаться на шпаге, ездить на лошади, правильно одеваться и блюсти манеры.

Однажды Вивьен не выдержал и прямо спросил у отца:

— Зачем я тебе?

И ему был дан прямой ответ. Барон говорил прямо и резко, не задумываясь и не отвлекаясь по мелочам:

— Чтобы хранить мой род. Ты будешь драться за нас на дуэлях. Посещать банкеты и балы. Будешь показной зверушкой, которая если что может дать по зубам.

Вивьен тогда немного расстроился, но прочитав эмоции Барона, понял, что отец не хочет ему зла, скорее наоборот, негласные правила дворян не позволяли Барону взять в семью бастарда, он сделал всё что мог для Вивьена, пройдясь по острой грани. Но даже так, для молодого юноши получился весьма неплохой расклад. Ему платили каждый месяц хорошие деньги, не было необходимости искать себе прибежище, не нужно было голодать и сражаться за свою жизнь. Вивьен жил в тепле и уюте, лишь иногда выступая на дуэлях и посещая балы, он сколотил себе непробиваемую репутацию **"серебряного рыцаря дома ЛаКилл"**.

Во многом своему успеху Вивьен был обязан дару в магии душ. Дар появился у него в подростковом возрасте, и после этого Вивьен его всячески скрывал, но регулярно использовал... никто не мог победить его на дуэли, ведь на его противника моментально накатывала какая-то невероятная тоска, оружие само выпадало из рук, движения делались вялыми и неровными. Вивьен был искусным фехтовальщиком и без дара, но с даром и вовсе стал непобедим. А что касается дворянских балов, когда влиятельные персоны мира сего меряются богатством и землями, Вивьен мог читать их намерения, заранее зная откуда ждать беды, а откуда дружбы, или кто и вовсе был к его дому нейтрально настроен. А если появлялись сильные враги, то ведь всегда можно отравить им душу чёрной, невероятно тягостной грустью... странное дело, но многие влиятельные персоны, с которыми враждовал род ЛаКилл, вдруг решали покончить жизнь самоубийством.

Одним словом, Вивьен просто — красавчик! И работу он делал свою тщательно и с умением.

Однако всё изменилось после смерти старого барона. Жалованье Вивьену перестали

платить от слова совсем. В поместье ЛаКилл сейчас живут две дочери и один младший сын, старого барона. Они вдруг решили, что прекрасно проживут и без Вивьена, поэтому выкинули того из поместья, даже стражу для этого снарядили... Вивьену было жаль тех мужей, что за ним отправили, но нападение с целью покалечить, есть нападение с целью покалечить. Поэтому Вивьен, сразу после того, как прочитал внутреннее содержимое двух стражников, очень быстро и качественно отправил их на тот свет. Одному проткнул печень, другому пробил мозг через глаз.

Конечно, после такого исхода, нужно было подняться немного выше по иерархической лестнице домена ЛаКилл и прикончить оставшихся детей старого барона, но вот в чём дело... если убийство двух стражников никто и не заметит, всё же обычные холопы, их вокруг бегают уйма, хоть любого бери да в стражники нанимай, они ещё ноги тебе лизать будут, то вот с дворянами ситуация немного другая. Сократи Вивьен род ЛаКилл собственными руками, соседние дворяне бы отправили за его головой отряды дорогих и качественных наёмных убийц. Почему? А потому что страшно, когда один никчёмный бастард убивает весь свой род за день и становится бароном. Кто он такой вообще, чтобы иметь такие амбиции? Какой пример подаёт другим бастардам, которых в этом мире тьма тьмущая, ведь дворяне крайне любвеобильны бывают порой... поэтому от Вивьена очень быстро избавились бы, решился он сделать задуманное... поэтому пришлось придумывать альтернативу, и Вивьен направился искать нового барона, своего старшего брата, который уже несколько месяцев не просыхая бухал в одном из богатейших трактиров домена...

Вот и оказался он сейчас здесь, перед своим жалким господином, поддержка которого Вивьену необходима как воздух.

— И что не так с именем? — спросил Лионель, придя чуть в себя.

— Во-первых, скоро закончится казна, — начал Вивьен, и Лионель на эту реплику сразу сморщился, — и не удивляйтесь мой лорд, вы пьёте как не в себя, не в самом дешёвом заведении, причём уже не первый месяц.

— Да-да-да... что-нибудь ещё?

— Из первой проблемы вытекает вторая. Ваша родня хочет лишить вас титула.

— Чего?

— Именно так. Наш младший брат, Силиас, развлекается с сёстрами и не возникает ровно до того момента, пока деньги не закончатся, а они вот-вот иссякнут. Дальше Силиас захочет сместить вас, чтобы поправить дела, ведь его беззаботной жизни тогда придёт конец.

Лионель хитро улыбнулся, улыбкой старого шакала.

— Тоже самое и с тобой, Вивьен, ты же тоже содержишься из общей казны, а говоришь с такой ненавистью, словно лишь Силиас вместе с сёстрами висит на шее у баронства.

— Вы были бы правы, мой лорд, но...

— Да-да-да, я знаю, ты выполняешь для домена очень важную роль защитника, Вивьен. — Лионель встал, разминая ноги. — И это на самом деле так, отец однажды просветил меня и сейчас я просто издеваюсь над тобой, пусть это и не соответствует моему высокому титулу. — Лионель подошёл к своему сводному брату, положил тому руку на плечо и сказал:

— Прости меня... брат. Ты единственный из всей семьи кто пришёл сюда ко мне, и помог подняться из лужи собственной блювоты, к тому же... нам нужно объединиться, и решить одну проблему.

Вивьен не был дураком, и то что кроется за словами Лионеля он ощутил сразу. К тому же, будучи магом душ, он мог увидеть это желание в душе брата. Обычно дворян учат скрывать свои эмоции, и наследника домена обучают гораздо более тщательнее других, но защита Лионеля ослабла, может из-за пьянства, может просто расчувствовался, но тем не менее... Вивьен ощутил от Лионеля жажду убийства, и догадаться было не сложно, что он избавится от родни в любом случае, просто потому что она угрожает его титулу, его кормушке, к которой он успел привыкнуть.

2

ВИВЬЕН

Есть вопросы, которые задать необходимо. Но иногда совершенно не хочется их задавать. Вот и Вивьен смолчал, когда увидел, как его младший брат трахает старших сестёр. А зрелище было ещё то, какой-то дикий клубок, ритмично шевелится и издаёт похабные звуки. Вивьен наблюдал за этим пару долгих минут, окончательно принимая неизбежность происходящего на его глазах непотребства. И да, ему всё равно надо было задать этот вопрос, хотя бы просто для того, чтобы на него обратили внимание, ведь он стоял в проходе уже несколько минут, сжимал в руке ручку раскрытой настежь двери, и, казалось бы, на него должны были внимание обратить, однако никто не обратил. Им было наплевать. Они хотели трахаться. Они явно были пьяны, а возможно ещё и под какой-нибудь дрянью.

Время для вопроса пришло, и Вивьен вдруг захотел поскорее со всем закончить. Ему стало невероятно грустно:

— Неужели вы и правда трахаете друг друга? — так звучал этот совершенно глупый вопрос, который должен был прозвучать. Несмотря на всю его очевидность, он нёс в себе стыдливый посыл, полный отвращения перед этим мерзким зрелищем. И посыл нашёл своего адресата, он был услышан именно так, как должен. Ведь клубок на кровати распался. Сёстры отпрянули от разгорячённого тела Силиаса, отпрянули пристыженно, потеряв всю свою грацию и гордыню. Они никогда не любили Вивьена и смотрели на него свысока. Они высокородённые, они истинные дети своего отца, они **родные** дети своего отца... а Вивьен нет. Тем смешнее было смотреть на их стыд, как они краснеют всем телом, как они пытаются прикрыться шёлковыми покрывалами от взора сводного брата, да только тому совершенно плевать на их наготу. Вивьена никогда не возбуждали животные, а именно животными сейчас были его сёстры и брат.

— Как ты смеешь, плебей, врывать в дворянские покои?! — прорычал его младший брат и вскочил с кровати объятый светом. В руке его из ничего соткался белоснежный клинок. Голое тело покрыли сияющие латы. Младший брат Вивьена был адептом света, а ещё рыцарем королевства, которого обучали в столице. Он был прекрасен. Он был смазлив лицом, крепок телом, правда не очень высок ростом... но невероятно ловок и быстр. Сильный противник для кого угодно, но не для Вивьена Де Лакилла. Не для человека, который много лет подряд защищал честь семьи на дворянских баталиях, дуэлях, и иногда даже на поле боя. Вивьен не просто так назывался "**Защитник рода ЛаКилл**". Он был силён. Он был убийцей, которого его нынешний лорд отправил разобраться с зазнавшимися остатками своей семьи.

Его младший брат не успел напасть. Его сёстры не успели закричать. Дворянские покои замка ЛаКилл затопила бесконечная тоска...

На утро их нашла стража. Они лежали вместе на кровати, обнявшись, младший брат и две сестры. Рядом валялся ножичек для фруктов, а их вены на руках торчали наружу,

нешадно изрезанные. Простынь, пол, всё вокруг заливала тёмная густая кровь.

Прошлой ночью половина семейства ЛаКилл покончила с собой. И никто никогда не узнает, в чём была причина такого поступка.

3

ГРИШАР

Гришар из Этиля, глава провинциального отдела гильдии авантюристов находился непосредственно на своём рабочем месте, когда ему доложили о некой девушке целительнице по имени Кику, которая предъявила внизу железный жетон столичной гильдии авантюристов. Гришар попросил пригласит её к себе.

Гришар был стар, но по-прежнему силён. Гришар умел читать чужие чувства, и он чувствовал радость, усталость, и волнение, что идёт от девушки, которая поднимается сейчас по лестнице, направляясь в его кабинет. А ещё Гришар ощущал невероятную жажду мести, которая так же шла от этой барышни, и от этого сильного, невероятно опасного для души, её хранящей, ненависти, Гришару стало смешно.

В его кабинете, на пустой стене висела на двух железных скобах одноручная булава, шарик булавки покрывала запёкшаяся кровь, в то время как рукоятка была идеально чиста. Любимый инструмент Гришара, по имени **Марта**, может скоро пригодиться ему вновь. Он чувствовал это. Он это просто знал. И едва сдерживал смех и возбуждение, что рвались наружу. Гришар улыбнулся, и в этот момент вошла Кику.

Девушка выглядела очень уставшей. Стоило ей только войти, она заговорила:

— Я из столичной гильдии, несколько месяцев назад меня с отрядом отправили разобраться в убийстве старого барона этого домена... — она чуть отдышалась, приводя голос в порядок, ведь тот вдруг начал дрожать, а Гришар ощутил в ней грусть. — Лидер отряда пал... его превратили в ожившего мертвеца, а второй... маг по имени Мирт оказался предателем. Я пришла сюда, чтобы найти здесь людей, готовых отомстить за своего барона... и вместе с ними разобраться с убийцами и... предателем.

Повисла тишина. Гришар складывал её слова в картину, улавливал её чувства, вплетая в общий образ происходящего, и получалось, что она не врёт. Что говорит правду. Однако кое-что не сходится.

— Почему они отпустили тебя?

Кику растерялась, он это почувствовал.

— Какое это имеет отношение?!

А Гришар уже всё понял, он ощутил эмоции, ощутил, что её отношение к тому самому предателю. Она ненавидела его, и одновременно с тем считала чуть ли не младшим братиком, её сердце болит и разрывается на части, а Гришар, будучи адептом магии душ, ощущал все её эмоции так же полно, как и сама Кику.

Тишина затянулась. Гришар решил её пожалеть.

— Хорошо, девочка. Я не буду больше тебя ни о чём спрашивать. Можешь остаться в здании гильдии, тут найдётся для тебя свободная комната и ты сможешь отдохнуть.

Когда Кику вывели из его кабинета, и он смог остаться один, Гришар быстро составил письмо:

Ваше Сиятельство, я считаю, что медлить больше нельзя. Мне поступили сведения о нахождении убийц вашего отца. Я начинаю подготовку отряда сегодня же, и если вы хотите присоединиться к охоте, то любезно прошу вас поторопиться.

С уважением, глава отделения авантюристов местного домена, Гришар из Этиля.

Р. С. — в город прибыла девушка-авантюрист, она состояла в столичном отряде, отправленном для выяснения произошедшего с вашим отцом. Отряд пал, но у неё есть сведения о возможностях и способностях убийц.

После того, как мальчик посыльный утащил письмо, Гришар отпустил возбуждение на волю, и нервно рассмеялся. Его походка изменилась. В ногах появилось возбуждение, он не смог сдержаться и подошёл к Марте... нежно снял её со стены и взял в руки, ощущая азарт предстоящей охоты.

СВЕТЛАЯ СТОРОНА!

4

ОНА

Она лежала в кровати, в одном богатом трактире, растрачивая деньги, которые всё равно не успеет потратить. Она умирала. Умирала от банальной простуды, не в силах вылечить её травами, эликсирами, и прочими лекарствами, что могли бы помочь будь она хотя бы лет на десять моложе. Но она беспощадно стара, ресурсы её организма давно иссякли, и то что сейчас она умирает от грёбанной простуды говорило лишь о том, что никакого иммунитета в её организме не осталось. Это грустно и одновременно смешно, ведь совсем недавно она бросила мальчишку среди леса, потому что испугалась, что зверь внутри него может выйти наружу и сожрать её в ночи, а оказалось, что никакого зверя для этого не нужно и дни её уже были сочтены. Единственное о чём она жалела в последний момент — что бросила Мирта. Она была тогда не права, и жалость в её сердце заполнила всё, затопила, залила, и была куда хуже, смешиваясь с болью от кашля, с хрипением в лёгких, с невероятной усталостью, засевшей в голове. Хуже стыда и жалости нет ничего, когда уходишь из этого мира в никуда.

Собрав последние силы в руках, она призвала своих верных защитников, два огромных огненных лиса осветили комнату. Обычно они были не очень большими, но магия, усиленная смертью создающего её мага всегда могущественнее обычной, ведь маг невольно вкладывает в последнее заклинание часть своей души. Вот и она вложила. Она позвала их для того, чтобы отдать последний приказ, он был похож на просьбу, её последние слова:

— Защитите его.

Она умерла. А два огненных огромных лиса отправились на поиски Мирта, дабы исполнить последнюю волю своей хозяйки. Хорошо, что им не нужно было далеко бежать, ведь объект их защиты был совсем рядом, он спал в другом трактире, на этой же улице.

***

МИРТ

Мирт спал, когда его руку обожгло. Боль была такая, что он скатился с кровати на пол и какое-то время стонал, лёжа на холодных и пыльных досках, он пытался понять, что происходит, ещё не отойдя ото сна. Боль закончилась, но её фантомные остатки пугали Мирта, и он лежал, пока окончательно не проснулся, пока окончательно не осознал, что всё прошло. В потёмках он нащупал свечу, выдал несколько искр кресалом и поднёс огонёк к запястью левой руки. Там появился тёмный рисунок, две лисы гонялись друг за другом, тёмные, они оплелись вокруг запястья Мирта. Он потрогал потемневшую кожу, но ничего не почувствовал, кожа как кожа, только холодная немного.

Мирт сидел в полутёмной комнате, в руках держал свечку, совершенно потерянный, он не мог решиться лечь обратно спать и не мог понять, что произошло. Однако, в голову ему пришла мысль о магии, это точно не могло случиться просто так, Мирт подумал о том, что

возможно это его дар создателя вырывается наружу, ведь он не создавал артефактов уже долгое время, достаточно долгое, чтобы силы в нём скопилось очень много и она стала выливаться через край...

Найдя возможное объяснение, Мирт успокоился, но лечь обратно спать он не решился. Ему захотелось создать что-то, руки его засияли едва-едва синим цветом, он задумался о материале для создания артефакта. Оглядел комнату, но не нашёл ничего интересного, тогда он нагнулся к походным сумкам, со снаряжением ещё старого отряда авантюристов, в котором он состоял вместе с Кику и Биллом. Он покопался там, и нашёл старый нож Билла короткий кинжал, гладкий, прямой... он понравился Мирту, ведь из него может получиться хороший артефакт для Кайла, тот ходит почти безоружный, вооружённый одним лишь своим даром, возможно ему пригодится хороший нож в бою, тем-более нож будет необычный...

Комнату залил синий свет дара, затмив и погасив дрожащий огонёк свечи.

Когда Мирт закончил, дар его почти иссяк, а оставшиеся капли отказывались вливаться в кинжал. Метал почернел, лезвие удлинилось и изогнулось, это оружие очень точно отражало душу его будущего хозяина, оно подходило только Кайлу и больше никому. Мирт пораился полученному артефакту, это был второй магический предмет, который он создал...

Мирт устал и успокоился окончательно, он повалился на кровать и вскоре заснул, при этом улыбаясь от мысли как будет вручать злобному Кайлу подарок.

5

КАЙЛ

— Понимаешь, ты слишком замкнут на себе. Тебе не нужен никто, не нужна моя любовь, ты её берёшь и подтираешься, словно это что-то должное, но ничего не даёшь мне взамен! Мне надоело, что я люблю в одиночку, ты понимаешь это?! — Кайл честно пытался понять Тришу, но её свисающие груди перед его лицом сильно мешали разобраться в каком-либо понимании.

Она повалила его на кровать, и нависла над ним, её соски тихонько тряслись, подрагивая. Щёки покраснели от выпитого спиртного. Он ощущал нестерпимый жар, идущий от неё. Эта странная барышня оставила на себе лишь розовые ремни с кинжалами, Триша называет их портупьями, она аргументировала это тем, что настоящая стражница даже в постели остаётся стражницей и не должна снимать с себя боевого оружия. Однако это не помешало её снять с себя всё остальное... её объёмная грудь так манила его, что он не смог удержаться и попытался ухватиться за неё рукой, однако Триша не позволила, больно шлёпнула его по ладони, стоило только руке подняться.

Она выпрямилась. Села на него, больно сдавив его причинное место, не позволяя войти.

Выпитый алкоголь неприятно ударил и по нему, он не мог пользоваться своим даром, и не понимал, что она сейчас говорит серьёзно, что вино развязало ей язык, что это вовсе не игра, а попытка выяснить отношения между ними.

— Ты ни хрена не понимаешь! — наконец сказала она сердито, устав от его молчания и похабного, но тупого взгляда. А он и вправду не понимал, сосредоточившись на её груди и на этом странном розовом ремешке.

— А мне надоело играть в игры... я уже не так молода, чтобы в них играть... мне не нужны односторонние отношения, мне нужна семья... хотя тебе этого не понять! Ты мрачный одиночка! И почему я вообще выбираю всегда именно таких мужчин...

Она встала, к его вящему недовольству, с кровати. Триша сгребла свою одежду с пола и

вышла из его комнаты, голая, прекрасная... оставив его одного, разгорячённого, пьяного, ничего не понимающего.

***

Кайл вскоре уснул, а на утро сильно поразился изменившемуся к нему отношению Триши. Она игнорировала его, отказывалась говорить, она хотела, как можно скорее отделаться от его компании, а в её душе Кайл отыскал лишь обиду. И тем страннее оказалась ситуация, ведь кажется, что эта девушка ему понравилась. Отношения с Тришей были первыми в его жизни, и он откровенно не знал, что с ними делать. И он задержался в этом странном поселении на несколько недель, только из-за неё, напрочь забывая про риски. И сейчас он вновь задумался лишь о ней.

Всё изменилось, когда его нашёл Йохан, который тоже развлекался со стражницей, с подругой Триши по имени Мари. Его брат был взволнован, лицо его было грубым и мрачным, и то что он сказал мгновенно отрезвило Кайла:

— Мы окружены. Моих мертвецов уже почти перебили.

1

МИРТ

Когда я вручал Кайлу нож, он был серьёзен, впервые за несколько недель. Он принял мой подарок, слегка улыбнулся и сказал:

— Спасибо, Мирт. Твой нож придёт как никогда кстати. Скоро будет большая драка, и тебе тоже придётся в ней поучаствовать.

— О чём ты? И что такое с Йоханом?

Йохан тоже был здесь, в комнате Кайла, он сидел на стуле, а взгляд его был направлен куда-то вне этих стен, смотрелся он жутко.

Кайл крутил в руках мой подарочный кинжал, и не спешил отвечать на мои вопросы, он снова забыл о моём существовании здесь, задумавшись о чём-то своём.

— Кайл! Что происходит?! — я повысил голос в тщетной надежде докричаться до него. И мне повезло. Он вздрогнул и вновь обратил внимание на меня, только взгляд его был растерянный и видел отчётливо как в этих глазах бегают мысли.

— Да... я... о чём я говорил? А! Точно. Нас окружили, и ты... иди обратно в свою комнату, возьми свой посох, сумки брось, возьми только деньги и возвращайся сюда... мы немного заняты, не отвлекай нас. — сказал он и снова уставился в пустоту, как и его брат.

Это бесит невероятно, и я бы высказал всё, что о них думал, прямо им же в лицо, но какая-то атмосфера витала в комнате, какая-то неясная тревога. Это заставило меня заткнуться и пойти искать свой боевой посох, который уже успел покрыться пылью.

Вернувшись обратно, уже с посохом в руке и монетами за пазухой, я застал двух братьев там же, где их оставил. С точно такими же взглядами, направленными куда-то вовне, в тех же позах.

— Да что происходит то?! — мне надоело терпеть их непонятное поведение, ярость скапливается, посох слегка светится белым.

Мой возмущённый окрик словно бы отрезвил их. Они посмотрели друг на друга.

— Что у тебя? — спросил Йохан.

— Их много, сотня солдат, ещё я насчитал семерых магов, причём двое их них странные, их эмоции... их словно бы нет.

— Думаешь они такие же как ты, брат?

— Возможно. Если смотреть по направлениям, то они повсюду. Большинство стражи перекрыло дорогу на лес, там же я уловил твоих мертвецов...

— Да я собрал их в одном месте.

— Ясно, значит мертвецы нам не помогут, но зато отвлекут солдат... я так понимаю, что твой источник пуст?

Йохан кивнул.

— Плохо... сейчас мы разделимся.

— Нет!

Я впервые увидел Йохана таким нервным, он даже побледнел. Если минуту назад я был в ярости, то сейчас мне стало страшно, ведь впереди нас ожидает настоящее сражение, в котором я ещё никогда не участвовал.

Йохан вскочил со стула, схватил Кайла за плечи, и повторил снова, нервно и звонко:

— НЕТ! Я знаю, что ты задумал. И НЕТ!

— Двое магов, эмоции которых я не могу прочесть засели на поляне, по дороге к ним есть горстка солдат... — Кайл говорил тихо и медленно, голосом пытаясь успокоить брата, но это не действовало даже на меня, про Йохана так вообще говорить нечего, он весь побледнел и слегка дрожал, пока Кайл продолжал говорить:

— Нам нужно разделиться, брат. И ты это прекрасно понимаешь. Отсюда ведут только два пути, через поляну, или дальше по тракту. Обратного в лес возвращаться бессмысленно, мы вернёмся в деревню, откуда бежали. Если пойдём вместе через тракт или поляну, то они объединятся и зажмут нас спереди и сзади. Значит нужно разделиться, и ты пойдёшь вместе с Миртом по тракту... вы попросите помощи у Триши, я уверен, что она вам не откажет...

— А ты тем временем собираешься один сразиться против магов, засевших на поляне?! Ты хоть понимаешь, что это безумие, Кайл?!!!

— А других вариантов у нас нет. Я выпущу свою силу, и вы не сможете находиться рядом. Солдаты сбегут или погибнут, а с теми двумя я справлюсь.

— НЕТ!

— Брат, послушай...

— НЕТ!

Йохан казался непреклонным, и я могу его понять, он переживает за брата, но то, что говорит Кайл... кажется мне правильным выбором, поэтому я встану на сторону Кайла.

— Йохан... — красавчик некромант посмотрел на меня забитым, испуганным взглядом, в котором помимо страха было столько мольбы... что мне трудно было произнести следующие слова, однако я их всё же произнёс, — твой брат прав. У нас просто нет других вариантов разобраться с этим. Если мы останемся здесь, то умрут местные жители... ты же не хочешь этого, правда?

Я давил на жалость за счёт местных жителей, которые ни в чём не виноваты, я вынуждал Йохана пожертвовать своим братом и из-за этого чувствовал себя последним дерьмом. Но так нужно, другого пути у нас нет.

Йохану было не легко. Я видел это в его глазах. Я знал, что он всё понимает, но представить его боль я не мог, я лишь догадывался о ней.

В конце он кивнул, и мы вышли за стены трактира. Йохан обнял брата на прощанье, и Кайл ушёл. Мы смотрели ему в спину несколько секунд, а затем побежали к башне стражи, просить помощи у сильных воительниц, которые по идее должны быть против нас, ведь против нас выступает владетель этого домена, молодой барон, что вместе со стражей ждёт нас дальше по тракту. И мы должны уговорить стражниц выступить на нашей стороне...

2

Когда мы подошли к Трише, она начищала свои ножи. Увидев нас, она сильно удивилась.

— Не ожидала вас увидеть в нашей башне. Что-то случилось?

И вот тут-то мы и замерли. Мы же не рассказывали девушкам ничего, ни каким образом оказались здесь, не про то, что Кайл и Йохан убили старого барона. Сейчас просить стражницу о помощи — это максимально бредовая идея, как ни посмотри. Однако Йохан заговорил, выдавая всё и сразу:

— За нами пришли люди барона, они хотят убить нас... Кайл ушёл через поле, в надежде прорваться, мы же хотим пройти через тракт, но там нас ждут солдаты, несколько магов и молодой барон.

Триша замерла. Затем взглянул на нас уже совсем по-другому и когда она заговорила, голос её стал жёстче:

— А почему молодой барон так сильно жаждет вашей смерти? И Кайл... он справится один?

— Мы убили старого барона, потому что пришёл взять с деревни, в которой мы раньше жили, грабительские налоги. Платить было нечем, мы убили несколько отрядов казначеев перед этим, и старый барон шёл нас проучить...

— Ясно. — Триша на это даже и бровью не повела. — Что с Кайлом?

— Он... он знает, что делает.

Повисла тишина. На долгие вязкие мгновения. Мне честно надоело уже это всё и разорвал эту тишину бесцеремонно, вдоволь насладившись ей:

— Так ты поможешь нам?

Она посмотрела на меня, спокойной. В этот момент я ужасно испугался отказа, но она сказала:

— Да.

И я выдохнул.

— Я помогу вам, — продолжала она, — и уверена, что Мира тоже поможет, она знаешь ли втюрилась в тебя поуши красавчик Йохан. Разбуди её сам, и обо всём расскажи, найдёшь её в спальне... хотя ты и сам знаешь где её искать. — Триша криво улыбнулась.

Йохан кивнул и отправился на поиски подруги, оставив меня с Тришей наедине.

Она всадила свои ножи в чехлы на ремнях с приятным щелчком. Уселась на лавку и уставилась в пол. Затем посмотрела на меня и спросила:

— Почему Йохан так нервничал, когда говорил о Кайле?

Новый переплёт... как же я устал от фигни, царящей вокруг! А она ждёт. Смотрит на меня так тяжело и ждёт ответа. И мне придётся отвечать, пусть и будет это нелегко.

— Понимаешь, Триша... на поляне Кайла ждёт засада и... мы не уверены, что он сможет выйти оттуда живым.

Её глаза дрогнули. Я едва успел уловить это движение, и не был этому рад. Всё стало лишь сложнее. А голос Триши грубее:

— И вы отправляетесь по тракту, вместо того, чтобы помочь ему?

Задергать дыхание и очень глубоко вдохнуть. Повторяю три раза. И только после этого могу выдать ответ, мой голос ужасно нервный и я сам это понимаю, но совладать с ним не получается:

— Он... сам захотел так.

Звучит как самое поганое оправдание в мире. И оттого, что это правда, совсем не легче.

Однако она не стала давить на меня, не стала кричать, хотя могла воспользоваться моим отчаянием и слабостью. Сейчас меня можно раздавить как клопа, однако она не давит. Лишь молчит, а затем тяжело вздыхает.

— Вижу. Это на него похоже. За этим решением стоит он сам, и это понятно... но Мирт, мне то что с этим делать?

Её глаза блестят. Она едва сдерживает слёзы.

— Мне то что делать с его решением? Я даже помочь ему не могу, Мирт...

В горле стало горько, и никак не получается сплотнуть. Мы молчим. Потому что молчать оказывается гораздо легче, чем говорить.

Так нас находят Йохан и Мира. Они оба готовы, оба серьёзны. Мы с Тришей не очень

готовы, раздавленные ситуацией, но нам придётся действовать.

3

Мы вышли к ним, идти далеко не пришлось. Десяток воинов. Один молодой парень в доспехах и на коне. Одна девчонка в белых одеяниях, похожа на монахиню. Две барышни в роскошных платьях и остроконечных шляпах. Один мужчина с длинным мечом в руках, от меча исходит красная дымка. И... Кику. Со своей кривой палкой в руках, от её рук идёт зелёный свет. Она готова к бою, в её глазах злоба, она смотрит на меня, почти не моргая.

В сторону этой разношёрстной толпы я выпустил три сверкающих белых шара, я успел заметить, как удивилась девчонка в белых одеяниях, успел заметить три сверкающих барьера, что закрыли ведьм и барона, но не солдат. А потом всё началось. Мужчина с красным мечом бросился на нас, его же примеру последовали солдаты. Ведьмы остались на месте, барьеры они не опустили. Кику так же осталась возле барона, не рискуя лезть вперёд.

За моей спиной стоял Йохан. В башне ему дали боевой топорик, это единственное оружие, с которым он немного умел обращаться, но на этом его возможности заканчивались, без своих мертвецов он обычный человек.

По бокам от меня стоят Мира и Триша. Они достали свои ножи и к моему удивлению и удивлению окружающих, девушки наполовину растворились в тени, оставив видимыми лишь пару силуэтов, но я совершенно не вижу их рук. И когда первый солдат добежал до нас, и замахнулся мечом на меня, тёмный силуэт оказался с ним рядом, и он упал, хрипя и пуская кровавую слюну. Его горло оказалось перерезано.

Я выпустил новые световые сгустки, они пронесли через тени, на долю секунды осветив внутри них Тришу и Миру, пронесли дальше, врезались в бегущих солдат, и прошли сквозь них, оставляя опалённые дыры в их доспехах и плоти. Смотрелось это невероятно мерзко, вот бежит на меня закованный в доспех человек, а вот в него врезается световой шар и в его плоти появляется здоровенная сквозная дыра, просто дыра, через которую даже кровь не бежит, ведь мясо вокруг мгновенно запеклось...

Меня чуть не вырвало, но я сдержался.

Число солдат уменьшилось, как уменьшились и мои силы. Однако, оставшиеся солдаты всё же добежали до нас, они что-то кричали, что-то ужасно яростное, криком пытаюсь перебороть страх перед смертью. Два тёмных силуэта передо мной вступили в бой, и оставшиеся шесть солдат тоже. Только число солдат играло не в их пользу, одновременно сражаться могли лишь двое, остальные лишь мешали, в то время как Триша и Мира идеально друг друга дополняя уменьшали число противников одного за другим.

Так продолжалось пока в бой не ввязался пожилой мужчина с красным мечом. До этого он стоял в стороне и смотрел. Смотрел внимательно. Ждал чего-то, может пока солдаты закончатся. А когда они закончились, он вошёл в бой, коротким, но резким движением воткнул свой меч куда-то в низ, там, где предположительно у одной из девушек были ноги, только сейчас этих ног было не видно, потому что их закрывала тень... однако. Он попал. Я услышал стон и одна из теней повалилась, кто именно не разобрать, Триша то была, или Мира.

Бой продолжался.

Неизвестный воин попытался добить раненую девушку, но ему не дала вторая тень. Она напала на него стремительно, я лишь различал лязг невидимых кинжалов о броню война, он каким-то образом чувствовал куда будет направлен следующий удар, и подставлял доспех или меч. Удары были очень быстры, их было много, и мужчина не смог защититься от всех,

пару ударов он всё же пропустил и его лицо крест на крест прорубили две уродливые раны, задев так же и глаз. Однако он не выпал из боя. Он даже не закричал, скорее напротив, он яростно стал контратаковать и защищаться пришлось уже тени, и она отступала, отступать пришлось и мне, так как я стоял за её спиной.

И случилось неожиданное. Несколько мёртвых солдат вдруг зашевелились и схватили мужчину за ноги, попытались впиться в лодыжки зубами, однако и там были латы. Раздался противный лязгающий звук, от которого необъяснимо заболела челюсть.

Пусть мертвецы и не смогли навредить войну с кровавым мечом, но они его отвлекли, и тень вновь напала очередной серией ударов. Часть ударов пришлось на броню, часть он вновь закрыл мечом, но на этот раз гораздо медлительней, ведь мертвецы не отпустили его, они ползли по его телу, хватались за его руки. Тень продолжала наносить удары. Лицо война вновь покрыли ужасно уродливые глубокие раны, в сторону отлетело отрезанное ухо... удары не прекращались.

Вдруг мертвецы у ног война вспыхнули белым и осыпались пеплом. Я посмотрел на людей позади сражающихся, у девочки в монашеских одеяниях светились руки. Она маг света и она уничтожила мертвецов... жалко, что опоздала. Тень бросилась вперёд. Шею мужчины закрывала железная пластина, но каким-то чудом, совсем рядом с пластиной, выше, у самого подбородка, появились два глубоких разреза. Тень рассеялась, и я смог увидеть Тришу, потную, грязную, она воткнула свои ножи сверху вниз в горло мужчины, и резким движением вынула их и отпрянула.

Воин какое-то время стоял. Он выронил свой меч и руками пытался закрыть раны, но железная пластина нещадно мешала, и он ничего не мог сделать, пока его кровь стремительно вытекала двумя пульсирующими струями.

Он осел на землю и там вырубился.

Только теперь я заметил, что стало с Мирой... а она лежала на земле, бледная, с синим губами. Она смотрела в небо, а её глаза сделались водянистыми и слепыми, как у рыбы. Очевидно, что Мира уже мертва. Рядом с ней сидит Йохан, он держит её за руку. Триша лишь единожды взглянула на подругу, и больше старалась в ту сторону не смотреть, своим тяжёлым взглядом сконцентрировавшись на врагах.

В моей душе родилась какая-то холодная жестокость. И я тоже смотрел в сторону барона и его людей. Смотрел в глаза Кику, свой взгляд больше не отводил, во мне не осталось сожаления перед ней, но появилась жажда боли. Её боли. Я хочу, чтобы она страдала за то в чём виновата.

Барон не выдержал напряжения. Схватил девчонку в белых одеяниях, закинул её на своего мощного жеребца и поскакал прочь отсюда, далее по тракту. Кику даже не посмотрела в его сторону. Она кажется такому поступку совсем не удивилась. В отличие от трёх дамочек в остроконечных шляпах, что до этого держали защитные барьеры. В их взглядах было столько удивления, что я едва не рассмеялся, так комично смотрелось их переглядывание и растерянность.

Эти трое о чём-то заговорили друг с другом, а затем подошли немного ближе к нам и прокричали:

— Мы не будем сражаться с вами! Наш наниматель сбежал! Нам больше нечего делать здесь!

Повисла неловкая пауза.

— Вы будете преследовать нас?

Я посмотрел на Йохана. Он молчал, он даже не посмотрел в их сторону, он не сводил взгляда с Миры. Я посмотрел на Тришу. Та тоже молчала. Значит говорить придётся мне. Чёрт бы их побрал!

— Идите! — крикнул я. — Вы ничего не сделали нам! Мы не будем вас преследовать!

Одна из них, та, что кричала, улыбнулась мне и кивнула. Они ушли, прошли мимо Кику немного виновато, и отправились следом за бароном, дальше по тракту.

***

И вот мы стоим друг на против друга, как в старые добрые времена, когда эта крутая девушка учила меня драться.

— И ради чего всё это, Кику?

— Ради Билла...

— Билл мёртв, Сука! Ты делаешь это только ради себя.

Мне не сложно говорить ей правду. Хотя должно быть сложно, но она сама отравила мне душу, сама вернулась сюда ради глупейшей мести. Из-за неё погибла Мира, та, кто вообще ни в чём не виновата. Я не хочу убивать Кику, но я хочу, чтобы она познала боль за всё, что натворила здесь.

Я попросил Тришу и Йохана не вмешиваться. Они не возразили, остались позади.

Кику напала первой. Бросилась на меня, замахнувшись своей кривой палкой, с яростью, безумием, с каким-то несчастным отчаянием. Кажется, уже сейчас она начинает осознавать, что проиграла.

Я не стал блокировать удар, не стал уворачиваться от него. Просто в момент, когда она подобралась близко и напала, я выпустил световой шар в её колено. Тот прошёл через плоть очень плавно и быстро, разделив ногу Кику на двое.

Её палка коснулась моего плеча. Я вскрикнул... моя рука повисла неживой плетью.

А затем она упала, потеряв опору. Боль настигла её.

Кику визжала, она брыкалась на земле, руками схватившись за обрубленную ногу, её руки светились зелёным, а из глаз текли слёзы вперемешку с соплями.

Оставшейся рукой я едва мог удерживать тяжёлый посох, но смог направить его и выпустить ещё один слепящий светом шар в колено Кику. Она осталась без второй ноги.

Она кричала, что-то ужасно отвратительное, нечеловеческое. Я больше не смотрел на неё. Просто отвернулся и пошёл обратно к Йохану и Триш.

Кику мне стала вдруг невероятно брезглива, мне захотелось поскорее о ней забыть.

Пока я шёл обратно в друзьям, невольно бросил взгляд на небо и что-то поразило меня в нём, что-то заставило остановиться и задуматься...

Пустотой сдавило грудь, что-то там внутри порвалось на куски и заставило присесть на холодную землю.

Впервые за всё то время, что я путешествую вместе с Йоханом и Кайлом, на небе нет ни одной тучи.

4

КАЙЛ

С погодой творилось что-то невероятное. Время заката только-только прошло, ночь скоро наступит, но ещё не наступила. Небо заволокло тучами, но не совсем, а лишь с того конца, откуда пришёл Кайл. Он понимал, что этого сила создаёт вокруг дождь. Он стал понимать это только недавно.

С другого конца неба, там, где только-только зашло солнце, шёл человек. Он был похож

на шута, но пёстрый макияж на его лице смазлся, растёкся от пота. И теперь эта маска из грима представляла из себя жуткое зрелище. Человек хихикал и что-то бубнил себе под нос. Человек был стар, но походка его была пружиниста и легка. Он был одет в смешной фиолетовый пиджачок и такого же цвета панталоны. В руке он сжимал одноручную булаву... на булаве была запёкшаяся кровь. Человек подходил всё ближе, его мотивы не были понятны Кайлу, а попробовав прочитав эмоции этого жуткого старикашки, он наткнулся лишь на смех... непрекращающийся хохот внутри этого человека... Кайл едва сдержался, чтобы не засмеяться. Это было странно. Это было с Кайлом впервые.

Небо поделилось на три куска. На три разных цвета. На три разные стихии. С третьей стороны шёл мрак. Тёмная, чёрная, сладкая тьма. Там шёл человек. С тонкими чертами лица. С чёрными прядями длинных волос. Он был потрясающе одет, какой-то модный синий жакет, на груди серебряная цепочка, многочисленные перстни на руках... но если бы знающий человек увидел те кольца, то непременно бы скривился, ведь то была дешёвка... и даже цепочка на груди была старой и уже давно потеряла своё былое сияние. Юноша шёл величаво. В руке сжимал оголённую шпагу, чистую, длинную, острую на конце. Огромная игла, созданная для накалывания на неё огромных человеческих бабочек. Кайл вдруг подумал, что сегодня такой бабочкой хотят сделать его. Кайл так же попробовал прочитав и этого юношу, но смог увидеть лишь грусть. Непроглядную. Невозможную. Прежде чем успел осознать себя, из левого глаза Кайла вытекла одинокая слеза.

В этот момент Кайл всё понял.

Он понял кто эти люди. И Кайл призвал свою силу и точно так же, как и они, пустил свой дар в себя, собрал его в груди непробиваемой стеной, заставил сердце и душу пуститься в бешенный галоп страха. Двое, что шли к нему, содрогнулись. Остановились на миг. Но тот миг был коротким. Он закончился, и они пошли дальше. Расстояние между ними сокращалось стремительно и неотвратно.

С небом в этот день творилось что-то невообразимое. Оно разделилось на три равных куска. Гроза. Закат. И Тьма.

Они встретились посреди лесной поляны. Кайл к этому времени успел выудить из-за пазухи свой корявый нож, подарок Мирта. Нож был чёрным, кривым и холодным, как ледяной дождь.

Первым напал старик. Его удары было невозможно предсказать. Он двигался, словно был пьян, но с грацией танцовщицы. Удары его были невероятны. Не один другой человек никогда бы не смог изгибаться в таких позах. Но старик этот мог, и изумлял Кайла с каждой минутой всё больше, однако... удары его были медленными. Булава была тяжёлой. И только это одно спасало Кайлу жизнь. Старик был недоволен.

— Хи-хи... я размозжу тебе башку... хи-хи... — вдруг выдал он и снова изогнулся в невероятной позе, Кайл едва смог избежать удара в голову, а старик изогнулся вновь и продолжил натиск.

Со лба Кайла катились капельки пота. В подмышках становилось влажно. Старик не казался усталым. Он с каждой минутой двигался всё более невероятно и изящно. Кайл устал уворачиваться. Он собрал свой дар в тонкий пучок, в небольшое щупальце. И как только старик снова промахнулся, Кайл ударил его своим ножом, задел лишь рёбра вскользь, не ранил сильно, лишь мелкая царапина... однако щупальце страха впилося в старого шута, конечно это не пробило его щит, но заставило содрогнуться, немного замешкаться. Кайл решил повторить нападение, решил атаковать снова, ведь возможности более удачной

сложно себе представить. И он напал на старика. Замахнулся, почти чиркнул ножом по горлу шута... да только он забыл про второго.

В подмышку Кайла воткнулась шпага. Пробила плоть. Прошла сквозь рёбра и прошла лёгкое. Кайл оказался насажен на иглу, похожий на муху, до бабочки он к сожалению, не дотянул... слишком уродлив и зол, со своими красными глазами.

Юноша вытащил свою шпагу. Из кармана синего жакета извлёк белоснежный платок, и без единой эмоции протёр металл от крови.

Кайл содрогаясь всем телом, сделал пару хрупких шагов назад. Он пробовал дышать, но не получалось. Из его горла слышалось бульканье и хрип.

Он упал на колени, он пытался вдохнуть в себя немного воздуха.

Старик очнулся, его заминка вдруг закончилась. Страх прошёл и шут подпрыгнул к Кайлу совсем близко. Расхохотался в бледное лицо.

— Ох негодник! Ты меня же обдурил! Коварный засранец! Ну ничего... с пробитой головой дурить меня тебе станет труднее!

Шут замахнулся театрально высоко. Кайл успел увидеть булаву с запёкшейся кровью на металлическом шарике, успел увидеть поганую улыбку на разрисованном лице.

А потом его череп размозжили. И всё закончилось. И небо стало нормальным.

Йохан ушёл в себя, держа за руку Миру, смотря в пустоту, он казался призраком. Мирт повалился на землю и смотрел в небо, он был здесь, в отличие от Йохана, но пользы от него так же никакой не было. Оставалась одна лишь Триша, и пусть ей было больно, ведь умерла её подруга, и то что происходило с небом... Триша догадывалась, что Кайла больше нет. Но вместо того, чтобы волноваться и кричать, она сдерживала тревогу, откладывая её на более спокойное время. Девушка подошла к Мирту, растолкала его, заставила подняться, и как маленького ребёнка потащила парня к Йохану, держа за руку.

Она подняла и Йохана, но тот не реагировал, взгляд его оставался пустым. Триша зарядила ему пару звонких пощёчин и взгляд красавчика некроманта прояснился.

— Убирайтесь отсюда! — закричала Триша. — Если они разобрались с Кайлом, то придут сюда и за вами!

Йохан смотрел на губы Триши, он точно слышал слова, которые стражница прокричала ему прямо в лицо, но молчал.

— Ээээй, ты слышишь меня вообще?!

Девушка трясла его за плечи, а он пытался собрать извилины вместе и понять, что делать дальше.

Спас положение Мирт. Он взял Йохана под плечо и повёл в сторону, а потом дальше по тракту.

Триша смотрела им в спины какое-то время, а затем подошла наконец к подруге, посидела возле неё, что-то тихо прошептала в пустоту. А затем, взяла Миру на руки и понесла в сторону башни. В этот день ей предстоит пережить ещё и похороны, а горевать сейчас не время, этим можно заняться и после.

***

Мирт вёл Йохана по тракту до ближайшего поворота, свернув в какой-то подлесок они спустились в овраг, дальше следуя по низине они шли молча до тех пор, пока на их пути не оказался широкий быстротекущий ручей.

Мирт предложил Йохану остановиться здесь. Некромант безвольно кивнул.

— Может ты... поднимешь из мёртвых какую-нибудь зверушку и отправишь проверить не следует ли кто за нами? — предложил Мирт.

На что Йохан глухо ответил:

— Уже... никого нет... они остались у тракта, осматривают трупы...

— Думаешь они пойдут за нами?

Йохан ничего на это не ответил. А Мирт не стал переспрашивать.

Некромант уселся на траву возле ручья и стал смотреть в пустоту. Мирт принялся собирать ветки для костра. Затем он нарвал с деревьев тонкие ветви с листьями и устроил небольшую кровать себе и Йохану. Спать им придётся вместе, ночи бывают очень холодные и нужно сохранять тепло.

Когда наступил вечер Мирт развёл маленький костёрчик. Он сидел рядом с ним и грел руки, подставляя их под тёплое жёлтое свечение огня. Йохан сидел рядом.

— Йохан, они так и не пошли за нами?

— Нет. Ушли следом за бароном.

— А ты... как ты за ними следишь вообще?

— Труп одного солдата. Мне не хватило сил для того, чтобы полноценно поднять его, но для слежки он гадится.

— Как это? Мертвец не может подняться, но... может крутить головой?

— Что-то вроде того.

В тот вечер они больше не сказали друг другу ни слова. Легли спать. А на утро Мирт проснулся от треска ветвей. Йохана рядом не было. Заспанный парень оглядывался вокруг, пытаясь понять откуда шёл звук. И он нашёл его источник. На дереве, чуть вдалеке, Йохан за шею повешенный висел. Некромант разорвал свою рубаху на одну длинную тряпку, обмотал один конец вокруг шеи, другой вокруг ветки и бросился вниз. Мирт застал тот момент, когда ветвь не выдержала веса некроманта и слегка треснула, однако не обломилась.

Некромант висел в воздухе, дёргался ногами и всем телом, а лицо его ужасно покраснело.

Мирт подбежал к дереву, подпрыгнул и ухватился за ноги некроманта. Рванул вниз со всей силы. Рывок не выдержала ни тряпка, ни ветка. Некромант вместе с Миртом повалились на землю, и сверху на них упала здоровенная дубина.

Спустя какое-то время они вновь сидели у ручья. Живот Мирта урчал от голода, но парень не обращал на него никакого внимания, он был занят одни лишь Йоханом, а вернее его нравоучением:

— Ты вообще о чём думал, когда решил покончить с собой?! Твой брат ради этого нас спасал?! А, Мира? Она ради чего жизнью пожертвовала?! Чтобы ты потом посреди леса на ветке сдох?!!!

Некромант ничего не отвечал, сидел на земле, в землю смотрел и покрасневшую от удушки шею тёр.

Мирту надоело говорить одному, тем-более всё это явно было бес толку. Парень затушил костёр, напился студёной воды из ручья, и отправился дальше в путь, не оглядываясь, идёт ли за ним некромант, он просто шёл дальше, обиженный и злобный.

***

Неизвестно, что было в голове у Йохана, но на следующее утро, после очередной голодной и холодной ночёвки в диких местах, некромант ушёл от Мирта, следуя своему пути.

А Мирт, проснувшись рано по утру, и не найдя рядом Йохана, даже не удивился такому выбору товарища. Он лишь тяжело вздохнул, ему точно надоело, что таким образом он теряет друзей, просто засыпает рядом с ними, а на утро их уже нет. Так было с Биллом. Так получилось и с Йоханом.

Однако, Мирт, за последнее время, очерствел душой, и такие мелочи его перестали сильно волновать. Сейчас его заботил нарастающий голод в животе, и рано по утру он решил озаботиться именно этой проблемой, а не бесконечными грустными мыслями об ушедшем куда-то некроманте.

***

Когда Йохан очнулся, незнакомая девушка в рясе трогала его лоб. Она заметила, что его глаза открылись, быстро убрала свою руку от его лба, и чуть ли не отпрыгнула от него на пару шагов назад. Щёки её залил румянец. На голове девушки был странный белый чепец, одета она в серый сарафан... в рясу — вдруг понял Йохан. Эта девушка монахиня. Совсем юная. Рыжая. В веснушках. Она улыбнулась ему застенчиво, потихоньку краска стала спадать с её милого лица.

— М-меня зовут Камилла. Я монахиня при детском приюте... как вы себя чувствуете?

— Привет, Камилла. Меня зовут Йохан и я... — он прислушался к себе, пошевелил слегка руками и ногами, в теле ощущалась усталость, но в целом всё было в порядке, лишь голова неприятно гудела, — в целом всё хорошо, Камилла... только вот одно мне непонятно, как же я оказался в детском приюте?

— Ну, м... я нашла вас на лесной поляне, когда собирала травы необходимые для лечения ребят, дети, знаете ли, часто болеют... в общем, вы были без сознания, лежали головой вниз... мне показалось, что вам нужна помощь и я перенесла вас сюда, в детский приют при монастыре святой Агнес.

— Вот как, — Йохан ещё раз оглядел девушку, особое внимание уделяя её худым и нежным рукам, — должно быть вам не легко пришлось тащить меня, я всё-таки не из лёгких...

— Да ну бросьте! Вы совсем не кажетесь... тяжёлым... — щёки Камиллы вновь залил румянец. — К тому же, как говорят охотники: *"живой вес тащить намного легче мёртвого"*... ха-ха... не знаю почему, но кажется, что это действительно так.

— И всё же, спасибо за помощь, Камилла! Вам я обязан жизнью.

— Да ладно... хватит! — Камилла отвела от Йохана взгляд. Сердце девушки сильно колотилось, она впервые видела столь красивого парня, к тому же он и внутри был кажется добрым и вежливым. Камилла впервые в жизни пожалела, что стала монахиней и приняла обет безбрачия...

Йохан откинул одеяло и попробовал встать с кровати. Это у него получилось сразу, и почти без усилий, лишь голова отозвалась каким-то непонятным гулом. На этот раз сильнее, чем, когда он просто лежал, недвижимый.

— Простите меня, добрая Камилла, за волнение и усилия, я уйду отсюда тотчас же, лишь помогите мне найти свои вещи, и больше я вас не побеспокою.

— Но зачем же так?! Вы мне совсем ничего не должны и извиняться в вашей ситуации будет лишним! — Камилла вдруг стала абсолютно серьёзной. — В благодарность за спасение можете лишь, если располагают средства, внести подношение в храм святой Агнессы, мне же ничего от вас не нужно... напротив, я была бы не против, если бы вы остались у нас ещё на день, восстановили силы для продолжения своего путешествия, иначе какая же цена вашего спасения, если вы сейчас уйдёте и снова упадёте где-нибудь без сил?

— Вы кажется правы, но мне будет очень неудобно перед вами...

— Забудьте про стеснение! — девушка стала сама на себя не похожа, какая-то храбрость появилась в её душе, ей захотелось доказать что-то этому прекрасному парню. — Оставайтесь у нас до завтра! И более того, скоро будет вечерняя трапеза, а вам нужно восстановить силы. Так что оставайтесь, и кушайте вместе с нами. Вам всё ясно?!

— Д-да... а вы очень бойкая девушка, Камилла. — Йохан улыбнулся, как мог более признательно. Он своей улыбкой совершенно не ведал, что творит. Камилла, увидев это прекрасное чудо, влюбилась в Йохана, отдав ему своё сердце, сама того ещё не понимая.

— Вот и хорошо, — прошептала Камилла едва слышно и выскользнула из комнаты так быстро-быстро, как только могла.

А Йохан улёгся обратно в свою кровать. И попытался расслабиться, чтобы гул в голове немного затих. Но он никак не затихал, напротив, словно становился сильнее, да и голод пробудился в его теле, когда он вдруг почувствовал аромат овсяной каши на молоке... но голод быстро перестал иметь значение, как и гул в голове, ведь Йохан вскоре снова

вспомнил про брата...

***

На вечерней трапезе было много людей. На Йохана все пялились с интересом, дети таясь и отводя взгляд, а взрослые монахини смотрели прямо, смотрели нагло, и если честно, смотрели с упрёком и ненавистью.

— Эм... я что-то сделал не так? — спросил Йохан у сидящей рядом Камиллы, когда доел свою маленькую порцию каши.

— Нет, просто настоятельницы приюта давно очерствели в душе, давно забыта для них ласка и доброта, они не понимают и не хотят понимать, что я спасла тебе жизнь, а видят в тебе лишь мужлана, от которого необходимо избавиться.

— Тебе не попадёт из-за меня?

— Нет. Я выше их по духовному сану и всё что они могут, это накатать на меня клязу в монастырь. И они это точно сделают, тогда меня отзовут в другое место, чему я буду только рада.

Они посидели какое-то время молча, смотря на забытых детей, что ели в несвойственной для них тишине, едва касаясь свои тарелок, и то и дело оглядываясь на стол настоятельниц.

— А ты не думала остаться? — вдруг спросил Йохан, продолжая разговор.

— Думала... — Камилла удивлённо посмотрела ему в глаза, — но почему ты спрашиваешь?

— Ты добрая и заботливая девушка, спасла меня, дала приют. Я почему-то уверен, что и с детьми ты обращаешься хорошо, в отличие от них... ты могла бы изменить здесь всё.

Камилла улыбнулась, совершенно грустной улыбкой.

— Я пыталась, Йохан, но мой сан не настолько высок, чтобы приказывать этим упрямым матронам, и я одна... и лишь моего желания мало, чтобы изменить существующий порядок вещей... к тому же, есть и другая грань вопроса.

— Какая? — удивительным образом эта беседа заинтересовала Йохана.

— Дети не всегда бывают хорошими. Многим из них пришлось не сладко в жизни, и они научились воровать, лгать, иногда даже убивать... некоторые бросили это занятие, когда оказались в стенах приюта, но... большинство увидело в этих ужасных вещах выгоду, и они не могут, да и не хотят меняться к лучшему. С такими детьми можно взаимодействовать лишь жёсткими приказами и силой... другой язык они не понимают.

— Жестоко...

— Но иначе никак. И пожилые матроны стали такими не из-за хорошей жизни. Через них прошли многие десятки детей, и многих они смогли перевоспитать.

— Значит ты решила не влезать туда, где существует жестокий, но действенный порядок. Боишься всё испортить.

— Точно. Я слишком мало варюсь в этом котле, так сказать, и если честно, то я больше не хочу в нём вариться, слишком это...

— Тяжело. Окружение давит. Я понимаю тебя. — сказано это было столь мрачным и тяжёлым тоном, что Камилла ни секунды не сомневаясь поняла, что он говорит чистую правду и у него есть веские причины так говорить. Однако спрашивать об этом она не стала, испугавшись влезть не в своё дело, она ограничилась одним лишь:

— Точно. Ты прав, Йохан.

Они молчали, растягивая неволью своё прощание. Им обоим была приятна компания

друг друга и расставаться они не очень-то и хотели. Однако тишина уж слишком затянулась, и Йохан уже собирался попрощаться с Камиллой и уйти в свою комнату... когда в зал вошёл ОН.

Ещё совсем мальчишка. Лет около семи. Он шёл прямо, спина немного сгорблена, абсолютно тощее тело, совершенно угловатое и неказистое. Он прошёл по залу к одному из столов, где сидели дети, там как раз одно место пустовало, к одной единственной тарелке никто не притронулся, никто не стащил кусок чёрствого ржаного хлеба. Всё это дожидалось его. Но мальчик не притронулся к каше, лишь взял кусок хлеба и сразу, не мешкая, развернулся обратно и направился прочь из обеденной залы. Все дети провожали его взглядами и даже матроны не сводили с него своего железного взора.

Мальчик прошёл мимо стола, за которым сидел Йохан, и тот не поверил своим глазам.

У парня были красные, словно злобные, глаза, которыми он смотрел в пол и старался не оглядываться на окружающих. На голове у него были невероятно чёрные волосы. Слегка заросший, невероятно угрюмый, в этот миг он показался Йохану видением. И он не смог сдержаться и сам себе залепил пощёчину. Но видение никуда не делось. Прямо на его глазах мальчик приоткрыл тяжёлую дубовую дверь и выскользнул в коридор.

— А...а зачем ты себя ударил? — не смогла сдержать вопрос любопытная Камилла. — Удивился из-за цвета его глаз? Ну да, это большая редкость, но не настолько же чтобы...

— Нет. Вовсе нет. Я уже встречал людей с красными глазами. Дело вовсе не в них... просто он напомнил мне... одного человека. — Йохан едва смог проглотить ком в горле.

— Кто этот мальчик? — спросил он, немного придя в себя.

— А? Это Герел... удивительно, что он напомнил тебе кого-то... таких детей я вообще редко встречаю, он абсолютно нелюдим, злобен и почему-то когда смотришь ему в глаза становится невероятно жутко... и такое чувство словно гигантский паук ползёт по спине.

— Вот как...

Сердце Йохана билось всё быстрее. Какая-то странная надежда и боль терзали его невыносимо, и лишь одного он хотел сейчас:

— А где его можно найти? Где его комната? Я хочу с ним поговорить.

— Да?! — Камилла казалась невероятно удивлена. — Ты правда хочешь говорить с ним... ну ладно. У него нет комнаты, потому что другие дети боятся спать с ним рядом, да и были случаи... не важно. В общем теперь он спит в дровянике, подальше ото всех, и если хочешь, то можешь найти его там... это такое неказистое маленькое здание во дворе приюта, рядом с ним несколько полениц стоит, поэтому не пропустишь... но если хочешь, то я могу и проводить.

Йохан мгновенно поднялся:

— Спасибо, но не надо.

И вышел быстро и стремительно в коридор монастыря, где перешёл чуть ли не на бег.

***

Йохан стоял у дровяника. Перед ним на пеньке сидел тот самый мальчишка, по имени Гербер. Он смотрел на Йохана своими красными злющими глазами. Йохан не знал, с чего стоит начать разговор, а слова в его голове разбегались, напрочь отказываясь обретать какой-либо смысл.

Тишина затягивалась. Мальчишке надоело ждать.

— Чё надо?

— Кайл, ты...

— Я Гербер, мужик.

— Да, точно... прости.

— Чё те надо от меня?

— Поговорить.

Мальчик ничего не ответил на это заявление, но стал более внимательно рассматривать Йохана, а тот в свою очередь ощутил покалывание в кончиках пальцев и такое гаденькое чувство, словно ему залезли в душу. Точно такое же, как если бы брат вслушивался в него...

— Ты хочешь позаботиться обо мне?! Чё за бред?!! — Герел вскочил с места и отбежал подальше от Йохана, но не убежал полностью, а остановился и обернулся посмотреть на него. Издалека он крикнул:

— Ты... моя родня?

Йохан не торопился с ответом. Он вдруг понял, что врать этому парню будет нехорошо, да и мальчишка это поймёт, однако, если сказать неправильно, то он убежит и откажется после с ним говорить... а значит нужно сказать:

— Я могу ей стать.

Гербер не подошёл к нему. Не кинулся в объятия. Но и не убежал прочь. Он остался стоять на месте.

— Ты дурак! — уверенно заявил он. — Просто дурак!

— Возможно. — Йохан улыбнулся ему, как мог добрее.

— Почему ты так относишься ко мне, незнакомый мужик?

— Потому что ты похож на моего брата... ты словно точная его копия, и ты тоже обладаешь магией страха.

— Нет... я... стыд.

КОНЕЦ.

Больше книг на сайте - Knigoed.net